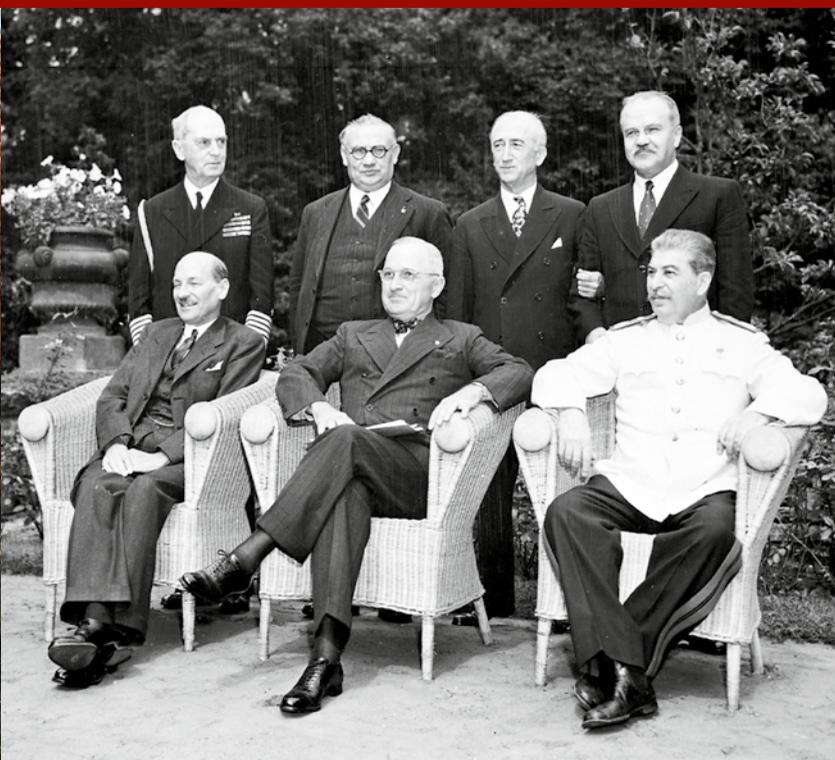

РУССКАЯ МЫСЛЬ

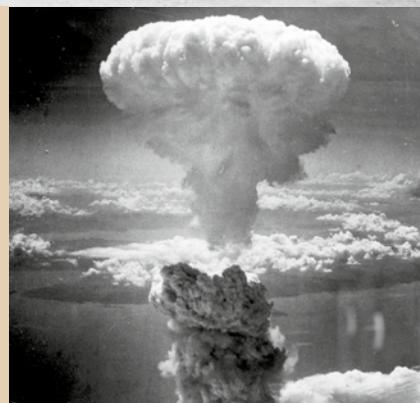
№168/7-8 (5039)
ИЮЛЬ – АВГУСТ 2025

На русском
и английском языках

Журнал основан
в 1880 году
www.RussianMind.com

80-летие
окончания
Второй мировой
войны

Памятник советским воинам, освободившим Курильские острова в 1945 году. Петропавловск-Камчатский. Россия

ОТ РЕДАКЦИИ

ПОМНИТЬ. И МИР ЗАЩИТИТЬ

Вторая мировая война (1939–1945) длилась более шести лет и стала самой кровопролитной в мировой истории. 80 лет назад она закончилась подписанием 2 сентября 1945 года на борту американского линкора «Миссури» акта о безоговорочной капитуляции Японии. А прежде свершилось главное: под ударами советских войск и солдат союзников из США и Великобритании 6 июня 1944 года, пала гитлеровская Германия. Над Рейхстагом взвился красный флаг, настал День Победы – 9 мая. Надо помнить: именно СССР сначала остановил в 1941-м германский blitzkrieg, а затем воины Красной армии дошли до Берлина, неся свободу от фашизма и гитлеровского диктата народам Европы и не только им.

Цифры говорят о многом. Вторая мировая втянула в себя 62 государства из существовавших тогда 74-х. На фронтах бились за годы войны 110 миллионов человек, сражения шли на территориях 40 государств. Даже сейчас трудно сказать со всей точностью, но погибло не менее 70 миллионов человек, из них свыше 27 миллионов – больше других! – потерял СССР.

На финише войны США впервые в истории применили ядерное оружие: 6 и 9 августа 1945 года были сброшены атомные бомбы на японские города Хиросима и Нагасаки. Из-за двух взрывов мгновенно погибли 80 тысяч человек, а к концу года число погибших, в том числе от онкологических заболеваний и лучевой болезни, составило от 90 до 166 тысяч человек в Хиросиме и от 60 до 80 тысяч в Нагасаки. При этом общепризнано, что значимой военной необходимости бомбить мирные города не было. А вот ядерный ящик был открыт...

Есть разные подходы к оценке причин и итогов войны, появляется немало лжи и искажений, но невозможно оспорить, что Вторая мировая сопровождалась холокостом и геноцидом целых народов со стороны Германии, стремлением рейха превратить, например, славян в подневольных рабов, уничтожением десятков тысяч городов и сел, страданиями миллионов и миллионов людей на многих континентах. Материальные потери достигали 60–70% национального дохода участвовавших в битвах государств. По совокупности всего этого фашистская и нацистская идеологии были признаны преступными на Нюрнбергском процессе и запрещены, а главные военные преступники казнены. Казалось, созданы предпосылки, чтобы подобная мировая трагедия больше не повторилась. Тем более что на основе антигитлеровской коалиции была учреждена Организация Объединенных Наций для предотвращения мировых войн в будущем, решения возникающих сложных вопросов, гармонизации мирового развития.

«Наш советский народ не жалел сил и труда во имя победы, – говорил 2 сентября 1945 года генералиссимус Иосиф Сталин в обращении к соотечественникам. – Мы пережили тяжелые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили. Отныне мы можем считать нашу отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке. Наступил долгожданный мир для народов всего мира».

Да, мир тогда наступил, но угроза испепеляющей войны со временем появилась вновь, и сейчас она все сильнее. Именно поэтому наш общий долг – не допустить ее.

Издательский дом «Русская мысль» выражает благодарность Фонду поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, за оказание поддержки и финансового содействия в выпуске специального номера журнала «Русская мысль», посвященного 80-летию окончания Второй мировой войны.

РУССКАЯ МЫСЛЬ
№168/7–8(5039)
ИЮЛЬ – АВГУСТ 2025

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Анатолий Адамишин
Митрополит Антоний
Ренэ Герра

Александр Трубецкой
Дмитрий Шаховской
Петр Шереметев
Сергей Ястржембский

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Кирилл Привалов
kp@russianmind.com

ОТВЕТСТВЕННЫЙ
И ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР
Карина Энфенджян
karina@russianmind.com

РЕДАКТОР ИСТОРИЧЕСКОГО ОТДЕЛА
Вячеслав Катамидзе

ДИРЕКТОР ПО РАЗВИТИЮ

Александр Машкин
am@russianmind.com

КРЕАТИВНЫЙ ПРОДЮСЕР

Василий Григорьев
cr@russianmind.com

ДИЗАЙН

Роман Малофеев
design@russianmind.com

ПЕРЕВОДЧИКИ

Лилия Сергеева, Дмитрий Лапа

ПО ВОПРОСАМ

РАЗМЕЩЕНИЯ РЕКЛАМЫ:
sales@russianmind.com

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

distribution@russianmind.com

ПОДПИСКА:

subscription@russianmind.com

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Улица Юрия Гагарина 231, 11073,
Белград, Сербия

ОБЛОЖКА:

Коллаж на тему окончания
Второй мировой войны

ПРИ ПОДГОТОВКЕ НОМЕРА БЫЛИ
ИСПОЛЬЗОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ
ИСТОЧНИКИ:

wikireading.ru, zvezdaweekly.ru, mk.ru, proza.ru, vz.ru,
redstar.ru, topwar.ru, regnum.ru, kp.ru;
foto: wikimedia.org/wikipedia/commons,
commons.wikimedia.org

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в сообщениях информационных агентств, рекламных материалах и объявлениях. Редакция не имеет возможности вступать в переписку и не возвращает рукописи и иллюстрации. Редакция не предоставляет справочной информации. Перепечатка материалов из журнала «Русская мысль» – только по согласованию с редакцией. О случаях отсутствия в продаже журнала «Русская мысль», нарушениях сроков доставки и других недостатках в нашей работе сообщайте по номеру +44 (0) 203 205 0041 или пишите на e-mail: rmo@russianmind.com

ТИРАЖ: 7000 ЭКЗ.

ТЕМА НОМЕРА

6 ПОСЛЕДНИЙ АККОРД
В САМОЙ СТРАШНОЙ
ИЗ ВОЙН

Стратегические решения советских генералов, разгромивших самую мощную армию в мире за четыре года, обеспечили победу и над Квантунской армией, но всего за полторы недели.

ИСТОРИЯ:
ОКОНЧАНИЕ ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ**12** ТРАГЕДИЯ
1939–1945 ГОДОВ

В 1945 году никем не ставился под сомнение тот факт, что Советский Союз внес решающий вклад в разгром гитлеровской Германии и ее сателлитов.

18 ЗА КУЛИСАМИ
ПОТСДАМСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

Потсдамская конференция оказалась последней в цепи совещаний глав государств антигитлеровской коалиции.

26 НА СОПКАХ
МАНЬЧЖУРИИ

Наступательная операция на Дальнем Востоке имела огромное военно-политическое значение.

30 УЖИН
С ИМПЕРАТОРОМ

Пу И называл русского офицера просто «Александр».

32 ВПЕРЕД
НА МУДАНЬЦЗЯН!

Август 1945-го стал для Японской империи чередой потрясений.

38 ДЕСАНТ
НА ХОККАЙДО

Острова Японского архипелага предполагалось разделить между четырьмя основными участниками антияпонской коалиции – США, Англией, Китаем и СССР.

42 ЧЕРНЫЙ ДОЖДЬ
НАД ХИРОСИМОЙ
И НАГАСАКИ

Восемь десятилетий назад человечество впервые познало страшную силу атомного оружия.

48 РЕВИЗИИ
НЕ ПОДЛЕЖИТ

Без вступления в войну СССР американцы не смогли бы быстро победить Японию с помощью атомного оружия.

56 ПОЧЕТНАЯ МИССИЯ
СЫНА КАМЕНОТЕСА

Под Актом о безоговорочной капитуляции Японии стоит подпись генерал-лейтенанта Кузьмы Николаевича Деревянки, представлявшего советскую сторону.

60 БОМБЫ
И «ДАУНФОЛ»

Оценки возможных потерь при осуществлении двухступенчатой операции «Даунфол» были чрезвычайно высоки

62 ХРОНИКА
ПОБЕДЫ

Кампания советских войск на Дальнем Востоке в августе – сентябре 1945 года занимает особое место в истории военного искусства.

НАШИМ
СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ**70** ОНИ СРАЖАЛИСЬ
ЗА РОДИНУ

Сражаясь против фашизма, белоэмигранты и советские военнопленные защищали и Россию, и Францию, где они оказались волею судеб.

ИСТОРИЯ

74 ПАРАДОКСЫ
ГЕРМАНСКОЙ ПАМЯТИ

Искушение исторической вины, покаяние перед миром долгое время определяли самосознание немцев.

76 НАНКИНСКАЯ
ТРАГЕДИЯ

Нанкинскую резню одобрил принц Асако, а массовые убийства военнопленных лично санкционировал император Хирохито.

80 КАК ЭТО БЫЛО:
СЛЕДЫ ДУЧЕ

В Италии забыли, но за годы оккупации Ливии были уничтожены сотни тысяч мирных людей.

ЛИТЕРАТУРА

82 ВОЙНА ГЛАЗАМИ
ПОЭТОВ

Авторы этих стихов – не только поэты-дальневосточники, прошедшие фронты советско-японского противостояния, но и те, кто подготавливал Великую Победу долгие годы борьбы с гитлеровцами и их пособниками.

86 ЯПОНСКИЙ
ЛАБИРИНТ

Предлагаем вниманию читателей фрагменты книги известного русского писателя В. Д. Поголяева о Рихарде Зорге.

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

98 РУССКО-ЯПОНСКАЯ
ВОЙНА 1904–1905 ГОДОВ
ГЛАЗАМИ
ДЖЕКА ЛОНДОНА

7 января 1904 года вместе с группой других журналистов Джек Лондон отплыл из Сан-Франциско в Йокोगаму на борту парохода Siberia.

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ВЕСТНИК**106** ПРОИСХОЖДЕНИЕ
И ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Церковные праздники конца лета.

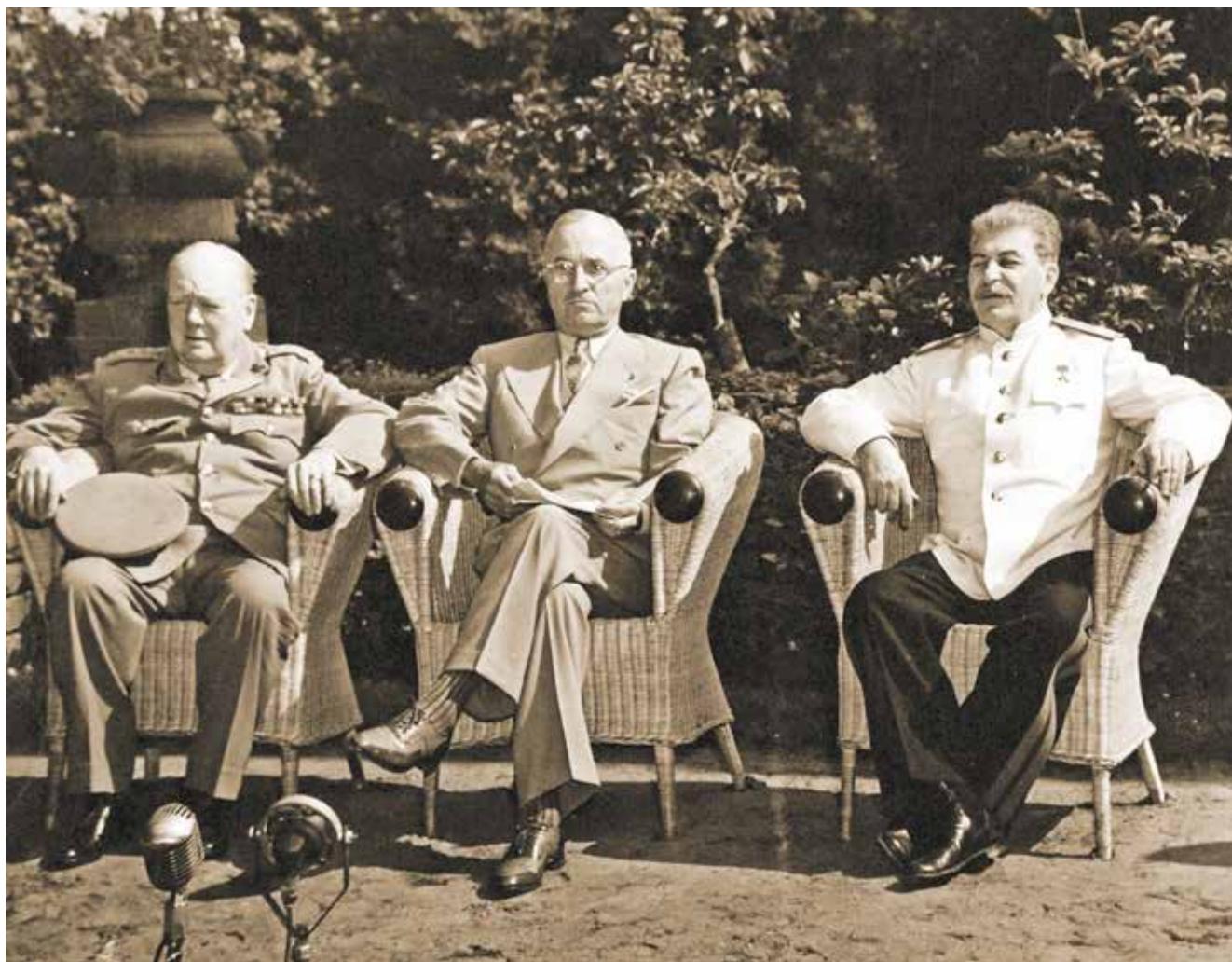
ЧИТАЙТЕ В НАШЕМ
ЖУРНАЛЕ СТАТЬИ
НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

ИСТОРИЯ: ОКОНЧАНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ПОСЛЕДНИЙ АККОРД В САМОЙ СТРАШНОЙ ИЗ ВОЙН

Стратегические решения советских генералов, разгромивших самую мощную армию в мире за четыре года, обеспечили победу и над Квантунской армией, но всего за полторы недели

ВЯЧЕСЛАВ КАТАМИДЗЕ

У. Черчилль (28 июля его заменит К. Эттли), Г. Трумэн и И. Сталин в дни Потсдамской конференции. 25 июля 1945

По подсчетам специалистов по истории Второй мировой войны, к 80-летию исторической победы союзников над Германией

и ее сателлитами в ведущих странах массовой информации 20 крупнейших стран мира появилось более 12 тысяч статей,

посвященных последнему периоду войны и ее итогам. И в каждой из них детально обсуждались события завершающего

периода войны, включая капитуляцию Японии.

Относительно самой капитуляции мнения авторов всех этих статей разделились на три группы: авторы первой группы считают, что ядерные удары ВВС США по городам Хиросима и Нагасаки решили судьбу империалистической Японии: дальнейшее сопротивление было просто бесполезным.

Вторую группу составляют в основном русские и китайские историки, которые считают мощным завершающим аккордом Второй мировой войны разгром японской 850-тысячной Квантунской армии советскими войсками, в результате чего был практически уничтожен стратегический резерв японских вооруженных сил и японские острова лишились эффективной береговой защиты.

Наиболее многочисленную группу историков составляют те, кто, учитывая оба изложенных фактора, приходят к выводу, что Япония с самого начала не имела никаких шансов на успех в этой войне, потому что ее важнейшим противником стали США, обладавшие на тот момент гигантским военно-промышленным потенциалом, огромным авианосным флотом и судостроительными возможностями, с которыми не могли сравниться все страны Азии.

Прежде чем начать повествование о том, как США после Перл-Харбора, а советские войска после вступления в войну против Японии в 1945 году противоборствовали с японской военной машиной, скажем несколько слов о том, что из себя представляла в то время Страна восходящего солнца.

В Японии существовал режим, получивший название «японского милитаризма». Его идеологической основой являлись все возрастающая роль военных в жизни общества и поклонение военной силе. По сути, военные стали

особым привилегированным классом в стране уже в конце XIX века, а с начала XX-го и до самого окончания Второй мировой войны этот класс доминировал в общественно-политической жизни, определяя главные направления развития не только вооруженных сил, но и японского общества в целом.

При этом японский милитаризм был особого рода. То была смесь политики японо-центричного развития во всей Юго-Восточной Азии и возвеличивания боевого духа японского народа с основными требованиями самурайского кода. Читатель легко догадается: то был агрессивный шовинизм. Соответственно историки считают, что внешняя политика японского государства была околорашистской.

К этому надо добавить, что с последней четверти XIX века все больше возрастала роль синтоистского духовенства. Синтоизм, или «путь богов», – это традиционная японская религия, корни которой уходят в древние анимистические верования японцев, основанные на почитании множества божеств, называемых «ками», а также духов природы. Синтоизм был провозглашен государственным культом, обязательным для всех японцев, и главным объектом культа был император.

Если учесть, что синтоизм был связан и даже в какой-то степени переплетен с культурой морально-этического кодекса самураев «бусидо», где дисциплинированность и подчинение начальству считались благом, неудивительно, что этот сплав воззрений вылился в итоге в идейно-политическую концепцию, которую ни один японец не мог оспаривать: японская нация и ее культура уникальны, Япония стоит намного выше, чем страны, не достигшие такого уровня развития. Следовательно, Япония имеет право владычествовать – и не только в своем регионе!

Историки отмечают, что японский милитаризм не сформировался в результате государственного переворота и не сопровождался существенной перестройкой государственного аппарата; он стал следствием эволюции политической культуры страны. Но нет сомнений в том, что его усиление происходило особенно быстро в 1920–1930-е годы под влиянием националистической и фашистской идеологии европейских стран, прежде всего Германии и Италии.

Опыт боевых действий на Тихоокеанском театре уже с первого дня показал, что, несмотря на тяжелейшие потери, понесенные флотом США в ходе атаки японских сил на Перл-Харбор, военнотехнические средства американцев, судя по всему, были лучше, чем японские.

Тихий океан считался американцами зоной не только стратегических, но и государственных интересов, и в этом плане борьба с Японией была в ходе всей Второй мировой войны приоритетным направлением в военно-политических акциях Соединенных Штатов.

На то чтобы подвести милитаристскую Японию к окончательному поражению, были направлены усилия США на протяжении всех лет войны на Тихом океане. И понятно, почему. Япония была их единственным соперником во всем Тихоокеанском бассейне, к тому же самым опасным, потому что имела опыт вооруженной борьбы в Китае, Корее и в других странах Юго-Восточной Азии.

Если оценивать шансы Японии на победу в этом единоборстве, то их у Японии не было даже после Перл-Харбора. Военно-морские силы США могли действовать вблизи и вокруг японских островов, нарушать японские морские коммуникации и наносить удары по тихоокеанским островам,

Моряки-десантники Тихоокеанского флота водружают флаг над Порт-Артуром. 25 августа 1945

на которых находились японские базы и гарнизоны; что же касается континентальной части США, то после Перл-Харбора она стала практически недостижима для японских ВМС и ВВС.

Но у трагедии Перл-Харбора была и другая сторона: она вызвала в США мощную волну патриотизма, ненависть к коварному, вероломному врагу. В стане гитлеровских союзников пожимали плечами: там считали, что потери американского флота не так уж и велики. Японцы потопили пять линкоров из семнадцати (три потом удалось вернуть в строй), а всего было потоплено или повреждено 18 из 90 судов, стоявших в гавани. Погибло 2402 офицера и матроса флота, была уничтожена почти вся авиация военной базы, все ангары и склады оружия и топлива.

Впрочем, американцы быстро компенсировали потери во флоте. Уже к середине Второй мировой

войны Соединенные Штаты обладали таким судостроительным потенциалом, что были способны спускать на воду по два и даже три военных корабля основных классов, от авианосцев до подводных лодок, каждый день!

Получается, что японцы своим ударом в «Жемчужной бухте» обеспечили рождение военно-морской супердержавы, обладающей беспрецедентной боевой мощью. Эти корабли, возможно, далеко не сразу вступили в сражения с японскими ВМС, но Японией война уже была в принципе проиграна. К исходу 1942 года это было ясно всему миру.

Общее соотношение сил ВВС и ВМС США и Японии все увеличивалось в пользу американцев: если к началу 1942 года оно колебалось в пропорции от 1:4 до 1:5, то в последний период войны уже достигло 1:11!

В 1944 году американцы выбили японские войска из Филиппин. Это означало, что Япония осталась без

поставок нефти и, следовательно, уже этим была обречена на тяжкое поражение.

Города Японии с каждым днем становились все более обширными пепелищами: Токио, Осака, Нагоя и Кобе были практически сметены с лица земли. Самой страшной была бомбардировка Токио, совершенная в ночь с 9 на 10 марта 1945 года. Более 300 самолетов Б-29 сбросили на Токио 1700 зажигательных бомб. Огнем было охвачено свыше 40 квадратных километров города, погибло более 100 тысяч человек.

Потери в вооруженных силах Японии к 1945 году были примерно в десять раз выше, чем у их противников. К этому времени Япония потеряла в вооруженной борьбе около двух миллионов своих военнослужащих на море и на суше, и потери продолжали расти.

Не менее сложной для Японии была обстановка в Маньчжурии, где на разгром японской Квантунской армии выдвигались советские дивизии.

В апреле 1941 года, до войны с фашистской Германией, был заключен советско-японский пакт о нейтралитете, который несколько снизил напряженность в отношениях между Японией и СССР, существовавшую со времен Русско-японской войны 1904–1905 годов и японской интервенции на Дальнем Востоке во времена Гражданской войны.

Одновременно с подготовкой удара по англо-американским войскам на Тихом океане, японское командование разрабатывало план боевых действий и против Советского Союза под кодовым названием «Кантокуэн» (особые маневры Квантунской армии). План этот был составлен на случай, если СССР, после японского нападения на американский флот, сразу же согласится на некий союз с США против Японии. Но тут Берлин дал понять Токио, что готовится к массированному нападению на западные

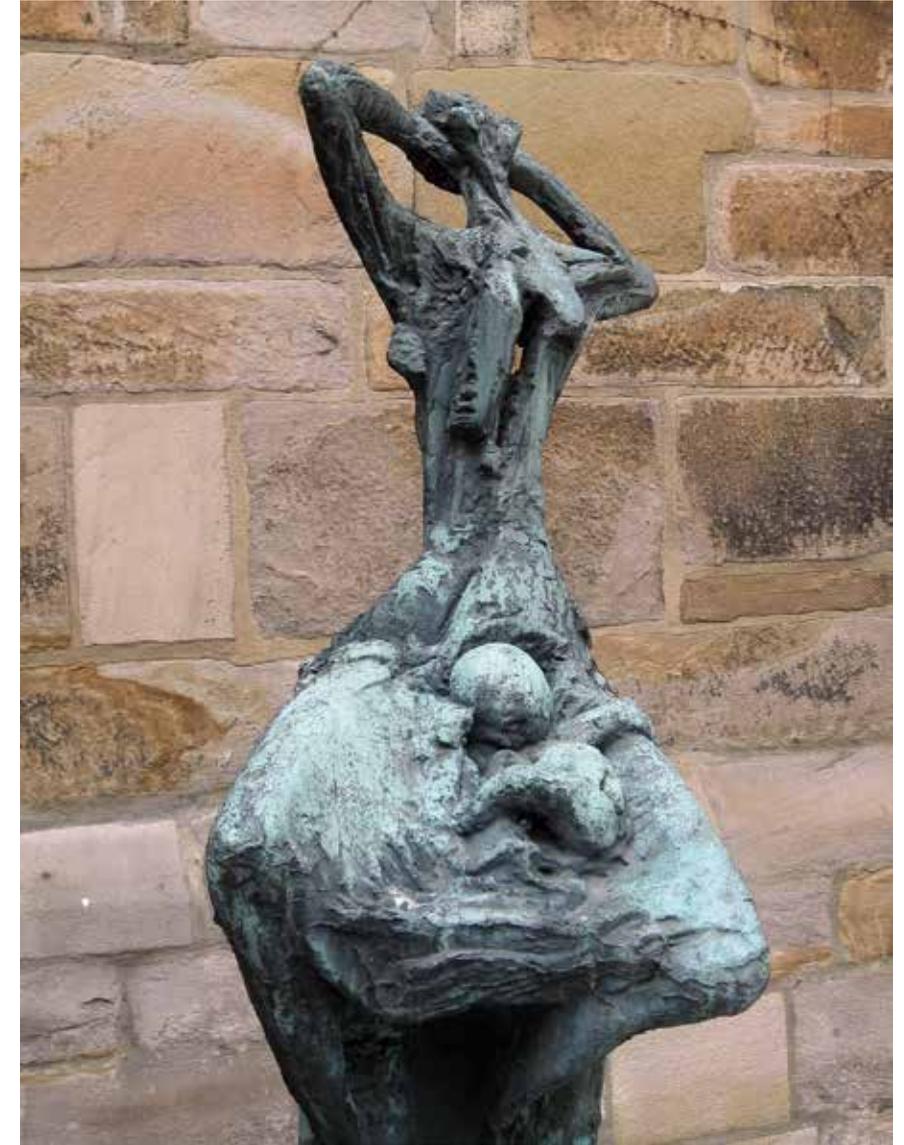
территории Советского Союза, так что Японии боятся нечего.

Советская разведка доносила, однако, что по мере расширения боевых действий на Тихоокеанском театре и в случае успешных действий против американских ВМС на юге и юго-востоке Тихого океана японские силы в Маньчжурии будут значительно увеличены и Япония будет готова оказать помощь Германии в разгроме Советского Союза. Сообщения такого рода приходили в Москву до конца 1942 года, а это значило, что опасность вступления Японии в войну против СССР на его дальневосточных границах сохранялась. Это заставляло советское правительство держать на Дальнем Востоке значительные силы. Однако победоносное наступление Красной армии в Европе развивалось так быстро, что обстановка на Дальнем Востоке беспокоила Кремль все меньше.

У США и Великобритании, союзников СССР по антигитлеровской коалиции, наиважнейшей, насущной задачей оставался окончательный разгром Японии. На Ялтинской встрече руководителей трех великих держав в феврале 1945 года Иосиф Сталин, Франклин Рузвельт и Уинстон Черчилль подписали следующее секретное соглашение по вопросам Дальнего Востока.

Ялтинское секретное соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока. 11 февраля 1945 г.

Руководители Трех Великих Держав – Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании – согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне Союзников при условии:

Скульптура «Мать Хиросима», созданная в 1958 году Ансельмом Треезе. Площадь Плац фон Хиросима в Дортмунде (Северный Рейн-Вестфалия, Германия)

1. сохранения status quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики);

2. восстановления принадлежащих России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:

а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов;

б) интернационализации торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов

Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР;

в) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского Общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай

Памятник советским воинам в Харбине

сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет;

3. передачи Советскому Союзу Курильских островов.

Предполагается, что соглашение относительно Внешней Монголии и вышеупомянутых портов и железных дорог потребует согласия генералиссимуса Чан Кай-ши. По совету маршала И. В. Сталина, Президент примет меры к тому, чтобы было получено такое согласие.

Главы Правительств трех великих держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией.

Со своей стороны Советский Союз выражает готовность заключить с Национальным Китайским Правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига.

**1945 года, 11 февраля
Иосиф Сталин
Франклин Рузвельт
Уинстон Черчилль**

Верное союзническому долгу, правительство СССР денонсировало 5 апреля 1945 года советско-японский договор о нейтралитете. 8 августа 1945 года в Москве

советское правительство передало японскому послу заявление, в котором говорилось, что в связи с отказом Японии прекратить военные действия против США, Великобритании и Китая Советский Союз с 9 августа 1945 года считает себя в состоянии войны с Японией.

Скажем прямо, перед советскими войсками стояла непростая задача. К лету 1945 года японцы имели в Маньчжурии 17 укрепрайонов, 4,5 тыс. дотов и дзотов, многочисленные аэродромы и посадочные площадки. В Квантунской армии числилось около миллиона личного состава, 1150 танков, более полутора тысяч самолетов, примерно

более 5 тыс. самолетов, 93 корабля. В июле 1945 года было образовано Главное командование советскими войсками на Дальнем Востоке, его возглавил маршал Советского Союза Александр Василевский, бывший начальник Генерального штаба советских вооруженных сил.

Маньчжурская операция началась 9 августа 1945 года, в 00:00 по байкальскому времени. Наступление Красной армии в Маньчжурии велось на всех направлениях практически одновременно.

Несколько слов о театре военных действий. Площадь Маньчжурии в полтора раза больше, чем площадь всей Западной Европы. Но Красная армия 1945 года была во много раз сильнее, чем Квантунская армия. И союзники Гитлера, и союзники СССР знали, что более боеспособной и более опытной армии в 1945 году в мире не было. И тактика подразделений, и стратегические решения советских генералов, разгромивших самую мощную армию в мире за четыре года, обеспечили победу и над Квантунской армией – но всего за полторы недели! В этой войне было применено все: стремительные прорывы танковых и механизированных частей через гористую местность и пустыни, выброс парашютных десантов на аэродромы противника, глубокие охваты вражеских позиций и выдвижения разведывательных подразделений в глубокий тыл противника, которые буквально шокировали японских солдат.

6,5 тысяч орудий разных калибров. Чтобы преодолеть их сопротивление и прорваться сквозь массивные укрепления, нужны были смелые и хорошо подготовленные воины. И таких в Красной армии после взятия Берлина было много.

К началу войны на Дальнем Востоке советское командование перебросило туда силы, освободившиеся на Западе после победы над фашистской Германией. Общая численность советской группировки, созданной на Дальневосточном театре военных действий, достигла к началу августа 1945 года 1,7 млн человек, 30 тыс. орудий и минометов, 5,2 тыс. танков,

Красная армия имела абсолютное превосходство в воздухе и на море. Но сражения были, и довольно тяжелые! Безвозвратные потери в операции составили 12 тыс. советских воинов. Много было раненых, а также больных.

Советское наступление окончательно разрушило даже самые робкие надежды Японии на продолжение войны и приемлемый мирный договор.

Напомним, что именно 9 августа, когда советские войска пошли в наступление, американцы сбросили атомную бомбу на Нагасаки. К сведению читателей, немало жителей современной Японии убеждено, что атомные бомбы на них сбросили русские...

Не менее организованно и четко были проведены Южно-Сахалинская и Курильская операции. Чтобы взять остров Шумшу, советским морским десантникам потребовалось всего пять дней. А остров Иводзиму 100 тысяч американцев отвоевывали у японцев больше месяца и потеряли при этом без малого семь тысяч бойцов!

Августовские события 1945 года были для Японии, как считал американский генерал Макартур, «примерно такими же эмоциональными потрясениями, как аттракцион «американские горки» для провинциальной монахини».

10 августа Япония официально заявила о готовности принять Потсдамские условия капитуляции, – правда, с оговоркой относительно сохранения структуры императорской власти в стране. 11 августа США отвергли японскую поправку, настаивая на формуле Потсдамской конференции. 2 сентября Япония подписала Акт о безоговорочной капитуляции.

Этим актом, ставшим последним аккордом в героической борьбе против милитаристской Японии, и завершилась Вторая мировая война.

ТРАГЕДИЯ 1939–1945 ГОДОВ

В 1945 году никем не ставился под сомнение тот факт, что Советский Союз внес решающий вклад в разгром гитлеровской Германии и ее сателлитов

ОЛЕГ НАЗАРОВ,

обозреватель журнала «Историк», доктор исторических наук

Уильям Орпе. «Подписание Версальского мирного договора в Зеркальном зале Версальского дворца. 28 июня 1919 года.»

Вторая мировая война имела беспрецедентный масштаб. Начавшаяся как германско-польская, она постепенно вовлекла в свою орбиту 61 государство, 80% населения земного шара и продолжалась более шести лет. За 80 лет, прошедших

после ее окончания, добросовестные историки из разных стран опубликовали много интересных книг и статей, основанных на большом количестве различных источников. Государственные деятели и политики не могут сетовать на то, что им

негде узнать правду о предвоенном и военном времени и сделать выводы на будущее. Было бы желание ...

«Не мир, а перемирие лет на двадцать»

Так какие же причины Второй мировой войны называют историки? Отвечая на этот вопрос, доктор исторических наук Олег Ржешевский сделал важное замечание: «Движущие силы политики государств и их коалиций, которые привели в XX веке к двум мировым войнам, связаны с воздействием и столкновением геополитических, экономических, собственно военных (агрессивных или оборонительных) целей великих держав, с противоборством идеологий и цивилизаций. Возникновение не только мировых, но и малых войн, – это всегда исторический процесс, своими корнями уходящий в близкое или далекое прошлое».

Истоки и причины трагедии 1939 года надо искать в результатах Первой мировой войны и политике ведущих государств в межвоенный период, начиная с Версальского мирного договора от 28 июня 1919 года. Ознакомившись с ним, Верховный главнокомандующий союзными войсками во Франции в Первой мировой войне маршал Фердинанд Фош, в железнодорожном вагоне которого 11 ноября 1918 года было подписано Компьенское перемирие, произнес пророческие слова: «Это не мир, а перемирие лет на двадцать». В стане

победителей Фош был не единственным, кто не верил в долгий мир. В 1922-м французский политик Эдуард Эррио предрек войну через 15 лет.

Для тревожных опасений были веские основания. Геополитическим результатом Первой мировой стал распад четырех империй и возникновение на их месте новых государств. Устанавливая границы между ними, победившие в войне Великобритания и Франция действовали по своему усмотрению. Результатом деятельности Лондона и Парижа были недовольны многие страны, у которых появились территориальные претензии друг к другу. Ярким примером была Польша, более столетия отсутствовавшая на политической карте Европы. Появившись на ней в ноябре 1918 года, она сразу же стала предъявлять претензии соседям.

Противоречий хватало и в стане победителей – на Балканах, Ближнем Востоке и в отношении к Германии. США, подписав Версальский договор, не ратифицировали его. Позже многомиллиардные американские займы помогли восстановлению военно-промышленного потенциала Германии.

Послевоенная политическая карта Европы напоминала усеянное минами поле. Борьба за восстановление утраченных территорий и сфер влияния одними странами и защита другими приобретенных ими территорий не заставила себя ждать. Во многом именно она определяла характер международных отношений в межвоенный период и в итоге привела к новой мировой войне.

Этому способствовало тяжелое экономическое положение большинства стран. «Новое государственное размежевание полностью разрушило экономические связи в Центральной и Восточной Европе <...> Часто политически неприязненные друг другу новые

малые государства остро соперничали и в экономической области, полностью сосредоточившись на собственных хозяйственных трудностях и не пытаясь их компенсировать совместными усилиями. Самоопределение породило экономический раскол, преодолеть который европейские страны не могли, что создавало постоянную неустойчивость экономической ситуации в Старом Свете», – отметил белорусский историк Вениамин Космач.

Германская угроза

На этом историческом фоне в Европе расцвели итальянский фашизм, германский нацизм и авторитарные режимы в целом ряде стран. Их возникновение нельзя назвать случайным. «Версальская система оказалась неспособной выполнить свою непосредственную задачу – держать в узде побежденные страны. Антанта сплотила вокруг себя побежденных и вызвала их ненависть. Поражение Германии в войне усилило несоответствие между высоким уровнем экономического развития страны и слабостью ее позиций на мировых рынках, в сферах приложения капитала. Главная причина Первой мировой войны – борьба Германии за рынки сбыта, источники сырья и сферы приложения капитала – не была устранена, а лишь временно приглушена и неизбежно должна была через некоторое время обостриться еще больше. Ни попытка подорвать германскую экономику путем репараций, ни лишение Германии массовой армии не предотвратили реваншистской войны. Германские правящие круги начали думать о реванше сразу же после подписания перемирия. С другой стороны, разногласия среди держав Антанты не позволили создать прочные гарантии против немецкого реванша. Этому способствовало и стремление сохранить

германский милитаризм как анти-советский таран», – справедливо отмечал молдавский историк и политолог Сергей Назария.

Уже в конце 1920-х годов свои надежды на реванш германские правящие круги стали связывать с НСДАП Адольфа Гитлера. И до прихода к власти, и став фюрером Третьего рейха о многих своих геополитических целях Гитлер заявлял открыто. Он требовал сбросить с Германии «цепи Версаля», восстановить военный потенциал страны и начать «собираание немецких земель».

4 февраля 1938 года, назначив Йоахима фон Риббентропа министром иностранных дел, Гитлер поручил ему дипломатическим путем добиться присоединения к Третьей рейху Австрии, Судет, Мемеля (Клайпеды) и Данцига. То, что это была программа-минимум, фюрер дал понять 20 февраля. Выступая в рейхстаге, он заявил об особых правах Германии на охрану живших в других государствах немецких меньшинств. Таковых он насчитал в Австрии 6,5 млн, в Чехословакии – 3,5 млн, в Польше – 1150 тыс., во Франции (Эльзас-Лотарингия) – 1,5 млн, в Швейцарии – 2,9 млн, в Румынии – 800 тыс., в Югославии – 700 тыс., в Данциге – 350 тыс., в Венгрии – 350 тыс., в Южном Тироле – 240 тыс., в Бельгии – 100 тыс., в Мемеле – 140 тыс., в СССР – 200 тыс. человек.

Опорой экспансионистской политики гитлеровского режима стал крупный немецкий бизнес. Летом 1933 года был создан Генеральный совет германского хозяйства. В него вошли хозяева германской экономики: отец Густав и сын Альфред Крупп фон Болен унд Гальбах, Фриц Тиссен, Альберт Феглер, Карл Бош. После назначения Гитлера рейхсканцлером олигархи, надеясь на выгоду сотрудничества с нацистами, продолжали жертвовать им значительные суммы.

Накануне 80-летия окончания войны руководители 49 компаний в обнародованном германской прессой совместном заявлении (его подписали Adidas, Bayer, Bosch, BMW, Deutsche Bahn, DHL, Henkel, Hugo Boss, Lufthansa, Mercedes Benz, Porsche, Rheinmetall, Siemens, Uniper, Volkswagen и др.) признали: «Приход к власти национал-социалистов в 1933 году был бы невозможен без провала тогдашних ответственных лиц в политике, армии, судебной системе и экономике. Немецкие компании способствовали укреплению власти национал-социалистов. Преследуя собственные выгоды, многие фирмы и их представители были вовлечены в этот процесс».

И это еще мягко сказано. Член правления «ИГ Фарбен» Отто Амброз признал: «Дружба с СС приносит самые благоприятные плоды». В годы войны концерн получал узников концлагерей в качестве дешевой рабочей силы и использовал их для медицинских опытов, проводимых эсэсовскими врачами в лабораториях «ИГ Фарбен».

Людоедские планы Германии

То, что ограничиваться воссоединением разделенного немецкого народа в составе единой Германии Гитлер не собирался, также было хорошо известно. Идею завоевания Германией «жизненного пространства» для немцев на Востоке Европы он провозгласил в книге «Майн кампф» («Моя борьба»). Реализация захватнических планов неизбежно вела к военному столкновению с Советским Союзом. Дополнительной остроты добавляла непримиримая борьба гитлеровской Германии и сталинского СССР в области идеологий.

Поскольку агрессивный курс Гитлера нес угрозу целому ряду

европейских государств, Москва инициировала политику «коллективной безопасности».

«В 1930-е годы СССР пытался создать антинацистскую коалицию, чтобы с ее помощью сдерживать Германию до последнего, а если это не удастся, то победить ее на поле боя. Литвинов открыто говорил, что такую коалицию Советский Союз не сможет сформировать в одиночку. Он нуждался в поддержке западных держав: Соединенных Штатов, Франции, Великобритании, даже фашистской Италии. Но эти страны, одна за другой, отказали Советскому Союзу <...> К лету 1936 года все советские усилия, направленные на заключение пактов о взаимопомощи, пошли прахом, и Советский Союз оказался в изоляции. Повторю еще раз: союза с Москвой против нацистской Германии не желала ни одна страна; все вышеперечисленные европейские государства, включая Чехословакию, вели переговоры с Берлином, надеясь отвести от себя прожорливого хищника», – констатировал канадский историк Майкл Джабара Карлей.

В результате «прожорливый хищник» проглотил Австрию, Чехословакию и Клайпеду, а потом разгромил Польшу, Францию, Бельгию, Люксембург, Нидерланды, Данию, Норвегию, Югославию и Грецию. В 1940 году Берлин начал подготовку к нападению на Советский Союз. К войне толкала и проблема обеспечения страны зерном, с которой опять столкнулась Германия. Решить ее нацисты планировали за счет Украины и черноземной полосы РСФСР, что шло в русле стратегических планов Гитлера по завоеванию жизненного пространства. Все зерно, поступавшее в нечерноземную полосу России и на Северо-Запад страны, немцы планировали перенаправить на снабжение вермахта и Германии. В нечерноземной полосе,

на Северо-Западе России, в Москве и Ленинграде неизбежно должен был возникнуть чудовищный голод. Таким образом, немцы заранее планировали уничтожение десятков миллионов советских граждан. Способных оказывать сопротивление гитлеровцы собирались сразу же уничтожить, трудоспособную часть населения – превратить в рабов, а остальных изгнать за Урал.

Срыв германского блицкрига

22 июня 1941 года на территорию Советского Союза вторглась самая сильная и имевшая опыт боевых действий армия мира. Следом за Германией войну СССР объявили Италия, Румыния, Словакия, Финляндия, Венгрия, Румыния и Норвегия. На стороне Гитлера сражались соединения и части коллаборационистов из Албании, Бельгии, Дании, Испании, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Польши, Сербии, Франции, Хорватии, Чехии и Швеции. Суровым летом 1941-го перед советским народом встала угроза быть уничтоженным головорезами из «цивилизованной» Европы. В итоге их участие в войне увеличило ее продолжительность и число жертв.

Германское командование было уверено, что вермахт быстро разгромит Красную армию, считая, что она слабее французской. А французов немцы в мае – июне 1940 года одолели за шесть недель. Прогноз беспощадных и самоуверенных завоевателей не оправдался. «Поведение русских войск даже в первых боях находилось в поразительном контрасте с поведением поляков и западных союзников при поражении. Даже в окружении русские продолжали упорные бои», – признал начальник штаба 4-й полевой армии генерал Гюнтер Блюментрит. А хорошо осведомленный

начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Франц Гальдер констатировал то, что «русские не думают об отступлении, а напротив, бросают все, что имеют в своем распоряжении, навстречу вклинившимся германским войскам».

25 июня, на четвертый день Великой Отечественной войны, под обстрел попал разработчик одного из вариантов стратегии блицкрига генерал-лейтенант Эрих Маркс. Он получил тяжелое ранение и остался без ноги. 14 июля после ранения, полученного во время бомбардировки, умер лейтенант Ганс Георг Кейтель – сын начальника штаба Верховного командования вермахта, генерал-фельдмаршала Вильгельма Кейтеля. «Месяц на Восточном фронте для меня не прошел даром. Я убедился в том, что война против России плохо для нас кончится. Мы наполовину ее уже проиграли», – поделился грустными мыслями в письме отцу немецкий солдат Карл Крафт.

Первой и в полной мере все еще не оцененной победой Красной армии стал срыв блицкрига. Успех был оплачен жизнями миллионов советских людей. В 1941-м в белостокский, минский, уманский, киевский, лужский, вяземский и брянский «котлы» попали сотни тысяч красноармейцев. Многие сражались с врагом до последней возможности, что замедлило темп продвижения германских войск на Москву. Большинство попавших в плен красноармейцев умерло от голода, холода и ран в немецком плену.

Битва за Москву проходила в ситуации, когда эвакуированные в восточные регионы СССР промышленные предприятия еще не работали, а помощь по ленд-лизу почти не поступала (основные поставки начнутся позже). Несмотря на все невзгоды, Красная армия остановила немцев под Москвой, 5–6 декабря 1941 года нанесла

мощный контрудар и развеяла миф о непобедимости вермахта.

Хотя известие о разгроме немцев под Москвой вселило надежду на победу в борцов с нацизмом во всем мире, в 1942 году Красная армия продолжала в одиночестве сражаться с войсками Германии и ее сателлитов.

28 апреля президент США Франклин Делано Рузвельт в обращении к американской нации честно сказал: «Русские войска уничтожили и продолжают уничтожать больше живой силы, самолетов, танков и пушек нашего общего неприятеля, чем все остальные 25 государств антигитлеровской коалиции, вместе взятые». Признав это, Вашингтон и Лондон не спешили с открытием второго фронта в Европе.

Тяжелейший 1942-й завершился контрнаступлением Красной армии под Сталинградом. Разгром германских, итальянских, румынских

и венгерских войск в грандиозной 200-дневной битве на Волге и Дону вызвал ликование во всем мире. 7 февраля 1943 года *The New York Times* писала: «Окончательное уничтожение остатков немецкой армии под Сталинградом, случившееся на прошлой неделе, стало концом истории, который запомнят поколения». В плен попали 91 тыс. немецких «сверхчеловеков». В войне намечался коренной перелом, окончательно закрепленный в 1943 году победами в Курской битве и на Днестре.

Разгром Германии и блицкриг в Маньчжурии

С первого дня Великой Отечественной войны наши деды и прадеды мечтали дойти до Германии и отомстить гитлеровцам за их чудовищные преступления,

Советские и американские моряки празднуют День победы над Японией. 14 августа 1945

за живо закопанных в землю детей, за ужасы концлагерей, за разрушенные города и сожженные деревни. Когда они оказались на пороге Восточной Пруссии, в ночь на 27 августа и в ночь на 30 августа 1944 года британская авиация нанесла авиаудары по Кенигсбергу. От них пострадали не мощные укрепления города, а его исторический центр и жилые кварталы, где погибли в основном местные жители. Эти бомбардировки не облегчили Красной армии задачу по преодолению многочисленных оборонительных рубежей на пути к Кенигсбергу, зато дали аргументы геббельсовской пропаганде, призывавшей

немцев любой ценой отстоять Восточную Пруссию.

Кровопролитные бои в «логове фашистского зверя» продолжались полгода. 18 февраля 1945 года на окраине взятого накануне г. Мельзак (ныне польский Пененжно) был смертельно ранен осколком снаряда командующий войсками 3-го Белорусского фронта генерал армии Иван Черняховский. В ходе подготовки к штурму Кенигсберга, член Военного совета 43-й армии генерал-майор Сергей Шабалов сообщил бойцам 33-й гвардейской стрелковой Севастопольской дивизии о том, что крайслейтер Эрнст Вагнер в обращении к немецким

солдатам по радио через громкоговорители напомнил, что русские, опираясь на слабые сухопутные укрепления Севастополя, защищали его 250 дней, и потребовал продержаться столько же на мощных укреплениях Кенигсберга. На вопрос Шабалова: «Что ответим Вагнеру?» один из бойцов сказал: «Обыкновенно ответим. Мерки у нас с фашистом разные. Защищали мы Севастополь двести пятьдесят дней, а освободили за четыре». В тот момент никто не знал, что слова красноармейца окажутся пророческими – Кенигсберг был взят за четыре дня. Это случилось 9 апреля 1945 года. Через неделю

началась Берлинская стратегическая наступательная операция. 2 мая в 6 часов 30 минут комендант Берлина генерал артиллерии Гельмут Вейдлинг заявил о безоговорочной капитуляции гарнизона. Штурм столицы Германии продемонстрировал миру мощь и мастерство воинов-освободителей.

Красная армия поставила во Второй мировой войне точку, а точнее восклицательный знак в ходе Маньчжурской стратегической наступательной операции (9 августа – 2 сентября 1945 года). 8 августа, через три месяца после победы над Германией, СССР в полном соответствии с Ялтинскими договоренностями объявил войну Японии. Именно блистательный советский блицкриг в Маньчжурии, а не атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки стал главной причиной капитуляции Японии.

Итоги Второй мировой

Главным результатом Второй мировой войны стал разгром нацистской Германии и милитаристской Японии. Кардинальным образом изменился и расклад сил на международной арене.

Стоит напомнить, что после подписания Мюнхенского договора от 29 сентября 1938 года СССР оказался в международной изоляции. В конце 1938 года диктатор фашистской Италии Бенито Муссолини самоуверенно заявил: «То, что произошло в Мюнхене, означает конец большевизма в Европе, конец всего политического влияния России на нашем континенте». С ним тогда были согласны многие западные политики. Жизнь показала, что все они ошиблись. Преодолев в годы войны огромные трудности, Советский Союз одержал Победу и стал играть важнейшую роль в мировой политике.

Резко изменилась и позиция США на международной арене. Еще до окончания Второй мировой войны Соединенные Штаты выступили с претензией на роль доминирующей сверхдержавы, чему способствовало монопольное обладание ядерным оружием. Ослабили международные позиции Великобритании и Франции, а Германию и вовсе поделили на советскую, американскую, английскую и французскую оккупационные зоны. Сокрушительное поражение Японии в войне привело к резкому ослаблению ее влияния не только в мире, но и в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Особо следует подчеркнуть, что в 1945 году никем не ставился под сомнение тот факт, что Советский Союз внес решающий вклад в разгром гитлеровской Германии и ее сателлитов, что нашло отражение в протоколах и решениях Крымской (Ялтинской) и Потсдамской конференций глав СССР, США и Великобритании. 27 сентября 1944 года премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль в послании Сталину признал, что «именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины».

Сегодня циничные фальсификаторы истории без всяких на то оснований ставят под сомнение решающий вклад СССР в победу над Германией. Отвечая им, доктор антропологии Элисео Бертоласи (Италия) на прошедшей в мае 2025 года в Белграде научной конференции, посвященной геноциду славянских народов в XX веке, заявил: «Те, кто маневрирует в Европе, прекрасно знают цену, которую заплатил СССР за свержение нацизма <...> Европа прекрасно понимает, что перед этим фактом можно выразить лишь благодарность в адрес России. Но что она делает? Она искажает историю. Схема проста и логична: нацизм и коммунизм приравняются, следовательно,

не существует освобождения, а значит <...> нет обязанности благодарить».

Подобные «схемы» бессильны перед надежно установленными фактами и цифрами. На протяжении всей войны на советско-германском фронте сражалось около 75% германских войск. Причем это были лучшие части вермахта. Более 73% общих потерь немецкие войска понесли, сражаясь с Красной армией. Наши деды и прадеды уничтожили основную часть военной техники врагов: 75% танков и штурмовых орудий, свыше 75% боевых самолетов, 74% артиллерийских орудий. Красная армия «перемолола» 626 дивизий Германии и ее сателлитов. Советско-германский фронт по своей протяженности в несколько раз превосходил суммарную протяженность североафриканского, итальянского и западного фронтов. Эти факты не оставляют места для сомнений в величии подвига советского солдата, который внес решающий вклад в Победу, отстоял свою независимость и спас мир от коричневой чумы.

Достоверная история западным политикам не просто не нужна – она им как кость в горле. Наивно рассчитывать на то, что из событий Второй мировой войны ими будут извлечены правильные уроки. Зная о концлагерях и других чудовищных преступлениях, совершенных западными государствами и Японией в XX веке, они продолжают истощно клеветать на СССР и Россию.

Впрочем, ничто не ново под Луной – так Запад вел себя и раньше, например, во время Ливонской войны 1558–1583 годов и Крымской войны 1853–1856 годов. России надо отстаивать историческую правду, не питать иллюзий в отношении западных «партнеров» и напоминать им слова князя Александра Невского: «Если кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет! На том стоит и стоять будет Русская земля!».

ЗА КУЛИСАМИ ПОТСДАМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Потсдамская конференция оказалась последней в цепи совещаний глав государств антигитлеровской коалиции

АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ

Главным событием 1945 года, определившим контуры политического устройства послевоенного мира, стала Потсдамская конференция. Она оказалась последней в цепи совещаний глав государств антигитлеровской коалиции и вслед за Тегераном и Ялгой является, безусловно, событием исторического масштаба. В ходе этой конференции Сталину удалось решить целый ряд насущных вопросов и отстоять интересы СССР вопреки отчаянному сопротивлению Великобритании и США. Соединенные Штаты на конференции представлял новый президент Гарри Трумэн, занявший место Франклина Рузвельта. Делегацию Великобритании сначала возглавлял Уинстон Черчилль, а после поражения консерваторов на выборах его сменил лидер лейбористов Клемент Эттли.

Конференция, которую в западной историографии называют Берлинской, а у нас Потсдамской, проходила 17 июля – 2 августа 1945 года в пригороде Берлина Потсдаме. Заседания разгромивших Германию держав происходили в весьма характерном, можно даже сказать многозначительном месте: дворец Цецилиенхоф, построенный последним кайзером Вильгельмом II для своего сына кронпринца Вильгельма и его супруги Цецилии Мекленбург-Шверинской, стал последней резиденцией династии

Гогенцоллернов. По странному стечению обстоятельств строительные работы во дворце были закончены в октябре 1917 года, а в ноябре 1918 года Гогенцоллерны потеряли власть и кайзер и его сын бежали в Голландию.

Хотя дворец сохранился в хорошем состоянии, советской стороне, которая по праву освободителя Берлина выступала принимающей, пришлось изрядно потрудиться, чтобы обеспечить главам государств обстановку, необходимую для плодотворной работы. Каждому создали привычную атмосферу.

У Сталина, который в быту терпеть не мог архитектурных и мебельных излишеств, установили темную кожаную кушетку и письменный стол. Комнату президента США обставили изящной мебелью в стиле классицизма, а Черчиллю доставили неоготическую из другого дворца. Круглый стол для совещаний по специальному заказу изготовили на мебельной фабрике в Москве. Помещения для советской делегации были отделаны в белые тона, апартаменты американцев оказались голубыми, англичан – розовыми. Поблизости от дворца в Новом саду Потсдама разбили клумбы и высадили около 10 тысяч различных цветов.

Для охраны глав государств в рамках операции «Пальма» было переброшено семь полков НКВД

и полторы тысячи самых опытных оперативников. Союзники направили для охраны и свои подразделения.

Прибытие на конференцию главы СССР было окружено строжайшей тайной. Сталин, которого ждали на аэродроме, приехал в немецкую столицу на поезде. Накануне прибытия он позвонил маршалу Жукову и сказал: «Вы не вздумайте для встречи строить всякие там почетные караулы с оркестрами. Приезжайте на вокзал сами и захватите с собой тех, кого считаете нужным. Об охране на вокзале позаботится генерал Власик».

Переводчик Сталина В. М. Бережков описал еще одну сцену, которая разыгралась на берлинском вокзале. Посол США в СССР Гарриман спросил Иосифа Виссарионовича, приятно ли ему оказаться победителем в Берлине. «Царь Александр до Парижа дошел», – невозмутимо ответил Сталин.

Глава советского правительства появлялся на переговорах в Потсдаме в белом парадном кителе с золотыми погонами и в темно-синих брюках с двойными лампасами. Надо сказать, Сталин любил белый цвет и часто носил белые брюки. Однажды с ним произошла такая история. Нужно было подписать разрешение на выпуск фильма. Председатель Комитета по делам кинематографии Большаков подал

Дворец Цецилиенхоф в Новом саду, место проведения Потсдамской конференции 17 июля – 2 августа 1945 года

Сталину авторучку. Она не писала. Большаков виновато взял ее из рук Сталина и встряхнул. Чернила выплеснулись на белые брюки генералиссимуса. Большаков в ужасе замер. Сталин же посмотрел на него и сказал: «Ну что, товарищ Большаков, испугался? Наверное, решил, что у товарища Сталина это последние штаны?»

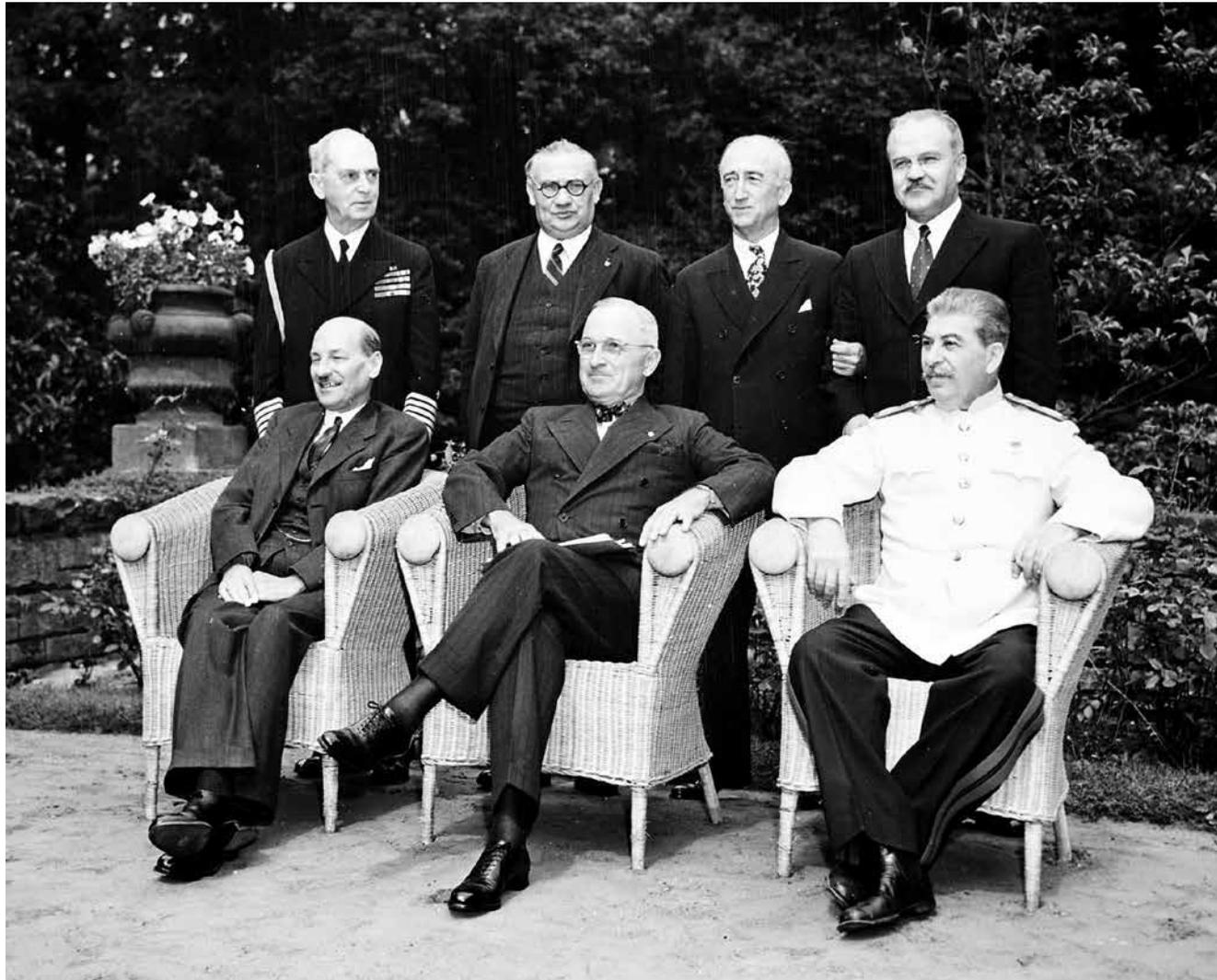
Потсдамская конференция может быть названа символом 1945 года, поскольку на фоне разгрома Германии и Японии здесь определенно обозначилось противостояние СССР и англосаксов. Союзники пока еще вместе, но очень скоро между ними развернется ожесточенная борьба: с одной стороны – желание англосаксов решать все самим, прибрать к своим рукам новые территории и поставить своего союзника СССР перед свершившимся

фактом, а с другой – нежелание Сталина всему этому потворствовать. «Из печати, например, известно, что г-н Иден, выступая в английском парламенте, заявил, что Италия потеряла навсегда свои колонии. Кто это решил? Если Италия потеряла, то кто их нашел? Это очень интересный вопрос», – саркастически заметил Сталин, вызвав смех в зале заседаний...

Общение глав государств в Потсдаме в корне отличалось от тегеранского и ялтинского. В момент, когда новый президент США направлялся на конференцию, Америка провела успешное испытание атомной бомбы в штате Нью-Мексико. Президент Трумэн стал обладателем, причем монопольным, самого смертоносного оружия всех времен. Это, с точки зрения Вашингтона и Лондона,

радикально меняло расстановку сил. Исторический факт: прямо из Потсдама Гарри Трумэн отдал приказ применить атомное оружие против Хиросимы. В этом городе практически не имелось японских сил ПВО, поскольку там не было военных объектов, и город до этого американцы не бомбили. Устрашающий удар должен был состояться после окончания конференции. Пока же президент США решил как бы мимоходом поведать Сталину о наличии бомбы у союзников. Трумэн рассчитывал, что такое известие сделает советского руководителя более податливым и мягким.

Протоколы конференции и воспоминания очевидцев свидетельствуют, что позиция Сталина не изменилась ни на йоту. На нажим он не поддавался, хотя нетрудно предположить, под каким прессингом

В саду дворца Цецилиенхоф в дни Потсдамской конференции. Сидят слева направо: премьер-министр Великобритании Клемент Эттли, президент США Гарри С. Трумэн и глава СССР Иосиф Сталин. Стоят слева направо: адмирал Уильям Лихи, министр иностранных дел Великобритании Эрнест Бевин, государственный секретарь Джеймс Бирнс и министр иностранных дел СССР Вячеслав Молотов

оказался. В те же дни ему предложили поехать в концлагерь Заксенхаузен, где погиб его сын Яков Джугашвили. На что получили ответ: «Я приехал сюда не по личным делам».

Обратимся к стенограмме заседаний глав союзных государств. Мы не будем строжайшим образом придерживаться хронологии заседаний, потому что одни и те же вопросы рассматривались в разные дни.

Как ни странно, но первым вопросом, который рассматривали

главы трех стран, стал вопрос об Испании. На первом же заседании его поднял сам Сталин. Напомним, что в 1936 году, после военного переворота, который возглавил генерал Франко, в Испании началась гражданская война, закончившаяся победой фашистов в 1939 году. Запад заявил о невмешательстве и отказался поставлять оружие законному республиканскому правительству. Мятежников-франкистов оружием и амуницией снабжали Германия и Италия.

Единственной страной, которая обеспечивала всем необходимым Испанию, стал Советский Союз. Вместе с танками, самолетами и орудиями прибывали и военные инструкторы под видом добровольцев. Поставки республиканское правительство оплачивало золотом, а к концу войны Сталин эвакуировал в СССР золотой запас Испании.

После поражения республиканцев у Франко хватило ума не ввязаться во Вторую мировую войну

и не дать фюреру плацдарма для атаки британского Гибралтара. Лишь одна воинская часть испанской армии, так называемая Голубая дивизия, состоявшая из добровольцев, была направлена на Восточный фронт. Так каудильо и «пересидел» разгром Германии.

«Необходимо рассмотреть также вопрос о режиме в Испании, – сказал Сталин на первом же заседании 17 июля 1945 года. – Мы, русские, считаем, что нынешний режим Франко в Испании навязан испанскому народу Германией и Италией. Он таит глубокую опасность для свободолюбивых Объединенных Наций. Мы полагаем, что было бы хорошо создать условия для испанского народа установить такой режим, какой ему нравится».

Гитлер помогал Франко, и это было секретом Полишинеля. Участники конференции прекрасно понимали, что, если Франко будет смещен, его политические противники, коммунисты и левые, получат все шансы победить на выборах. Если убрать Франко, можно потерять и Испанию. А тогда, возможно, придется распрощаться и с Италией, где США прикладывали титанические усилия, чтобы не допустить коммунистов к власти.

Именно поэтому Черчилль в ответ заявил, что британское правительство питает ненависть к Франко и его правительству. «Я считаю, что постоянное истребление людей, брошенных в тюрьмы за то, что они совершили шесть лет тому назад, и разные другие обстоятельства в Испании, по нашим английским понятиям, совершенно недемократичны», – заявил сэр Уинстон. Однако тут же отверг всякую возможность разрыва отношений с правительством Франко и пустился в пространные рассуждения: «Я против употребления сил в подобных случаях. Я считаю, что мы не должны вмешиваться во внутренние дела государства,

с которым мы расходимся во взглядах, за исключением таких случаев, когда то или иное государство нападает на нас... Перед нами страна, которая не приняла участия в войне, и поэтому я против вмешательства в ее внутренние дела. Правительству его величества потребуются длительное обсуждение этого вопроса, прежде чем оно пойдет на разрыв отношений с Испанией».

Трумэн вторил Черчиллю, говоря, что у США нет желания «участвовать в испанской гражданской войне», и появление другого правительства в Испании вместо правительства Франко – это «такой вопрос, который должна решать сама Испания». На это Сталин резонно ответил, что режим Франко навязан испанскому народу извне, а не представляет собой режим, сложившийся из внутренних условий, что Франко является наследником Гитлера и Муссолини и, «уничтожая этот режим, мы уничтожаем наследие Гитлера и Муссолини».

«Я не предлагаю военного вмешательства, я не предлагаю развязывать там гражданскую войну, – заметил Сталин. – Я бы только хотел, чтобы испанский народ знал, что мы, руководители демократической Европы, относимся отрицательно к режиму Франко. Если мы об этом в той или иной форме не заявим, испанский народ будет иметь право считать, что мы не против режима Франко. Он может сказать, что, поскольку мы не трогаем режим Франко, значит, мы его поддерживаем... Нам стоит только сказать, что мы не сочувствуем режиму Франко и считаем справедливым стремление испанского народа к демократии, – нам стоит только это сказать, и от режима Франко ничего не останется. Уверю вас».

Сталин предложил именно то, чего больше всего боялись союзники и чего любыми средствами

хотели избежать. Черчиллю оставалось повторять, что он категорически против вмешательства во внутренние дела другого государства. Выглядело это пределом лицемерия, если вспомнить, какими методами англичане расправились с прокоммунистическим партизанским движением ЭЛАС в Греции. Едва немцы покинули Афины, как там появились английские войска, которые 3 декабря 1944 года устроили расстрел мирной демонстрации, а затем развязали настоящее сражение с коммунистами, продлившееся до начала января 1945 года. Именно Черчилль развязал в Греции гражданскую войну, которая с небольшими перерывами продолжалась там до 1949 года.

Черчилль оправдывал нежелание что-либо предпринимать тем, что «в настоящее время Франко приближается к своему падению». Странное утверждение для сэра Уинстона, обладавшего острым умом и прекрасной политической интуицией. Для справки: Франко правил до 1975 года, Черчилль же «хоронил» его режим на 30 лет (!) раньше. Ошибся? Нет, просто защищал Испанию от прихода к власти левых сил. И даже отказался передать вопрос министрам иностранных дел для выработки общей позиции или проекта декларации трех стран. Не будет преувеличением сказать, что долгим своим существованием фашизм в Испании во многом обязан «демократу» Черчиллю...

Исторический факт: 11 декабря 1946 года Испания попыталась стать членом ООН и получила отказ. Советский Союз имел в этом вопросе союзников. На учредительной конференции Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско представитель Мексики Л. Кинтаниа даже предложил резолюцию, гласящую, что государства, режимы которых

были созданы при поддержке держав, воевавших против Объединенных Наций, не могут быть приняты в ООН.

Испания стала членом ООН лишь 14 декабря 1955 года (после смерти Сталина в марте 1953 года).

Затем Сталин поднял вопрос, обсуждение которого также превратилось потом в исторический анекдот. Дело в том, что практически весь боевой и торговый флот нацистской Германии оказался в руках англичан и американцев. И выпускать его из рук, делиться кораблями и тем самым усиливать Сталина им совершенно не хотелось. Поэтому Черчилль взял слово и долго и красочно описывал, почему надо утопить агрессивный германский флот. Сталин кивал и соглашался, сэр Уинстон говорил все красноречивее, думая, что глава СССР согласился уничтожить немецкие корабли. А потом Сталин берет слово и говорит совершенно иное...

И вот как было в реальности: глава СССР заговорил о получении Союзом доли германского флота. Черчилль, для которого наличие сильного флота не у Великобритании – совершенно недопустимый факт, действительно попытался поставить вопрос об уничтожении германских боевых кораблей.

«Сталин: Только один вопрос: почему г-н Черчилль отказывается русским в получении их доли германского флота?»

Черчилль: Я не против. Но раз вы задаете мне вопрос, вот мой ответ: этот флот должен быть потоплен или разделен.

Сталин: Вы за потопление или за раздел?

Черчилль: Все средства войны – ужасные вещи.

Сталин: Флот нужно разделить. Если г-н Черчилль предпочитает потопить флот, он может потопить свою долю, я свою долю топить не намерен.

Черчилль: В настоящее время почти весь германский флот в наших руках.

Сталин: В том-то и дело, в том-то и дело. Поэтому и надо нам решить этот вопрос».

Черчилль, а за ним и Трумэн пустились в рассуждения, чем является флот, «трофеем или выплатой репараций». Заявляли, что «немецкий торговый флот мог бы сыграть свою значительную роль в этой войне», имея в виду боевые действия против Японии. Черчилль заявил, что СССР уже получил в свое распоряжение флот Финляндии и Румынии, на что Сталин ответил: «Мы ничего не брали у Финляндии из торгового флота, ни одного судна, а у Румынии взяли одно судно».

Тогда Черчилль вспомнил о том, что Норвегия и иные государства понесли большие потери в кораблях, а значит, флот надо делить не на три, а на четыре части, оставив четвертую «на удовлетворение интересов некоторых других стран».

Видя, что союзники намерены утопить проблему в болтовне, Сталин заговорил гораздо жестче: «Мы не добиваемся подарка, мы бы хотели только знать, признается ли этот принцип, считается ли правильной претензия русских на получение части немецкого флота... Я бы хотел, чтобы была внесена ясность в вопрос о том, имеют ли русские право на 1/3 часть военноморского и торгового флота Германии».

В итоге, несмотря на попытки затянуть или отложить решение вопроса, на конференции было принято решение, что Советскому Союзу передается треть немецкого военного и торгового флота, за исключением подводных лодок, большая часть которых будет потоплена.

Следующим принципиальным вопросом, вокруг которого разгорелась настоящая баталия, стали западные границы Польши, а по сути – конфигурация

политической карты Центральной Европы. Красная армия освободила Польшу, и Сталин фактически создал польское правительство. На Ялтинской конференции лидеры трех стран договорились, что новое руководство будет создаваться на базе «советского состава» с включением в него представителей так называемого польского правительства в изгнании, которое всю войну просидело в Лондоне. После этого должны были пройти выборы.

Стороннему наблюдателю, попади он на обсуждение темы в Потсдаме, могло бы показаться, что он стал свидетелем непринужденной беседы глав государств по малозначимым сюжетам. На самом же деле шло взаимное прощупывание позиций. Вашингтон и Лондон намеревались вернуть Польше довоенную роль аванпоста против СССР. Когда стало понятно, что Сталин этого не допустит и в Польше будет установлен просоветский режим, ангосаксы тут же воспротивились передаче Польше части немецкой территории. По логике Трумэна и Черчилля, все, что контролирует Сталин, следовало всемерно ослабить. Соответственно и польская территория не должна увеличиваться. Сталин, напротив, заботился об усилении Польши. Тогда еще трудно было представить, что союзники пойдут на раскол Германии...

На втором заседании между Черчиллем, Трумэном и Сталиным состоялся очень примечательный диалог, поскольку СССР объявил о намерении присоединить Восточную Пруссию, а часть германской территории передать дружественной Польше, реакция сэра Уинстона могла означать что угодно.

«Черчилль: Я хочу поставить только один вопрос. Я замечаю, что здесь употребляется слово “Германия”. Что означает теперь “Германия”? Можно ли понимать ее в том же смысле, как это было до войны?»

Трумэн: Как понимает этот вопрос советская делегация?

Сталин: Германия есть то, чем она стала после войны. Никакой другой Германии сейчас нет. Я так понимаю этот вопрос... Германия представляет, как у нас говорят, географическое понятие. Будем пока понимать так. Нельзя абстрагироваться от результатов войны... Например, думают ли установить германскую администрацию в Судетской части Чехословакии? Это область, откуда немцы изгнали чехов.

Трумэн: Может быть, мы все же будем говорить о Германии, как она была до войны, в 1937 году?

Сталин: Формально можно так понимать, по существу это не так. Если в Кенигсберге появится немецкая администрация, мы ее прогоним, обязательно прогоним... Давайте определим западные границы Польши, и тогда яснее станет вопрос о Германии. Я очень затрудняюсь сказать, что такое теперь Германия. Это страна, у которой нет определенных границ, потому что границы не оформляются нашими войсками. У Германии нет никаких войск, в том числе и пограничных, она разбита на оккупационные зоны. Вот и определите, что такое Германия. Это разбитая страна.

Трумэн: Может быть, мы примем в качестве исходного пункта границы Германии 1937 года?

Сталин: Исходить из всего можно. Из чего-то надо исходить. В этом смысле можно взять и 1937 год».

Стараясь ни в коем случае не увеличивать польскую территорию, Черчилль и Трумэн выдвигали различные аргументы. Что без этих земель Германия «не будет иметь возможности кормить себя», что немцев станет невозможно обеспечить углем. Англичане и американцы, стиравшие с лица Земли Дрезден и другие немецкие города,

вдруг стали ярыми защитниками интересов поверженного врага (немцев) в ущерб интересам союзника (поляков).

Вот лишь несколько высказываний Черчилля:

«Это не пойдет на благо Польши – иметь такую территорию».

«Различие во взглядах между генералиссимусом и мною заключается в том, что британское правительство, хотя оно и допускает, что Польша должна увеличить свою территорию, не хочет идти так далеко, как это делает Советское правительство».

«Я повторяю еще раз: когда мы употребляли выражение “линия Одера”, то имели в виду лишь приблизительную линию».

В итоге ожесточенной дискуссии было принято предложение Сталина о польско-германской границе по рекам Одер и Нейса. К Польше отходили также Данциг (Гданьск) и большая часть Восточной Пруссии, СССР получал Кенигсберг с прилегающим к нему районом. Сегодня в Польше не хотят вспоминать, что именно благодаря Сталину она получила огромный кусок немецкой территории!

В общей сложности в сравнении с 1937 годом Германия лишилась 25% своей территории.

В момент, когда союзники лили крокодиловы слезы о «бедных немцах», Сталин неожиданно намекнул о своей осведомленности о подготовке операции «Немыслимое». После того как Черчилль посетовал, что Германия останется без угля, так как в Руре его не добыть из-за нехватки людей и придется завозить из восточных областей Германии, глава СССР неожиданно заявил: «Достаточно имеется пленных. У нас пленные работают на угле, без них было бы очень трудно. Мы восстанавливаем наши угольные районы и используем пленных для этой цели. 400 тысяч немецких солдат сидят у вас в Норвегии, они даже

не разоружены, и неизвестно, чего они ждут. Вот вам рабочая сила».

«Я не знал, что они не разоружены, – ответил Черчилль. – Во всяком случае, наше намерение заключается в том, чтобы разоружить их. Я не знаю точно, каково там положение, но этот вопрос был урегулирован верховной ставкой союзных экспедиционных сил. Я наведу справки».

Далее советская делегация передала президенту США и премьер-министру Великобритании меморандум относительно помех, которые чинятся в Австрии и Германии в отношении возвращения советских граждан на Родину. И документы по тем самым до сих пор не разоруженным немецким военным. Оказавшемуся в щекотливом положении Черчиллю ответить было нечего...

«Черчилль: Но я могу дать заверение, что нашим намерением является разоружить эти войска.

Сталин: Я не сомневаюсь.

Черчилль: Мы не держим их в резерве, чтобы потом вдруг выпустить их из рукава. Я тотчас же потребую доклада по этому поводу».

Не менее жесткая дискуссия развернулась вокруг репараций. Для СССР, чья экономика была тотально разрушена агрессией Гитлера и его союзников, вопрос компенсации за уничтоженное имущество был более чем актуальным. Союзники же и здесь пытались не допустить усиления Советского Союза.

Понимая, что глава СССР намерен требовать репарации с Италии, которая находилась под ангосаксонским контролем, Трумэн немедленно заявил, что США и Британия выделили ей кредит в \$500 млн и готовы дать еще столько же. Но эти средства предназначены «для восстановления ее экономического положения» и не могут быть выплачены в качестве репараций. По сути, речь шла о том, что Советскому Союзу рассчитывать не на что.

На это Сталин вполне резонно возразил: «Можно было бы согласиться насчет того, чтобы с Австрии репараций не брать, поскольку Австрия не представляла собой самостоятельного государства. Но нашему советскому народу очень трудно понять отсутствие всяких репараций с Италии, которая представляла самостоятельное государство и войска которой дошли до Волги и принимали участие в разорении нашей страны. У Австрии не было своих вооруженных сил, можно не брать с нее репараций, у Италии были свои вооруженные силы, и она должна платить репарации».

Поскольку союзники твердо настаивали на том, что их кредиты для этой цели использовать нельзя, Сталин добился поставок оборудования с военных заводов.

Самая большая битва развернулась вокруг репараций с Германии. В ходе их обсуждения Сталин прямо обвинил союзников в нечестной игре: «Несколько отклоняясь от главной темы, я хочу сказать о тех изъятиях, которые англичане произвели в русской зоне оккупации до занятия ее советскими войсками. Речь идет о вывозе товаров и оборудования. Кроме того, имеется записка от советского военного командования о том, что американские власти угнали 11 тысяч вагонов с той же территории. Как быть с этим имуществом, я не знаю. Вернут ли это имущество русским или компенсируют его каким-либо другим образом? Во всяком случае, американцы и англичане не только из своих зон вывозят оборудование, но вывезли его и из русской зоны, а мы из ваших зон не угнали ни одного вагона и не взяли никакого оборудования с заводов. Американцы обещали не вывозить, но вывезли».

В ходе обсуждения состоялся любопытный диалог. Уточняя детали соглашения, британский министр Бевин сказал: «Ясно, что активы,

принадлежащие Великобритании и США в этой зоне, не будут затронуты». На что Сталин согласился, опять вызвав всеобщий смех: «Конечно. Мы с Великобританией и США не воюем».

Главной задачей Вашингтона и Лондона было присвоить золотой запас Германии, попавший в их руки. Поэтому, когда Сталин заявил, что «Советское правительство не имеет претензий на золото, захваченное союзными войсками в Германии», позиция союзников по репарациям заметно смягчилась. Англосаксы согласились оставить Сталину все, что находится на территории, куда вошла Красная армия, и передать 10–15% германского оборудования из западных зон оккупации. Причем за это оборудование СССР должен был поставить различные материалы, нефть и т.п. на соответствующую сумму! А это уже скорее бартер, чем репарации...

Следует признать, что по вопросу репараций Сталин получил значительно меньше, нежели рассчитывал. Почему? Потому что этот вопрос обсуждался после сообщения Трумэна о наличии у США атомного оружия. Думаю, эти два факта несложно увязать друг с другом...

Новый президент США Гарри Трумэн, сменивший на этом посту умершего в апреле 1945 года Франклина Рузвельта, ехал на конференцию с одной единственной целью – узнать, вступит ли СССР в войну против Японии. Американская разведка докладывала Трумэну, что Япония готова капитулировать, если Советский Союз вступит против нее в войну. В противном случае война США с Японией в Тихоокеанском регионе могла затянуться еще как минимум на один год. При этом потери США могли составить до одного миллиона человеческих жизней.

Одним из самых драматических эпизодов Потсдамской

конференции стало сообщение Трумэна Сталину о наличии у США атомного оружия. Президент США долго думал, как это лучше сделать, и даже советовался по этому поводу с Черчиллем. В итоге вечером 24 июля 1945 года Трумэн как бы невзначай сказал Сталину, что Штаты создали новое оружие необыкновенной разрушительной силы. Советский лидер остался совершенно спокойным, не выразив никаких эмоций. Трумэн и Черчилль сделали вывод, что Сталин не понял, о чем речь. На самом деле он все понял, просто не подал виду. Но мало кто знает, что лидер СССР все-таки произнес одну фразу, которая широко воспроизводится в американских документах по конференции и практически не упоминается в наших. Так вот, Сталин в ответ на сообщение Трумэна об атомной бомбе сказал, что атомное оружие – это конечно же хорошо, но в будущем все войны в основном будут региональными и в них главную роль будут играть традиционные вооруженные силы.

Вернувшись с заседания, Сталин рассказал В. М. Молотову о состоявшемся разговоре с Трумэном. Молотов тут же заметил:

– Цену себе набивают.

На что Сталин усмехнулся:

– Пусть набивают. Надо будет переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы.

5 августа 1945 года Сталин отправился на поезде в Москву. На следующий день США сбросили атомную бомбу на Хиросиму.

Помимо заседаний, сложная дипломатическая игра шла в кулуарах. Лидеры и члены делегаций общались на приемах, ходили друг к другу в гости. С этой не менее важной частью дипломатической работы связано несколько занимательных историй. Одну из них рассказал маршал Г. К. Жуков. Во время приема первым слово взял президент США и поднял тост за Верховного

главнокомандующего Вооруженными Силами Советского Союза И. В. Сталина. Тот в ответ предложил тост за У. Черчилля.

«Совершенно неожиданно У. Черчилль предложил тост за меня, – вспоминал Жуков. – Мне ничего не оставалось, как предложить свой ответный тост. Благодаря У. Черчиллю за проявленную ко мне любезность, я машинально назвал его “товарищ”. Тут же заметил недоуменный взгляд В. М. Молотова и несколько смутился. Импровизируя, я предложил тост за “товарищей по оружию”, наших союзников в этой войне – солдат, офицеров и генералов армий антифашистской коалиции, которые так блестяще закончили разгром фашистской Германии. Тут уж я не ошибся. На другой день, когда я был у И. В. Сталина, он и все присутствовавшие смеялись над тем, как быстро я приобрел “товарища” в лице У. Черчилля».

Поскольку Черчилль проиграл выборы, то в разгар конференции он ее покинул, уступив место лидеру победивших лейбористов. Сразу скажем, что на позиции Великобритании это никак не сказалось. Когда же Черчилль уезжал, Сталин устроил для него прощальный концерт с участием лучших советских артистов.

Отношения между союзниками становились все более жесткими. Вашингтон и Лондон постепенно возвращали мир к довоенной ситуации, когда основой их политики была старая «добрая» русофобия, которая на этот раз была завернута в антисоветскую обертку. Потсдамская конференция станет последним мероприятием, в котором главы трех стран лицом к лицу обсудят вопросы мировой политики. Но тогда этого не знал никто.

За кулисами Потсдамской конференции, решавшей судьбу послевоенного устройства мира, происходило немало малоизвестных,

но интересных событий, определивших во многом ход дальнейшей истории всего человечества.

Тогдашний король Великобритании Георг VI очень хотел поехать вместе с Черчиллем на Потсдамскую конференцию. Черчилль, в свою очередь, стремился показать всему миру, что Великобритания и ее монарх сыграли существенную роль в победе над гитлеровской Германией. В письме к Сталину Черчилль сообщал, что думает взять с собой на конференцию британского монарха, который, возможно, захочет пригласить Сталина на завтрак. Лидер СССР с ответом медлил: присутствие британского монарха на конференции приведет к приуменьшению роли Советского Союза в Победе и преувеличению роли Британии. Затем Сталин все-таки ответил Черчиллю: он примет участие в завтраке, если британская сторона будет настаивать, но вообще советская сторона в нем крайне не заинтересована. Черчилль понял, что Сталин не хочет встретиться с Георгом VI. Британскому монарху пришлось отказаться от поездки в Потсдам.

Главный вопрос, который стоял на Потсдамской конференции перед лидерами стран Большой тройки, – как быть с побежденной Германией. Сталин, сделав выводы из трагических уроков войны в 1941 году для СССР, хотел видеть Германию единой и демилитаризованной, таким образом создав буферную зону перед западными границами СССР из трех стран: нейтральной Финляндии, демилитаризованной Германии и нейтральной Австрии. Но делегации США и Великобритании не поддержали эту советскую инициативу, утвердив в конечном итоге раздел Германии на зоны оккупации. Видя такой разворот событий, Сталин всячески поддерживал Францию в ее праве получить в Германии свою зону

оккупации, уменьшив площадь зон оккупации Англии и США.

Не все территориальные приобретения, на которые претендовал Сталин, удалось реализовать. Так, западные делегации на конференции отвергли советские претензии иметь свою военно-морскую базу в проливе Босфор. Великобритания и США не поддержали стремление СССР получить контроль над одной из североафриканских колоний Италии.

Большой интерес представляет малоизвестная широкому кругу читателей встреча тет-а-тет на Потсдамской конференции между Сталиным и Трумэном. Об этой личной беседе между лидерами СССР и США в Потсдаме осталось очень мало сведений. Но из американских источников мы четко знаем, что Сталин и Трумэн договорились о разграничении сфер влияния между СССР и США. Они обсудили Курильские острова, Японию, Китай и Италию, то есть кто там будет контролировать ситуацию с оккупацией. В своем дневнике после этой встречи Гарри Трумэн оставил лишь одну запись о том, что он может договориться с «дядюшкой Джо» (так лидеры США и Великобритании между собой называли Сталина). Самое главное, что на этой встрече Сталин и Трумэн договорились об очень интересном обмене: Япония переходит под полный контроль США, а взамен СССР получает контроль над Венгрией, Румынией и Югославией. То есть Советский Союз получал контроль практически над всеми Балканами.

Подводя итог, можно сказать, что И. В. Сталин на конференции максимально стремился отстоять геополитические интересы СССР и шел на уступки лишь там, где это было невозможно сделать.

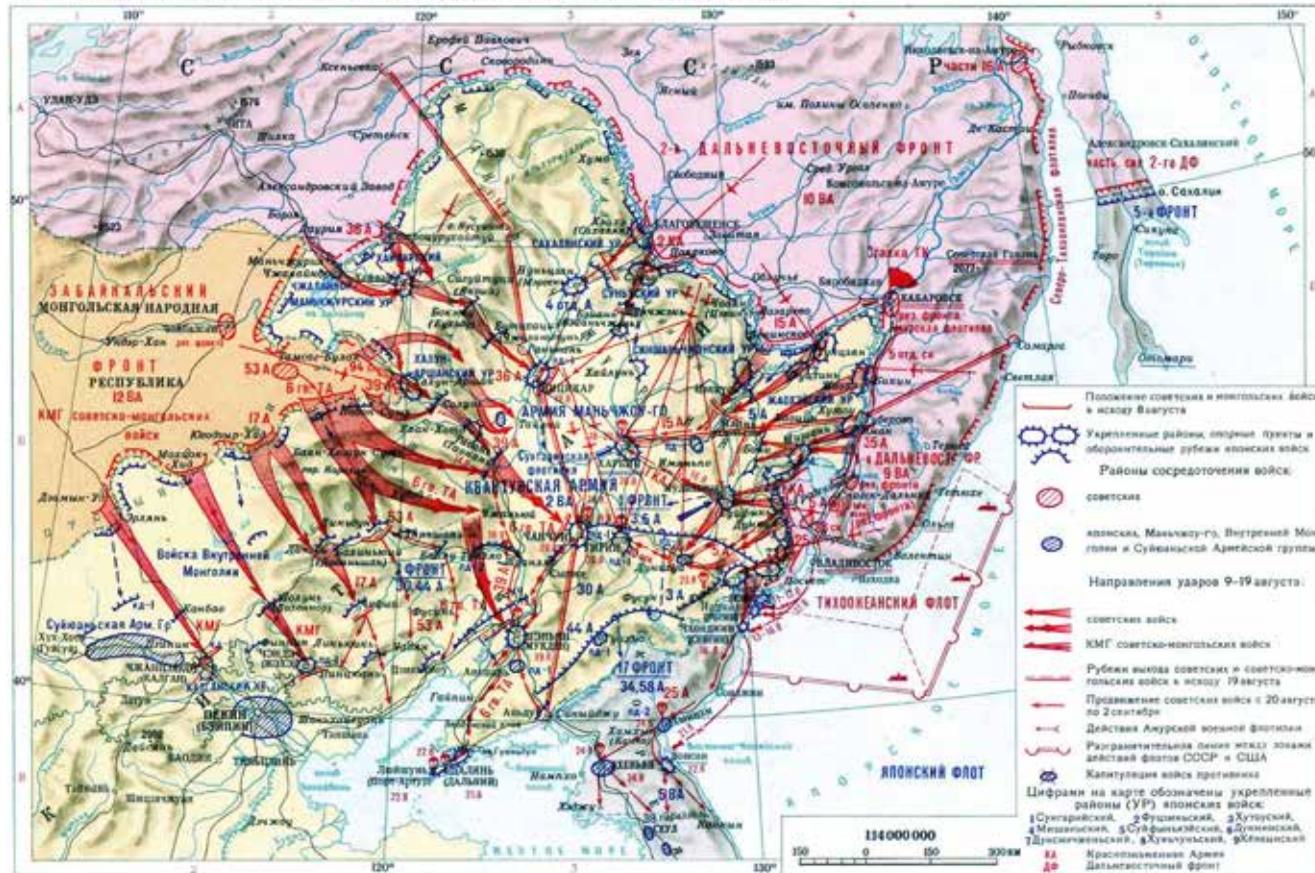
Встреча в Потсдаме стала последней для лидеров Большой тройки.

НА СОПКАХ МАНЬЧЖУРИИ

Наступательная операция на Дальнем Востоке имела огромное военно-политическое значение

ВАЛЕРИЙ БАРАНОВ

МАНЬЧЖУРСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ 9 августа–2 сентября 1945 г.

В ходе Маньчжурской стратегической наступательной операции, которая проходила с 9 по 19 августа 1945 года, была разгромлена Квантунская армия, освобождены Маньчжурия и внутренняя Монголия, Ляодунский полуостров, Корея, ликвидирован военно-экономический плацдарм милитаристской Японии на Азиатском континенте.

План «Кантокуэн»

Сегодня акценты поменялись, но тогда союзники безоговорочно

признавали решающее значение вступления СССР в войну против Японии и заявляли, что только Красная армия была способна нанести поражение наземным силам Японии.

«Победа над Японией может быть гарантирована лишь в том случае, если будут разгромлены японские сухопутные силы», – такого мнения придерживался главнокомандующий американскими вооруженными силами в бассейне Тихого океана генерал Макартур.

Принимавший участие в работе Ялтинской конференции бывший

государственный секретарь США Э. Стеттиниус писал: «Накануне Крымской конференции начальники американских штабов убедили Рузвельта, что Япония может капитулировать только в 1947 году или позже, а разгром ее может стоить Америке миллиона солдат».

Но для вступления в войну с Японией у СССР имелись и свои жизненные интересы. Япония многие годы вынашивала планы захвата советского Дальнего Востока. Японцы постоянно устраивали военные провокации на советских границах, держали в Маньчжурии крупные

военные силы, готовые к нападению. Особенно ситуация обострилась, когда Германия развязала войну против Советского Союза.

В 1941 году, после начала Великой Отечественной войны, Квантунская армия (около 40 дивизий, значительно больше, чем во всей Тихоокеанской зоне) в соответствии с утвержденным японским командованием планом «Кантокуэн» развернулась на маньчжурской границе и в Корее, выжидая удобный момент для начала боевых действий против СССР в зависимости от ситуации на советско-германском фронте. И хотя этот благоприятный момент так и не наступил, японские войска 779 раз переходили сухопутную границу и более 400 раз нарушали воздушное пространство Советского Союза. Японский флот незаконно задержал 178 и потопил 18 советских торговых судов. На Дальнем Востоке оказались скованными значительные силы Красной армии, которые было невозможно обратить против Германии.

В августе 1945 года силы Японии насчитывали около 7 млн человек и 10 тыс. самолетов. В то же время США и их союзники, расположенные в Азиатско-Тихоокеанском регионе, имели примерно 1,8 млн человек и 5 тыс. самолетов. Если бы СССР не вступил в войну, основные силы Квантунской армии могли быть сосредоточены против американцев, и тогда, как и предполагали руководители США, боевые действия продолжились бы как минимум еще два года и соответственно возросли бы потери, тем более что японское командование уже готовилось к применению бактериологического оружия. Было ясно, что без вступления СССР война затянется. При этом японские военные силы опирались на богатые материальные, продовольственные и сырьевые ресурсы Маньчжурии и Кореи и на маньчжурскую промышленность. На территории,

занимаемой войсками Квантунской армии, находилось 13 700 километров железных и 22 тыс. километров автомобильных дорог, 133 аэродрома, 870 крупных военных складов и хорошо оборудованные военные городки.

План Сталина

СССР начал военные действия против Японии через три месяца после капитуляции Германии. 3 августа 1945 года маршал Советского Союза А. М. Василевский, назначенный главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке, и начальник Генерального штаба генерал армии А. И. Антонов докладывали Сталину окончательный план Маньчжурской стратегической операции. Василевский предлагал начать наступление только силами Забайкальского фронта, а в полосах 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов проводить разведку боем, чтобы главными силами этих фронтов перейти в наступление через 5–7 суток. Сталин с таким предложением не согласился и распорядился начать наступление одновременно всеми фронтами. Как показали последующие события, такое решение Ставки было более целесообразным.

В течение мая – начала августа 1945 года советское командование перебросило на Дальний Восток часть высвободившихся на западе войск и техники (свыше 400 тыс. человек, 7137 орудий и минометов, 2119 танков и САУ и др.). Вместе с дислоцированными на Дальнем Востоке войсками перегруппированные соединения и части составили три фронта: Забайкальский фронт – командующий маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, 1-й Дальневосточный фронт – командующий маршал Советского Союза К. А. Мерецков, 2-й Дальневосточный фронт – командующий

генерал армии М. А. Пуркаев. Всего 131 дивизия и 117 бригад, свыше 1,5 млн человек, свыше 27 тыс. орудий и минометов, свыше 700 реактивно-минометных установок, 5250 танков и САУ, свыше 3,7 тыс. самолетов. Тихоокеанский флот под командованием адмирала И. С. Юмашева к началу боевых действий имел 427 боевых кораблей. Краснознаменная Амурская флотилия имела в своем составе 169 боевых кораблей и более 70 самолетов. Непосредственное руководство Военно-морскими силами на Дальнем Востоке Ставка возложила на главнокомандующего Военно-морскими силами СССР адмирала флота Н. Г. Кузнецова.

Ход операции

В ночь на 9 августа передовые батальоны и разведывательные отряды трех фронтов в крайне неблагоприятных погодных условиях без открытия огня бесшумно перешли границу и в ряде мест овладели долговременными оборонительными сооружениями врага еще до того, как японские расчеты успели занять огневые позиции. С рассветом главные силы Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов перешли в наступление и пересекли государственную границу. 10 августа в войну вступила Монгольская Народная Республика.

Войска Забайкальского фронта шли по чрезвычайно труднопроходимой местности, и враг не предполагал, что советские войска сумеют за неделю пройти сотни километров в тяжелейших условиях. Элемент неожиданности был столь велик, а удар, полученный Квантунской армией с северо-запада, так силен, что она после него уже не смогла оправиться. Внезапность и сила первоначальных ударов позволили советским войскам сразу же захватить инициативу.

В правительстве Японии начало военных операций Советским Союзом вызвало панику. «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза, – заявил 9 августа премьер-министр Судзуки, – ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны».

Передовые части Забайкальского фронта уже к 11 августа подошли к западным склонам Большого Хингана, а подвижные войска главной группировки преодолели его и вышли на Центрально-Маньчжурскую равнину. Форсирование Хинганского хребта явилось подвигом, не имевшим себе равных в современной войне. Уже к исходу 14 августа войска Забайкальского фронта, пройдя расстояние от 250 до 400 километров, вышли в центральные районы Маньчжурии и продолжали продвигаться к ее столице Чанчуню и крупному промышленному центру Мукдену.

За это же время войска 1-го Дальневосточного фронта преодолели труднопроходимую горно-таежную местность, прорвав сильную полосу обороны, напомиравшую линию Маннергейма, только в больших масштабах, и, овладев семью мощными укрепленными районами, продвинулись вглубь Маньчжурии на 120–150 километров. Войска 2-го Дальневосточного фронта вели бои на подступах к Цицикару и Цзямусы. Таким образом, уже к исходу шестых суток наступления советских войск Квантунская армия оказалась расчлененной на части.

14 августа правительство Японии приняло решение капитулировать. На следующий день пал кабинет премьера Судзуки. Однако войска Квантунской армии продолжали упорно сопротивляться. В связи с этим 16 августа в советской печати было опубликовано разъяснение Генерального штаба Красной армии, в котором говорилось:

«1. Сделанное японским императором 14 августа сообщение

о капитуляции Японии является только общей декларацией о безоговорочной капитуляции. Приказ вооруженным силам о прекращении боевых действий еще не отдан, и японские вооруженные силы по-прежнему продолжают сопротивление. Следовательно, действительной капитуляции вооруженных сил Японии еще нет.

2. Капитуляцию вооруженных сил Японии можно считать только с того момента, когда японским императором будет дан приказ своим вооруженным силам прекратить боевые действия и сложить оружие и когда этот приказ будет практически выполняться.

3. Ввиду изложенного, Вооруженные силы Советского Союза на Дальнем Востоке будут продолжать свои наступательные операции против Японии».

В последующие дни советские войска стремительно наращивали темпы наступления. В результате войска Забайкальского фронта к исходу 19 августа вышли в районы Чифын, Чанчунь, Мукден, Кайтун и Цицикар. Это означало, что в Квантунскую армию вбит с запада гигантский клин советских вооруженных сил на площади примерно в 0,6 млн кв. км. Войска 1-го Дальневосточного фронта также продолжали развивать наступление. 16 августа 35-я армия вышла на железную дорогу Цзямусы – Тумынь в районе Боли и тем самым прочно обеспечила правый фланг главной группировки фронта, отрезав японскую 4-ю отдельную армию, отходившую перед войсками 2-го Дальневосточного фронта на юг, от Муданьцзянской группировки.

В этих боях Квантунская армия потеряла более 40 тыс. солдат и офицеров. Уже к исходу первой недели войны была полностью разгромлена 5-я японская армия и нанесен большой урон 3-й армии и другим войскам. Попытка противника любой ценой

не допустить выхода наших войск на Центрально-Маньчжурскую равнину и к Северной Корее провалилась.

Успешно развивались военные действия по освобождению Кореи, являвшиеся частью кампании советских войск на Дальнем Востоке. Основную задачу решила 25-я армия при взаимодействии с Тихоокеанским флотом. 12 августа они овладели городами Северной Кореи Юки и Расин (Наджин). С выходом советских войск к Сейсину (Чхонджину) полностью нарушилась оборона Квантунской армии на приморском направлении. Были также осуществлены морские и воздушные десанты в ряде портов и городов Северной Кореи.

Войска 2-го Дальневосточного фронта за эти дни овладели городом Цзямусы и во взаимодействии с Краснознаменной Амурской военной флотилией наступали вдоль Сунгари на Харбин. Советская авиация господствовала в воздухе на всем театре военных действий. Тихоокеанский флот прочно закрепил за собой побережье Северной Кореи. Квантунская армия терпела сокрушительное поражение.

На милость победителей

17 августа, окончательно потеряв управление разрозненными войсками и сознавая бессмысленность дальнейшего сопротивления, главнокомандующий Квантунской армией генерал Отодзо Ямада отдал приказ начать переговоры с советским командованием на Дальнем Востоке. В 17 часов 17 августа от главнокомандующего Квантунской армией была принята радиogramма о том, что он отдал японским войскам приказ немедленно прекратить военные действия и сложить оружие, а в 19 часов в расположении войск 1-го Дальневосточного фронта с японского самолета были

сброшены два вымпела с обращением штаба 1-го фронта Квантунской армии о прекращении военных действий. Однако на большинстве участков японские войска продолжали не только оказывать сопротивление, но местами переходили в контратаки.

В связи с этим генералу Ямаде была передана следующая радиogramма: «Штаб японской Квантунской армии обратился по радио к штабу советских войск на Дальнем Востоке с предложением прекратить военные действия, причем ни слова не сказано о капитуляции японских вооруженных сил в Маньчжурии. В то же время японские войска перешли в контрнаступление на ряде участков советско-японского фронта. Предлагаю командующему войсками Квантунской армии с 12 часов 20 августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всем фронте, сложить оружие и сдать в плен. Указанный выше срок дается для того, чтобы штаб Квантунской армии мог довести приказ о прекращении сопротивления и сдаче в плен до всех своих войск. Как только японские войска начнут сдавать оружие, советские войска прекратят боевые действия».

Одновременно командующему 1-м Дальневосточным фронтом было приказано выслать офицеров штаба на аэродромы Муданьцзяна и Мулина, уполномочив их сообщить представителям штаба Квантунской армии, что военные действия советских войск будут прекращены лишь тогда, когда японские войска начнут сдаваться в плен. Такая мера была вызвана тем, что многие японские воинские части и гарнизоны из-за потери связи либо не получили приказа Ямады, либо отказались выполнять его.

18 августа в 3 часа 30 минут Ямада ответил по радио советскому Главнокомандованию о готовности выполнить все условия капитуляции.

Чтобы ускорить разоружение капитулировавших японских войск и освобождение захваченных ими территорий, 18 августа маршал Василевский отдал следующий приказ войскам Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов: «В связи с тем что сопротивление японцев сломлено, а тяжелое состояние дорог сильно препятствует быстрому продвижению главных сил наших войск при выполнении поставленных задач, необходимо для немедленного захвата городов Чанчунь, Мукден, Гири и Харбин перейти к действиям специально сформированных, быстроподвижных и хорошо оснащенных отрядов. Эти же отряды или подобные им использовать и для решения последующих задач, не боясь резкого отрыва их от своих главных сил».

Такие отряды создавались во всех армиях Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов из танковых частей, стрелковых подразделений, посаженных на автомашины, и подразделений самоходной артиллерии. Для захвата важных военных и промышленных объектов и приема капитуляции их гарнизонов были высажены воздушные десанты в Мукдене, Чанчуне, Порт-Артуре, Дальнем, Харбине и Гири. Вслед за воздушными десантами в Мукден, Чанчунь, Порт-Артур и Дальний вступили передовые отряды, а затем части и соединения 6-й гвардейской танковой армии.

Японские военнослужащие, застигнутые врасплох, сдавались в плен. Среди пленных оказался и маньчжурский император Пу И. В 1933 году в возрасте 27 лет этот представитель Цинской династии был произведен японскими хозяевами в императоры Маньчжурии, оставаясь на самом деле их марионеткой. При императоре имелось японское посольство, которое возглавлял командующий Квантунской армией. Когда 19 августа 1945 года

советское воздушно-десантное подразделение приземлилось на Мукденском аэродроме, Пу И со свитой, включая японских советников, уже готовился улететь в Японию, но вместо этого вынужден был сдать в плен.

С 19 августа японские войска почти повсеместно начали капитулировать. В плену оказалось 148 японских генералов, 594 тыс. офицеров и солдат. К концу августа было полностью закончено разоружение Квантунской армии и других сил противника, располагавшихся в Маньчжурии и Северной Корее. Успешно завершались операции по освобождению Южного Сахалина и Курильских островов.

Тщательно подготовленная и четко проведенная стратегическая наступательная операция на Дальнем Востоке имела огромное военно-политическое значение. В результате Россия вернула себе Южный Сахалин и Курильские острова, а Китай и Корея получили возможность определить свой путь развития.

Миллионная Квантунская армия была полностью разгромлена. Ее потери убитыми составили 84 тыс. человек. Японские милитаристы лишились плацдармов для агрессии и основных своих баз снабжения сырьем и оружием в Китае, Корее и на Южном Сахалине. Крах Квантунской армии ускорил капитуляцию Японии в целом. Окончание войны на Дальнем Востоке предотвратило дальнейшее истребление и ограбление японскими оккупантами народов Восточной и Юго-Восточной Азии, ускорило капитуляцию Японии, что спасло от гибели сотни тысяч американских и английских солдат, избавило миллионы японских граждан от неисчислимых жертв и страданий.

Но сегодня об этом не любят вспоминать ни в Токио, ни в Вашингтоне.

ИСТОРИЯ: ОКОНЧАНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

УЖИН С ИМПЕРАТОРОМ

Пу И называл русского офицера просто «Александр»

ЕВГЕНИЙ ГОЛОДНОВ

По числу награжден младшему лейтенанту Александру Желвакову было далеко до Пу И. Но он был офицером победившей Красной армии, и именно ему поручили конвоировать бывшего императора в плен.

На исходе войны с Японией в советском плену оказалась не одна сотня тысяч японских военных, среди них были бывший император и правительство Маньчжоу-Го, марионеточного государства, созданного Японией. Оно служило плацдармом для действий против Китая и подготовки группировки к войне с СССР.

Последний император маньчжурской династии Цин – Айсиньгьоро (по-маньчжурски Айсин Гиро – «золотой род») родился 7 февраля 1906 года и в 1908-м был возведен на престол. Правил недолго. После революции 1911 года Пу И 12 февраля 1912-го отрекся от престола. Власть перешла к президенту Юань Шикаю. Прожив 13 лет в свое удовольствие, Пу И в 1924-м был изгнан республиканской армией,

Правитель Маньчжоу-Го Пу И в форме Главнокомандующего Маньчжурской императорской армии

но спустя восемь лет снова стал верховным правителем Маньчжоу-Го. 19 августа 1945 года – последний день правления последнего императора Китая.

Охранять его по дороге в СССР выпало уроженцу старообрядческой деревни Яковлевская бывшего Орехово-Зуевского района (ныне – Орехово-Зуевского

городского округа) Московской области Александру Кирсановичу Желвакову. Он родился в многодетной патриархальной крестьянской семье 23 февраля 1918 года – по совпадению в день рождения Красной армии. Его близкие были людьми верующими, а дед Маркел Ильич владел иконописной мастерской. Саша рос трудолюбивым, был приучен уважать старших. К материнским советам прислушивался, даже когда сам стал отцом и дедушкой. Староверка Ирина Леонтьевна слыла у сельчан мудрой и доброй женщиной, дожила почти до девяноста лет.

Судьба отца была трагична. 43-летнего колхозника сотрудники НКВД арестовали 9 марта 1938 года, а спустя несколько дней Кирсану Маркеловичу был вынесен смертный приговор «за контрреволюционные высказывания». Через девять дней он был расстрелян на Бутовском полигоне. Та же участь постигла его старшего брата Тимофея. Их реабилитировали через 20 лет за отсутствием состава преступления.

Как ни удивительно, это не стало помехой для армейской карьеры Александра. Он был призван в Красную армию в 1941 году, с 1942-го воевал на Волховском фронте. Гвардии младший лейтенант был в распоряжении политотдела 6-й гвардейской танковой армии.

Однако более известна другая страница его биографии: ему доверили стать начальником охраны плененного императора Пу И и сопровождать его 19–20 августа 1945 года в СССР.

Младшего лейтенанта Александра Желвакова вызвал начальник политотдела 6-й гвардейской танковой армии генерал-майор Кирилл Филяшкин и отдал приказ: «Товарищ Желваков! Вам поручается охрана императора Пу И. Головой за него отвечаете! В вашем подчинении будут сержант Бойко и рядовой Косолобов».

Сначала Пу И и его свита располагались в двух палатках, но это было ненадежно, и энергичный генерал Филяшкин быстро подыскал дом с глухим забором. Желвакова предупредил: «Внешняя охрана, особенно ночью, будет обеспечена, но будьте постоянно внимательны. С Пу И и его людьми обращайтесь вежливо и тактично».

Как потом вспоминал Желваков, ночь с 19 на 20 августа им показалась очень долгой. Не спали все. Пу И даже не раздевался. Худощавый, в роговых очках, бледный, встревоженный, в темном костюме и светлой рубашке без галстука, он казался одиноким, задумчиво сидел в кресле. Остальные из его сопровождения о чем-то иногда разговаривали.

В 5 часов утра 20 августа в дом прибыл генерал Филяшкин. Желваков доложил: все в порядке. Генерал сказал: «Придет Никита Андрианович (речь о переводчике Кострюкове. – Е.Г.), он побеседует с Пу И. Обеспечьте, чтобы они находились не в помещении, а во дворе».

Разговаривая с майором Кострюковым, Пу И приободрился, что-то жарко доказывал. Кострюкова за прекрасное знание японского языка сослуживцы называли Никита-сан. Он великолепно владел и китайским. Желваков находился рядом. Пу И представлял своих сотрудников, благодарил охрану за внимательность и вежливость. Беседа явно нравилась бывшему императору, на его лице появилась улыбка. Желвакова Пу И называл не по званию, а просто «Александр».

Майор Кострюков рассказал потом «Александру», что Пу И выражал удовлетворение, что находится в распоряжении командования Красной армии, хотя и беспокоился за свою судьбу, спрашивал: «Меня расстреляют?» (Как известно, он остался жив и провел остаток лет в КНР, где умер в 1967 году).

В 12 часов группа Желвакова получила приказ: «Пу И сопроводить в Читу». Желваков не должен был от него отлучаться ни на минуту. Охрану усилили капитаном Григорием Филатовым.

После обеда группа выехала на аэродром. Сопровождающие несли к самолету вещи, в роли носильщика был и брат императора – Пу Цзе. Сам Пу И ни к чему не прикасался. Группа летела без переводчика. Правда, у капитана Филатова был разговорник. В полете Пу И вел себя сдержанно, почти не отрывался от иллюминатора, иногда обменивался короткими фразами с братом. Вели они себя так, будто летят домой.

Сначала самолет приземлился в монгольском городе Тамцаг-Булак, где все пересели в другой самолет, и уже на нем взяли курс на Читу. Видимо, действовал некий страховочный замысел командования.

В Чите их ждала вереница «эмок». Пу И оказался в первой машине, Желваков – в замыкающей

колонну. С аэродрома проехали через город и двинулись в Молоковку – в 18 километрах от Читы. (Там Пу И предстояло находиться на спецобъекте № 30 Управления НКВД по Читинской области до ноября 1945-го. Затем его перевели под Хабаровск, на спецобъект № 45).

Добрались в Молоковку поздно вечером. Сначала разместили всех арестованных, затем вместе с ними поужинали в столовой. 21 августа спецгруппе Желвакова был предоставлен трехдневный отдых в Чите. А уже 25 августа все члены группы самолетом прибыли в Мукуден, где располагался штаб и войсковые части 6-й танковой армии.

За организацию охраны бывшего императора и боевые действия в войне с Японией Желвакова наградили орденом Отечественной войны второй степени.

После Победы, с мая 1946-го по декабрь 1965 года, Желваков проходил воинскую службу в Забайкалье, уже подполковником, служил в Московском военном округе. В 1970-м в звании полковника вышел в отставку. Он кавалер многих боевых орденов и медалей («За победу над Японией», «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда», орден Красной Звезды и других). После отставки осел в подмосковном городе Железнодорожном. Прожил почти век, до конца дней сохранял ясность памяти, живость ума, часто выступал перед молодежью, школьниками. Наведывался и в родную деревню Яковлевскую, навещал родственников.

Неожиданным событием для него стала поездка в Японию. Это произошло в перестроечном 1985 году. В составе профсоюзной делегации Желваков побывал в разных городах. Особенно памятной была поездка в Хиросиму, где они возложили венок к памятнику жертвам атомной трагедии.

ВПЕРЕД НА МУДАНЬЦЗЯН!

Август 1945-го стал для Японской империи чередой потрясений

АЛЕКСЕЙ НОРИН

Карта Китая, на которой провинция Хэйлунцзян выделена оранжевым цветом, а город Муданьцзян — красным

На железнодорожной станции Камень-Рыболов разгружался эшелон с боевой техникой. Сюда, на побережье озера Ханка, прибывали машины 76-й танковой бригады Дальневосточного фронта. Соединение,

сформированное еще осенью 1941-го, четыре года простояло в резерве, и пламя великой войны до сих пор обходило танкистов-дальневосточников стороной. Окажись здесь ветеран, бравший Берлин или Прагу, разворачивающаяся

картина напомнила бы ему о событиях давно забытой, прошлой жизни: по дорогам Приморья двигались четыре десятка маленьких, легких, созданных еще в 30-е годы танков Т-26, которые на советско-германском фронте могли уцелеть

разве что чудом. За ними следовало полученное за лето пополнение – сорок более современных Т-34.

Стоял конец июля 1945 года. Война в Европе закончилась, но для 76-й танковой бригады под командованием подполковника Василия Чаплыгина, испытания только начинались. Свой первый экзамен они сдали блестяще: бригада без остановок и поломок совершила 65-километровый ночной марш.

Сквозь дожди и топи

В столкновении своего союзника по оси Третьего рейха с СССР Япония хранила нейтралитет, на время отложив наступательные планы в сторону и сосредоточившись на борьбе с США. Но многотысячная Квантунская армия, в тридцатых годах уже пробавшаяся на прочность советскую оборону, висела над Сибирью и Приморьем дамокловым мечом.

У союзников по антигитлеровской коалиции были собственные соображения: война с Японией на суше сулила американцам огромные потери. На Берлинской конференции президент США Трумэн заявил, что ждет от Советского Союза помощи, и эта помощь ему была обещана.

Сокрушительный удар должен был быть нанесен в Маньчжурии – регионе на северо-востоке Китая, оккупированном японцами в 1930-х годах. Количество доступных дорог здесь было сильно ограничено, а о качестве и говорить не приходилось. Армии, которые пытались пройти через горы, леса и непроходимые болота, рисковали увязнуть там в прямом и переносном смысле. В то же время захват любого транспортного узла мог превратить целые районы в ловушку для японских войск, которые не успели бы вовремя отступить. Поэтому расположенный в северо-восточной

части Маньчжурии город Муданьцзян, куда сходились железные и шоссейные дороги, неизбежно становился одной из целей советского наступления – и ареной ожесточенной битвы.

Начало операции было назначено на час ночи 9 августа. Командиры и начальники штабов японских дивизий 5-й армии встречали эту дождливую ночь в Эхо, поселке возле Муданьцзяна, где располагались армейские склады и штаб.

Генералы собрались в офицерском клубе, где проходили командные учения. В воздухе уже давно витало напряжение, но отвратительная погода успокаивала: до конца сезона проливных дождей советского наступления не ждали. Военная игра на картах должна была проходить в течение пяти дней, но реальность обрушилась на японских военачальников намного раньше. Отовсюду летели тревожные сообщения: пограничные гарнизоны ведут бои с советскими войсками.

В пять часов утра 76-я танковая бригада двинулась вперед. На других участках уже кипело сражение, но здесь разведчики и передовые отряды пехоты продвигались без сопротивления по «непроходимым» и потому неохраняемым лесам и топям.

Вскоре боевые машины добрались до 400-метрового болота – предполагалось, что для них наведут переправу, однако работы закончить не успели. Тут наличие легких старых танков оказалось неожиданным плюсом: пока «тридцатьчетверки» ждали переправу, батальон Т-26 смог, не завязнув, пройти через болото своим ходом. Более тяжелые машины сумели перебраться на тот берег лишь к 11 утра. Бригада двигалась на запад, практически не сталкиваясь с противником. За день ей встретились только два пограничных гарнизона, которые были без проблем разбиты, и один

раз отряд японцев обстрелял танки из винтовок и пулеметов, после чего скрылся среди сопок.

Остановившись на ночь и выставив охранение, танкисты выслали вперед сперва пеших разведчиков, а потом взвод легких танков – выяснить силы противника в районе станции Мацяохэ и отыскать переправу через одноименную реку.

Утром 10 августа 76-я танковая бригада продолжила наступление. Впереди ее поджидали две новости: хорошая и плохая. Плохая состояла в том, что мост японцами был взорван, а хорошая – это создало проблемы не только советским танкистам.

Первые дни любой войны всегда сопровождаются некоторым хаосом, и кампания в Маньчжурии не стала исключением. Многие японские подразделения, занятые строительными и фортификационными работами, располагались к востоку от основных укрепленных рубежей, на которых должны были занимать позиции. С началом советского наступления им пришлось спешно отступать на запад, но выполнить эту задачу смогли не все. Где-то пришлось, даже не вступая в бой, уничтожить собственную артиллерию, потому что поблизости не нашлось тягачей, чтобы ее вывезти, а где-то отступающие войска могли подойти к реке и обнаружить, что мост уже взорвал какой-то излишне рьяный самурай.

Застигнув врасплох и разгромив японскую колонну, передовой отряд 76-й танковой бригады заполучил в качестве трофея 150-мм гаубицу – досадная потеря для противника, чьи артиллерийские и противотанковые возможности и без того не блистали.

Пока сопротивление японских войск было исключительно слабым. Когда в час дня основные силы 76-й танковой бригады добрались до Мацяохэ и деревни Сяоченцзы,

Советская САУ ИСУ-152, бортовой № 152, переправляется через реку во время марша в Маньчжурии. Август 1945

где у японцев находились склады, оказалось, что передовой батальон уже фактически сделал всю работу. Танкисты сильно оторвались от идущей следом 190-й стрелковой дивизии, и движение приостановили. До этого времени в сводках фигурировали лишь «отдельные группы противника», но впереди раскинулся основной укрепленный рубеж, на котором японцы намеревались остановить и обескровить наступающую армию.

Окружение и прорыв

Хотя советские войска и доказали умение проходить через «непроходимую» местность, у всего есть свои пределы. До Муданьцзяна

требовалось довести не только танки и пехоту, но и бесконечные колонны снабжения. Направление наступления 76-й танковой бригады смещалось на 30 километров к юго-западу – в сторону Мулена, города, из которого вели на Муданьцзян шоссейная и железная дороги.

Сопrotивление противника росло: драгоценную транспортную артерию прикрывали доты, по танкам били минометы и пушки, а на железной дороге в районе разъезда Пльвучий расположились японские бронепоезда. Оторвавшись от пехоты на полсотни километров и истратив большую часть горючего, танкисты не могли и думать прорвать оборону с наскока. Вечером 11 августа, под покровом темноты,

танки 76-й бригады вошли в город и заняли привокзальную улицу. Японские войска к этому моменту отошли на укрепленные позиции за пределами города, но по позициям советских войск всю ночь била артиллерия – не слишком эффективно, но заставляя изрядно нервничать.

Пока танкисты подполковника Чаплыгина ждали подхода 190-й стрелковой дивизии и подвоза топлива, японскую оборону попробовала «на зуб» 208-я танковая бригада. Это соединение, сформированное весной 1942 года, всю Великую Отечественную провело на Дальнем Востоке. Половину бронетехники бригады составляли легкие танки БТ-7. Если в броне «тридцатьчетверок»

снаряды устаревших японских пушек лишь оставляли небольшие вмятины, то для танков довоенных моделей они были смертельно опасны.

Расположив оборонительные позиции за холмами по обе стороны от шоссе, японцы пропустили танки без единого выстрела, а затем открыли огонь по идущей следом пехоте. Танковый батальон оказался отрезан.

На помощь товарищам выдвинулся один из батальонов 76-й танковой бригады при поддержке четырех тяжелых самоходных орудий СУ-152. Впереди на шоссе виднелись остовы подбитых танков. На открытой местности легкие Т-26 рисковали повторить их судьбу, поэтому танкисты отвернули в сторону от шоссе, завели боевые машины за укрытия и открыли огонь по японской батарее. После ее уничтожения самоходка СУ-152 смогла выдвинуться и подавить дот, против которого легкие танковые пушки были бессильны.

Продвижение давалось тяжело и мучительно. Танкисты 76-й танковой бригады одержали маленькую победу, но огонь других вражеских батарей и бронепоезда заставил их отступить. Горючего оставалось так мало, что его пришлось сливать со всех танков, чтобы заправить хотя бы небольшой отряд – семь Т-26 и три Т-34. Под прикрытием огня самоходов, при поддержке пехоты действовавшей в этом районе 144-й стрелковой дивизии, танкисты постепенно сумели пробить коридор, по которому уцелевшие машины 208-й бригады вырвались из окружения.

Позднее ветераны японской 124-й пехотной дивизии в красках описывали этот бой и уничтожение ста десяти советских танков – что, впрочем, вызывало впоследствии сомнения даже у японских историков; ста танков не нашлось бы

ни в одной из бригад. За прорыв японской обороны и выход к ближайшей цели наступления – станции Даймагоу, безусловно, пришлось заплатить немалую цену. Однако в японских штабах в это время ни малейшего торжества не испытывали.

13 августа в 9 часов утра командир 124-й пехотной дивизии генерал Масатакэ Сиина получил донесение от солдат и офицеров, оборонявших шоссе. Они сообщили, что больше не могут удерживать позиции и намерены пойти в последнюю, самоубийственную контратаку с развернутыми знаменами. Ничуть не обрадовавшись такому самурайскому порыву, генерал потребовал отменить этот приказ и как можно дальше продолжать организованное сопротивление. Главный оборонительный рубеж перед Муданьцзяном, на котором предполагалось остановить и разгромить советские танковые бригады, оказался стремительно прорван, и японскому командованию пришлось судорожно импровизировать.

Интенданты и смертники

В роли спасителя японской линии обороны должно было выступить «подразделение Кобаяси» – сборный усиленный батальон, основой которого стали два подразделения по подготовке офицеров запаса – общевойсковых и интендантской службы. Для повышения огневой мощи им придали батарею тяжелых 150-мм гаубиц. Возглавившему этот курсантский батальон полковнику Кобаяси было приказано оборонять восточный подход к станции Мадаоши.

Для советских войск, несмотря на все трудности, ситуация выглядела оптимистично. К северу от Муданьцзяна танки 1-й Краснознаменной армии вышли на железную

дорогу, отрезав город от северной части Маньчжурии, и катились вдоль нее, истребляя по пути японские воинские эшелоны. На востоке советская 5-я армия смогла прорвать основной оборонительный рубеж.

Окрыленные успехами командармы чертили карты, нацеливая красные стрелы уже непосредственно на Муданьцзян. Однако отступающие японские части все еще сохраняли боеспособность – и фанатичное упорство, даже в явно проигранном сражении. Новая линия обороны строилась спешно, из того, что было, но ее все еще надо было пробить.

Действия бригады подполковника Чаплыгина по-прежнему сковывала нехватка горючего: по забитым пехотой и техникой немногочисленным дорогам доставить на передовую хоть какие-то запасы оказалось задачей крайне непростой. Оставив машины, лишённые топлива, в Даймагоу и захватив с собой на броне батальон автоматчиков, танкисты утром 13 августа выдвинулись к Мадаоши, где уже вели бои подразделения 144-й стрелковой дивизии и поддерживающие их танки 208-й танковой бригады. Японцы выбрали для обороны позицию за рекой, в узком дефиле между болотами и скалами, не оставляя наступающим иной возможности, кроме атаки в лоб. Мосты были взорваны, а пригодные для переправы места пристреляны артиллерией. Оставалось надеяться только на броню и на общую слабость вражеских противотанковых средств: не считая мин и единственной батареи гаубиц, солдаты полковника Кобаяси могли противопоставить бронированным машинам только смертников с подрывными зарядами. На советские танки, сумевшие-таки перебраться через реку и ворваться на станцию, обрушился град пуль – пробить броню они

Маньчжурия. Население китайского города Далянь встречает советских танкистов

не могли, но повреждали приборы наблюдения.

Разгромить гарнизон Мадаоши самостоятельно танкисты 76-й бригады не смогли, но часть вражеской артиллерии и пулеметов все же уничтожили. Чапыгин получил приказ отступить – увязшее в японской обороне танковое соединение следовало побережь для будущих боев. Битву за Мадаоши довершили другие части РККА; продержавшись чуть более суток, «подразделение Кобаяси» было

практически полностью уничтожено вместе со своим командиром. Часть выживших японцев еще какое-то время продолжала партизанские бои, другие отступили на восток.

В это же время на северном направлении завершилась ожесточенная борьба за станцию Хуалинь. Перед советскими армиями наконец-то замаячила цель наступления: Муданьцзян и прикрывающая его последняя оборонительная линия вокруг Эхо.

Харакири над сожженным знаменем

Август 1945-го стал для Японской империи чередой потрясений. 6 августа американской атомной бомбардировке подверглась Хиросима, 9 августа – Нагасаки; одновременно началось наступление советских войск, чье стремительное продвижение означало неминуемый коллапс группировки японских войск в Маньчжурии.

о нем сражающихся у Муданьцзяна солдат и офицеров, сочтя передачу фальшивкой. Судьба города решалась непосредственно на поле боя.

Наступление по холмам вдоль ведущего к Муданьцзяну шоссе давалось трудно. Первое стремительное продвижение советских войск имело оборотную сторону – ушедшим вперед войскам было необычайно сложно наладить логистику. К сожалению, не обошлось и без тактических ошибок: танки отрывались от пехоты, или ее отсекали огнем, и бронированные машины становились целью для смертников со взрывчаткой. Никакие тренировки в тылу не могли сравниться с тем реальным боевым опытом, который теперь приходилось получать молодым воинам-дальневосточникам ценой своей крови.

Однако упорство солдат и огонь советской артиллерии постепенно сделали свое дело. Японская пехота перемалывалась, орудия противника выбивались контрбатарейным огнем. В попытках остановить советские танки японцы пускали в ход все, вплоть до 15-килограммовых авиабомб с ближайшего аэродрома – их использовали в качестве импровизированных мин (планировалось также в ближнем бою швырять бомбы непосредственно под танки, но точных сведений о случаях подобного применения нет).

День 15 августа 76-я танковая бригада провела в очередной бесконечной схватке среди болот и минных полей. По танкам били прямой наводкой японские орудия, но уцелевшие старые пушки не могли пробить советскую броню даже в борт.

16 августа, после того как ночью был проделан проход в минном поле, подполковник Чапыгин получил приказ наступать на станцию Эхо, сердце японской обороны. Сама оборона к этому времени уже окончательно распалась. Истощенные, оставшиеся без тяжелого

вооружения вражеские войска отступали из самого Муданьцзяна. Кое-кто отступить не пожелал.

Один из ветеранов японской 126-й пехотной дивизии так описывал гибель ее 278-го полка: «Командир полка... объявил: «Я готов умереть здесь. Я не отступлю, пока не получу однозначного приказа». Где-то в 10 часов, по-прежнему находясь на позиции у гаоляновой фермы, 278-й полк был окружен многочисленной группой противника, состоящей из пехотных, танковых и артиллерийских подразделений... В 12 часов офицеры и солдаты полка собрались под полковым знаменем. Твердо решив умереть на позиции, полковой командир... почтительно поклонился в сторону востока, сжег полковое знамя и направил собравшихся солдат в последнюю атаку на юг. Затем, вместе с... командиром 3-го батальона, он на глазах у противника совершил харакири».

День подходил к концу. Сняв последние заслоны, 76-я танковая бригада ворвалась в Эхо, соединившись с наступавшими с севера войсками 1-й Краснознаменной армии. В Муданьцзяне переправившиеся через реку танковые бригады и стрелковые полки вели уличные бои с оставшимся в городе противником.

Основную массу японских войск окружить так и не удалось, но те, кто сумел отступить, уже едва ли представляли боеспособную силу. Без артиллерии и противотанковых средств, имея только винтовки, они не смогли бы противостоять огню советских пушек и мощи танков. Добывать их не понадобилось – здравый смысл возобладал.

С 17 августа японские части одна за другой начали сдаваться. По всей Маньчжурии советские танки и стрелки входили в освобожденные города и деревни уже без боя. Вторая мировая война заканчивалась – теперь окончательно.

ИСТОРИЯ: ОКОНЧАНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ДЕСАНТ НА ХОККАЙДО

Все острова Японского архипелага предполагалось разделить между четырьмя основными участниками антияпонской коалиции – США, Англией, Китаем и СССР

АЛЕКСАНДР ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Американская пропагандистская листовка, сброшенная на Японию: советский и американский солдаты пожимают руки в Японии

Успешные боевые действия союзников против Японии стали завершающим этапом Второй мировой. В этой скоротечной военной кампании Красная армия успела одержать серьезные победы – полностью отвоевала у самураев остров Сахалин, заняла Курилы, разгромила противника в Маньчжурии. Однако планировалась и еще одна масштабная операция: захват части «самого сердца Японии» – Хоккайдо, одного из крупнейших Японских островов. Ее отменили в самый последний момент по личному распоряжению Сталина.

Еще начиная с Тегеранской конференции, состоявшейся на исходе 1943 года, союзники все более активно подталкивали Сталина к участию в войне против милитаристской Японии. Конкретика была

достигнута в феврале 1945-го на Ялтинской конференции. Рузвельт, Черчилль и Сталин подписали соглашение о том, что СССР обязуется поддержать союзников на Дальнем Востоке и объявить Японии войну не позднее, чем через три месяца после капитуляции Германии. За это руководители Англии и США согласились на территориальные претензии Кремля: по итогам разгрома «островитян» признать передачу в состав СССР отвоеванных у них Курильских островов и южной части Сахалина.

В разрабатываемых стратегических планах предстоящей военной кампании против японцев союзники (и первую скрипку здесь играли американцы) предусматривали полный захват неприятельской территории. Руководство США даже

определило схему разделения Страны восходящего солнца на зоны оккупации – по аналогии с тем, как это было сделано с побежденной нацистской Германией.

Картина получилась любопытная. Все острова Японского архипелага предполагалось разделить между четырьмя основными участниками антияпонской коалиции – США, Англией, Китаем и СССР. Себе американцы выделили центральную часть самого большого из островов – Хонсю (около половины его площади), где были сосредоточены наиболее промышленно развитые районы. Другьям-англичанам предполагалось отдать третий по величине из японских островов Кюсю, а также отделенную от него узким проливом юго-западную часть Хонсю. Китаю «подарили» остров Сикоку, имевший в основном аграрный потенциал. Наконец, под опеку Советов должны были быть переданы большой северный остров Хоккайдо, а также ближайшие к нему северо-восточные территории Хонсю (около трети площади этого крупнейшего из Японских островов).

Именно с учетом таких перспектив раздела сфер влияния еще за несколько месяцев до начала советско-японской войны советский Генштаб начал разработку стратегических действий против войск микадо.

Так появились утвержденные затем на самом верху планы наступательных операций в Маньчжурии и на Сахалине, Курильской десантной операции. А кроме того – десантной операции на северную часть острова Хоккайдо, целью

которой было продвижение Красной армии до линии, идущей от города Кусиро до города Румоз (это «срединный рубеж», разделяющий весь остров приблизительно пополам).

Советские военные стратеги предполагали, что после достигнутых в результате этих «могучих сталинских ударов» разгрома Маньчжурской армии, захвата Сахалина и Курил, а также половины острова Хоккайдо японское руководство неминуемо вынуждено будет капитулировать. Ну а если вопреки ожиданиям японцы заартачатся, следовало в оперативном порядке доработать план дальнейших наступательных действий на островах Японского архипелага.

Масштабный десант на Хоккайдо планировался в строгой привязке к другим важнейшим операциям – захвату южной части Курил и разгрому японских войск на Южном Сахалине. Предполагалось, что десантные корабли отправятся к берегам Японии из уже взятых сахалинских портов. На Хоккайдо собирались высадить две дивизии.

О конкретных планах проведения операции главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке маршал Александр Василевский направил телеграмму в Ставку Верховного Главнокомандования еще 18 августа, накануне начала переброски войск на Сахалин. А в своей шифровке на имя Сталина, датированной 20 августа, маршал сообщал: «Докладываю обстановку по Дальневосточному фронту к исходу 19.8.45 года... В настоящее время я и командование 1-го Дальневосточного фронта серьезно заняты подготовкой десантной операции на остров Хоккайдо. Сейчас ведем морскую разведку, готовим авиацию, артиллерию, пехоту и транспортные средства. С Вашего разрешения морскую операцию здесь начнем

немедленно после занятия южной части Сахалина, ориентировочно 22.8.45 г.»

В ответ Сталин подтвердил свое «добро» на подготовку к высадке на японском острове частей 87-го стрелкового корпуса. Это позволило Василевскому отправить подчиненным ему военачальникам следующее распоряжение: «Командующим 1-м и 2-м Дальневосточными фронтами, командующему Тихоокеанским флотом. Срок начала операции по высадке наших войск в северной части острова Хоккайдо... будет дополнительно указан Ставкой ВГК. Высадку войск произвести с южной части острова Сахалин. Для чего:

Командующему авиацией Красной армии, главному маршалу авиации т. Новикову и командующему ТОФ адмиралу т. Юмашеву немедленно после занятия нашими войсками южной части Сахалина приступить к перебазированию основной массы авиации 9-й воздушной армии и Тихоокеанского флота на остров Сахалин и не позднее 23.8.45 г. иметь ее в готовности принять участие в операции по захвату северной части острова Хоккайдо... План перебазирования и использования авиации доложить мне не позднее 14.00. 22.8.45 г.

Командующему ТОФ т. Юмашеву после захвата нашими наземными войсками южной части острова Сахалин и порта Отомари перебазировать сюда необходимое количество боевых кораблей и транспортных средств, с тем чтобы по получении указаний Верховного Главнокомандования немедленно начать десантную операцию с южной части острова Сахалин на остров Хоккайдо. При планировании десантной операции учесть одновременную переброску на остров Хоккайдо не менее двух пехотных дивизий в два-три эшелона каждую.

Сроки начала десантной операции на остров Хоккайдо будут

указаны мною дополнительно. Срок готовности для этой операции – исход 23.8.45 г.»

Однако реальная ситуация на фронте складывалась не так, как это планировали в штабах советских войск. Ход Курильской и Сахалинской операций тормозился из-за яростного сопротивления японцев. К намеченному сроку полностью очистить от неприятеля Сахалин и некоторые Курильские острова не удалось, а это путало первоначальные планы десантной операции на Хоккайдо.

В первой половине дня 22 августа маршал Василевский получил шифровку из Москвы – распоряжение самого Сталина приостановить дальнейшую подготовку к десантной операции на японском побережье. Вслед за этим советский главком на Дальнем Востоке передал такой приказ командующему ТОФ адмиралу Юмашеву: «... Верховный Главнокомандующий приказал: от операции по десантированию наших войск с острова Сахалин на остров Хоккайдо необходимо воздержаться впредь до особых указаний Ставки. Переброску 87-го стрелкового корпуса на остров Сахалин продолжать... 22.8.1945 г. 14 ч. 55 мин. Василевский».

Но в последующие дни никаких разрешающих указаний Ставки насчет хоккайдской операции так и не поступило. Наоборот, сверху потребовали, чтобы армия и флот не вздумали даже глядеть в сторону этого японского острова.

Из приказа А. М. Василевского, разосланного 27 августа 1945 года командующим ТОФ и авиацией на Дальнем Востоке: «Во избежание создания конфликтов и недоразумений по отношению союзников категорически запретить посылать какие бы то ни было корабли и самолеты в сторону о. Хоккайдо...»

Тем не менее говорить о том, что эта стратегически важная десантная

операция так и осталась лишь на бумаге, все-таки нельзя. Удалось найти информацию о некоторых конкретных действиях по обеспечению выполнения высадки советских войск на Хоккайдо. Например, 22 августа командиры двух подводных лодок Л-11 и Л-18, базировавшихся в районе Владивостока, получили приказ высадить отвлекающий десант на западное побережье Хоккайдо неподалеку от порта Румои. На каждую субмарину погрузили 60 бойцов-десантников, две пушки-сорокапятки (орудия принаготовили снаружи корпуса – к ограждению рубки) и четыре миномета, солидный боезапас к ним. Этот боевой поход возглавил командир 2-го дивизиона 1-й бригады подводных лодок ТОФ кавторанг Василий Савич Демьянюк.

Субмарины преодолели уже половину расстояния до цели, когда была получена срочная радиограмма: операция отменяется «в связи с изменением общей обстановки», обоим кораблям надлежит разворачиваться и идти в сахалинский порт Маока (нынешний Холмск). Подлодки прибыли туда 25 августа.

Почему Сталин запретил начинать уже полностью подготовленную военными операцию по захвату японского острова? Увы, документы, которые позволили бы точно ответить на этот вопрос, возможно, до сих пор хранятся под грифом «секретно», а может быть, их и не было никогда и вопрос решался в Кремле на уровне устных распоряжений «хозяина».

Характерная деталь. Уже в наше время был опубликован фрагмент воспоминаний бывшего командующего ТОФ адмирала И. С. Юмашева. По словам Ивана Степановича, в те горячие августовские дни 1945-го он попытался предложить главному Василевскому собственный план десантной операции на Хоккайдо, однако маршал запретил даже заикаться о каких-то

подобных действиях флота. Позднее, уже в 1947-м, получив назначение на пост военно-морского министра СССР и встретившись по такому поводу со Сталиным, Юмашев в разговоре с Генералиссимусом упомянул об этом своем разговоре с Василевским. И добавил, что не решился тогда, в августе 1945-го, позвонить в Кремль и поговорить с Иосифом Виссарионовичем, пытаясь убедить его в необходимости проведения высадки десанта на Хоккайдо. Ответ Сталина прозвучал многозначительно: «Напрасно не позвонили, товарищ Юмашев. Если бы получилось – наградили бы... Если бы не вышло – наказали бы...»

Значит, советский лидер все-таки колебался? Но что же его останавливало в решении дать команду о начале хоккайдской операции?

Специалистам приходится делать выводы лишь на основе косвенных сведений и логических рассуждений. Востоковед Анатолий Иванько пишет: «Еще в начале 1945 года главы союзных держав приняли решение об оккупации Японии. Был разработан план ее раздела (по образцу Германии) между странами-победительницами – СССР в том числе. Однако смерть Франклина Рузвельта и приход к власти настроенного на конфронтацию с Россией Гарри Трумэна перечеркнули этот проект».

В итоге, когда лидеры союзников на исходе Потсдамской конференции согласовывали линии разграничения зон военных действий, рубеж, отделяющий территорию советского влияния от американской, был проведен севернее Хоккайдо. Но имелась в документе оговорка, что в зависимости от конкретной военной ситуации граница советской зоны может быть изменена – по согласованию с американской стороной. Именно этот пункт принятого на конференции решения, видимо, и держал

в уме Сталин, когда накануне начала военных действий на Дальнем Востоке распорядился готовить окончательный вариант десантной операции на Хоккайдо.

Вступление России в войну против Японии, несомненно, создавало предпосылки широкого использования соединений Красной армии для последующей оккупации части ее территории.

Однако, как показали дальнейшие события, американских политиков и военных волновало то, что в этом случае СССР получит большие права в управлении побежденной страной.

В одной из телеграмм, отправленных в середине августа на имя Сталина, Трумэн сообщил, что им совместно с Верховным главнокомандующим союзными силами на Тихом океане генералом Макартуром определен порядок оккупации Японии. Далее американский президент упомянул, что в ходе подготовки к подписанию Акта о капитуляции «будут использованы символические союзные вооруженные силы». Видимо, подобная формулировка утвердила Сталина в решении провести десант на Хоккайдо. Он полагал, что в сравнении с двумя армиями американцев, оккупировавшими Японию, две советские дивизии, высаженные на острове, и станут такими «символическими вооруженными силами». В то время советский лидер еще хоть в какой-то степени доверял новому президенту Америки и надеялся на его порядочность. Но увы... Отношения двух стран с подачи Трумэна и его окружения приняли совершенно иной характер.

15 августа руководителям государств, участвующих в войне против Японии, американцами был разослан проект общего приказа о порядке принятия капитуляции японских вооруженных сил. В этом документе то ли случайно, то ли

намеренно «забыли» упомянуть, что японские гарнизоны на Курильских островах должны сдаваться советским войскам.

В своем ответе, отправленном 16 августа, Сталин обратил внимание Трумэна на такое упущение и предложил «включить в район сдачи японских войск советскому командованию северную половину острова Хоккайдо...» При этом в письме была четко обозначена цель высадки советских дивизий: прием капитуляции японских войск в северной части Хоккайдо как естественное завершение Сахалинско-Курильской освободительной операции.

Кроме того, Сталин сделал акцент на том, что во время Гражданской войны в 1919–1921 гг. японские оккупационные войска захватили огромную часть дальневосточных территорий России, и теперь советский народ будет серьезно обижен, если Красную армию лишат возможности ответить аналогичным же образом: в результате полного разгрома врага оккупировать какую-то часть собственно японской территории.

Однако еще два дня спустя, 18 августа, в Кремль пришло письмо, в котором Трумэн полностью отвергал вариант с приемом советскими войсками капитуляции японцев в их штабе на Хоккайдо. И сразу же вслед за такой отказной формулировкой американский лидер обратился к своему советскому коллеге с весьма вызывающей просьбой: предоставить в распоряжение армии США аэродром на острове Итуруп для создания здесь авиабазы.

Послание Трумэна выглядело мягко говоря, невежливым. Ведь появление американской базы в центральной части вновь присоединенной к СССР Курильской гряды под корень рубило бы все попытки создать надежную воздушную оборону СССР на Дальнем Востоке.

Впрочем, это было вполне объяснимо. Ведь в «колоде» у Трумэна тогда имелся такой «козырной туз», как атомная бомба. Имея столь весомый аргумент, американский лидер решил резко поменять прежние ятинские и даже потсдамские планы.

Одной из главных перемен было решение превратить Японию в оплот борьбы с коммунизмом в северо-западной части Тихого океана. А для этого следовало «сделать оккупацию Японии чисто американским предприятием» и не допустить на острова вооруженные силы Советов.

Сталину наверняка нелегко было унять эмоции, читая столь вызывающее послание Трумэна. Самолюбие руководителя державы, победившей гитлеровскую Германию и только что на полях сражений в Маньчжурии, на Сахалине и Курилах вновь продемонстрировавшей свою военную мощь и верность союзническому долгу, было уязвлено. Однако он, похоже, справился с гневом и принимал дальнейшие решения «на холодную голову».

Сталин правильно оценил действия союзников и, взвесив все «за» и «против», распорядился отменить запланированную высадку советских дивизий на остров Хоккайдо.

Мотивы, побудившие его к такому шагу, могли быть разные.

С одной стороны, он хотел, не смотря ни на что, оставаться верным букве и духу потсдамских и ятинских соглашений, которм, по его глубокому убеждению, не могло быть альтернативы в послевоенном мире. А ведь упомянутыми соглашениями советский контроль над Хоккайдо не предусматривался. Сталин понимал, что, нарушив эти договоренности, поставит под угрозу территориальные приобретения СССР на Дальнем Востоке – юг Сахалина, Курилы. Явным намеком на это

стало упомянутое выше письмо американского президента.

С другой стороны, главной целью СССР при вступлении в войну против Японии было принудить ее к миру, что и произошло в итоге. А с учетом уже наметившегося к этому времени окончательного слома сопротивления японцев военная необходимость в высадке советских войск на Японские острова отпала.

Следует упомянуть и еще об одном моменте. Некоторые говорят, что якобы у Сталина была идея создать на Хоккайдо советский сателлит – Японскую народно-демократическую республику наподобие Северной Кореи. Но это миф. Вот что писал эксперт, доктор исторических наук Анатолий Кошкин: «Для создания на отсталом, не имевшем промышленности острове Хоккайдо просоветского режима у Москвы не было ни средств, ни опыта, ни необходимых кадров... Кроме того, в архивах различных ведомств не имеется никаких документов по созданию Японской народно-демократической республики...»

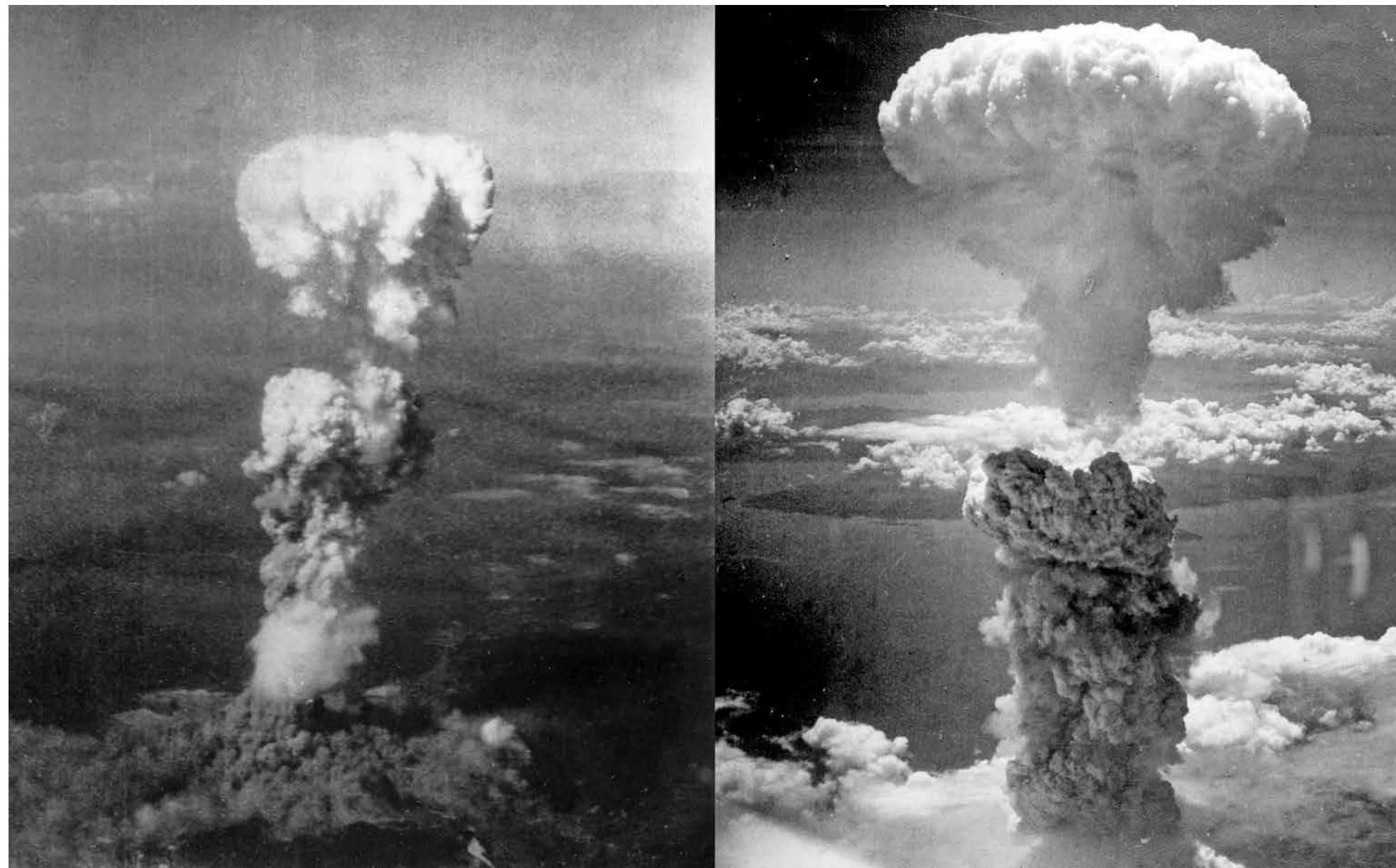
Тогда, осенью 1945-го, Сталин еще воспринимал Трумэна как партнера по управлению послевоенным миром. Но изменил свое мнение довольно быстро. Новый обитатель Белого дома, со своей стороны, ошибочно принял отказ русских от высадки на Хоккайдо за признак политической слабости и даже трусости. История показала, что оба лидера сверхдержав заблуждались в оценках друг друга. Вероятно, со временем «хозяин Кремля» пожалел о своей уступке в хоккайдском вопросе.

Как бы то ни было, причины, по которым руководство СССР не стало проводить высадку советских дивизий на Хоккайдо, не военные, а политические. И возникли они на самом верху – в кабинетах Кремля и Белого дома.

ЧЕРНЫЙ ДОЖДЬ НАД ХИРОСИМОЙ И НАГАСАКИ

Восемь десятилетий назад человечество впервые познало страшную силу атомного оружия

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВ

Ядерный гриб над Хиросимой (слева) и Нагасаки (справа)

Уже отгремел восьмидесятый по счету День Победы, впереди – 80-летие окончания Второй мировой войны и победы над Японией. Однако между этими юбилеями вклинивается дата трагическая: восемь десятилетий назад человечество впервые познало страшную силу атомного оружия: 6 августа супербомбой была уничтожена Хиросима, а 9 августа жертвой второй атомной атаки стал город Нагасаки. О случаях и случайностях, сопровождавших

адскую акцию, о том, что испытали жертвы выпущенного американцами на свободу «боевого атома», автор этих строк услышал от Анатолия Иванько, востоковеда, переводчика, много времени проводившего в Японии.

– Во время моих неоднократных командировок в Японию я не раз сталкивался с напоминаниями об этих страшных страницах из истории страны, – подчеркнул Анатолий Григорьевич. – Особенно запомнился рассказ старика – владельца маленького ресторанчика в Нагасаки.

Встреча с ним произошла совершенно случайно весной 1992 года. Я и мой спутник быстро завершили служебные дела, а поскольку время было обеденное, то решили где-нибудь перекусить. Оказалось, что неподалеку находится ресторан русской кухни «Максим». Там неожиданно к нашему столику подошел администратор, извинился и попросил разрешения, чтобы к нам присоединился владелец ресторана, желающий выразить свое уважение русским гостям.

Появившийся вслед за тем человек лет восьмидесяти представился господином Като. Японец признался, что всю жизнь мечтал побывать в России, но годы и болезнь помешали его мечте осуществиться. Теперь он надеется, что Россию сможет посетить его дочь.

На вопрос, долго ли он живет в Нагасаки, последовал ответ: «Всю жизнь». «А как же атомная бомбардировка?» – не выдержал мой товарищ. После этого мы и услышали воспоминания человека, пережившего атомный ад.

Последняя исповедь «хибакуся»

Войну господин Като встретил водителем на большом предприятии. Оно занималось производством химических компонентов,

которые отправляли затем для военных нужд на континент, в Маньчжурию.

9 августа 1945 года он на своем фургоне возвращался в Нагасаки и вдруг километров за тридцать до города увидел огромное облако дыма, причем, как ему показалось, оно росло вверх над окрестностями городского стадиона. Мелькнула мысль: почему так много дыма, что может столь сильно гореть в том районе?

Нажав педаль газа, Като поспешил в город. Чем ближе подъезжал, тем тревожнее становилось на душе: как там родные – старики-родители, жена с двумя детишками. Вскоре в кабину стал проникать нестерпимый запах гари и становилось все жарче и жарче. Когда добрался до окраины Нагасаки, заметил многочисленные пожары, но при этом вокруг – полное безлюдье, город словно вымер.

Первыми людьми, которых он встретил, были мать и ребенок, лежащие на земле, держа друг друга за руку. Като остановил машину и бросился к несчастным, чтобы помочь, однако то, что он увидел вблизи, повергло его в ужас: это были обгоревшие тела двух человек, которые еще не умерли, но уже и не были живыми. Их рты, растянутые гримасой обожженного мяса, пытались кричать, но ничего не получалось.

Убедившись, что этим двум уже не помочь, Като рванул по направлению к своему дому. Однако на месте его жилища пылали головешки, то же самое было с соседними постройками и со всей улицей. Ужас происходящего усугубляла тишина: ни криков, ни звуков пожарных и полицейских сирен... Только треск горящего дерева и ломающихся в огне конструкций зданий.

Долго ли он просидел в оцепенении в кабине своего грузовика, господин Като не помнит. Очнулся лишь когда начался дождь,

Буддийский храм после атомной бомбардировки Нагасаки 9 августа 1945 года

походивший скорее на туманную морось. Такая морось сеялась в течение двух или трех часов, и все это время он не выходил из кабины, что фактически и спасло его от гибели. Потому что, как потом стало известно, это был «черный дождь» – радиоактивный дождь смерти.

В конце концов, не зная, что еще предпринять, Като поехал к своему предприятию, которое находилось на другом конце города и поэтому уцелело. Испуганные сторожа ничего толком не могли объяснить, а только твердили одно: что-то огромное сбросили с неба. К вечеру в Нагасаки прибыл спасательный

отряд, и все уцелевшие машины использовали для транспортировки пострадавших за городскую черту. Като занимался этой страшной работой с тайной надеждой встретить кого-либо из своих близких.

Практически все люди, которых эвакуировали, пострадали от огня и запредельной температуры. У одних кожа обгорела и слезла с тела, как кожура с молодой картошки, свисая бахромой, у других зияли кровоточащие раны. У некоторых пострадавших не было открытых ран, но все тело представляло собой сплошной волдырь: огненная вспышка чудовищного взрыва

равномерно обожгла несчастных со всех сторон, не оставив на них ни обугленных участков, ни едва опаленных. Глаза, нос, губы – все превратилось в единую маску-пузырь, под тонкой пленкой которой просвечивала скопившаяся мутновато-белая жидкость. Много людей было без рук, без ног, без глаз. Нагасаки превратился в город инвалидов...

Господин Като помолчал, затем добавил: «Похоже, что богом избранная американская нация проводила эксперимент над живыми людьми по различным способам их сожжения. Но те, кто выжил среди

этого ужаса, зачастую могли позавидовать мертвецам. Вся моя семья погибла во время атомного удара, сам я позднее женился во второй раз, но из-за радиационного облучения уже долгие годы страдаю белокровием».

Понимая, как тяжело пожилому человеку вспоминать августовские события 1945 года, я решил переменить тему и спросил, почему господин Като захотел встретиться с нами.

«Русские – настоящие люди, – ответил старый японец. – Они бы так не поступили. Я удивляюсь нашим руководителям в выборе друзей. Разве можно доверять американцам после того, что они сотворили в 1945-м?»

Мы распрощались с гостеприимным хозяином, а по возвращении в Россию выслали приглашение посетить нашу страну для его дочери. Однако никакого ответа не последовало. И тогда я набрал номер телефона в Нагасаки.

В трубке раздался голос дочери господина Като. С трудом сдерживая рыдания, она сообщила, что через два дня после встречи с нами ее отец умер: у него была лучевая болезнь, с которой он боролся все послевоенные годы. Так к 264 тысячам «хибакуся» – жертвам ядерных бомбардировок Японии, уже умершим к тому времени, прибавилась еще одна человеческая жизнь, которую забрал «боевой атом».

Их уже полмиллиона

– В силу «японского уклона» моей работы я на протяжении многих лет занимаюсь поиском фактов, связанных с той атомной трагедией. Чтобы лучше понять то, что случилось в начале августа 1945-го, давайте обратимся к предыстории, – предложил Анатолий Иванько. – В канун американских ядерных бомбардировок Япония находилась

в сложных условиях экономической и военной блокады. Императорский флот уже не в состоянии был достойно противостоять значительно более сильному и многочисленному флоту США и Великобритании. Вот почему военно-морское командование Японии основной упор делало на массовое производство специальных боевых средств, управляемых смертниками: взрывающихся катеров, карликовых подводных лодок и человеко-торпед, которые должны были по приказу сверху совершать самоубийственные атаки против вражеских кораблей. Однако такая тактика в конечном итоге не оправдала себя. Страна была блокирована флотом союзников, отрезана от импорта стратегических материалов.

Еще в начале марта 1945 года несколько сотен американских бомбардировщиков В-29 сбросили на Токио зажигательные бомбы, в результате от пожаров погибло свыше 100 тысяч человек. А всего ко времени бомбежки Хиросимы и Нагасаки американская авиация разрушила более 90 японских городов.

Комитет США по применению атомного оружия при выборе городов для ядерной воздушной атаки руководствовался следующими критериями:

- обязательное наличие во круг военной цели гражданских объектов;
- важность данного города для японцев не только с экономической и стратегической точки зрения, но и с психологической;
- высокая степень значимости объекта бомбардировки, разрушение которого вызвало бы резонанс во всем мире;
- и наконец, еще одно существенное условие: цель не должна быть поврежденной предыдущими бомбардировками, чтобы военные смогли оценить истинную мощь нового оружия.

– Почему именно Хиросима и Нагасаки вытала столь страшная судьба?

– В число претендентов на получение ядерного удара у американцев попали кроме этих двух еще несколько японских городов.

Кокура – место размещения крупнейшего в Японии военного арсенала.

Иокогама, являющаяся центром военной промышленности.

Ниигата – место сосредоточения предприятий машиностроения, крупный порт на острове Хоккайдо, очень удобный для высадки советских войск на японскую территорию (а этому американцы хотели всячески воспрепятствовать).

Киото – важнейший индустриальный, культурный центр и древняя столица Японии.

Именно Киото был определен специалистами в качестве наиболее удобной цели для атомного удара. Однако, согласно сохранившимся воспоминаниям участников событий, тогдашний военный министр Соединенных Штатов Г. Стимсон настоял на исключении этого города из списка, так как был лично знаком с его достопримечательностями и представлял их ценность для мировой культуры. Дело в том, что мистер Стимсон в молодости провел в Киото медовый месяц и считал этот город своим свадебным талисманом.

Что же касается Хиросимы и Нагасаки, то, строго говоря, ни тот, ни другой не являлись «кузницами японского милитаризма», а были мирными городами с «элементами военного назначения». В Хиросиме, например, находился пункт сбора и последующей отправки по частям новобранцев и резервистов. А Нагасаки использовался как дополнительная верфь для ремонта кораблей.

Интересно, что оба упомянутых города в американском «черном

Школьница звонит в Колокол мира в Мемориальном парке мира в Хиросиме

списке» значились поначалу в качестве запасных целей, и всерьез вариант с их бомбардировкой не рассматривался. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что еще до 9 августа на Нагасаки был совершен авианалет – «классический», с использованием обычных бомб. Он вызвал беспокойство жителей города и вынудил их эвакуировать большинство местных школьников в окрестные деревни. Это спасло сотни детских жизней.

Но в конечном итоге американское командование после долгих обсуждений все-таки выбрало два основных объекта для атомных бомбардировок и две запасные цели, на случай непредвиденных

ситуаций. Ими стали: для первой бомбежки Хиросима, а если этот город не удастся поразить, – Ниигата; для второй – Кокура, «дублером» которой назначили Нагасаки.

Судя по сведениям из американских источников, ядерный налет на Хиросиму проходил без проблем. Погода была более чем благоприятная для сброса бомбы, получившей от ученых ядерщиков ласковое прозвище «Малыш». А японцы, когда их подразделения ПВО запеленговали

несколько одиночных объектов, устремляющихся к Хиросиме (основной бомбардировщик и сопровождавшие его самолеты наведения), решили, что это всего лишь очередной разведочный рейд американской авиации, который не представляет угрозы для города.

Совсем не так гладко протекала операция по сбросу второй атомной бомбы, которую назвали «Толстяк». Надо отметить, что первые в истории ядерные бомбардировки были подготовлены американцами очень тщательно. Единственной помехой при их осуществлении могла стать погода. Так и произошло. Ранним утром

9 августа с аэродрома на острове Тиниан взлетел самолет под командованием майора Чарльза Суини с «Толстяком» на борту, – его целью был японский город Кокура. В 8 часов 10 минут этот бомбардировщик прибыл к месту, где должен был встретиться со своим напарником – вторым В-29, но не обнаружил его.

После 40 минут ожидания в воздухе было принято решение совершить бомбежку без сопровождающего самолета. Однако тут выяснилось, что за время непредвиденной задержки над Кокурой сгустилась 70%-ная облачность, которая могла помешать точному выходу бомбардировщика на цель. В ход операции вмешалась и еще одна «мелочь», уже чисто техническая: буквально перед самым вылетом самолета майора Суини на нем обнаружилась неисправность топливного насоса, ситуацию усугубили 40 лишних минут, проведенных бомбардировщиком в воздухе, и теперь при окончательном выборе между основной и запасной целью стало очевидно, что тянуть до Кокуры рискованно, а потому единственная возможность употребить это во время пролета над Нагасаки, расположенном ближе.

Однако и здесь «бомбер» поджидали капризы погоды. Облака стали завлакивать небо над городом, скрывая его от американских летчиков. В какой-то момент показалось даже, что майору Суини придется разворачивать крылатую машину и возвращаться на базу, так и не выполнив боевого задания. Но вдруг в облачных клубах образовалось «окошко», через которое внизу стал виден характерный «маркер» на местности – стадион в Нагасаки. Ориентируясь на него, экипаж В-29 и сбросил смертоносный груз. К счастью, если такие слова вообще уместны в подобном случае, бомба упала довольно

далеко от густонаселенных кварталов, что несколько уменьшило число жертв.

Эффект от использования «боевого атома» оказался ошеломляющим. Согласно свидетельствам очевидцев, все, кто находился в радиусе 800 метров от эпицентров взрывов, умерли. Из-за очень высокой температуры, которая образовалась на местах падения «Малыша» и «Толстяка», начались массовые пожары, причем в Хиросиме они вскоре превратились в огненный смерч из-за ветра, скорость которого была около 50–60 км/ч. Из 245 тысяч жителей Хиросимы сразу погибло 70 или 80 тысяч человек. В ближайшие дни количество жертв еще увеличилось за счет умерших от ран и ожогов, а потом...

Ядерная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки познакомила человечество с лучевой болезнью. Первыми ее заметили медики. Их удивило, что состояние выживших сначала улучшалось, а затем они погибали от болезни, симптомы которой во многих случаях напоминали диарею. В первое время после атомного налета мало кто мог предположить, что те, кто его пережил, будут страдать различными тяжелыми заболеваниями и даже производить на свет нездоровых детей.

– Как можно оценить чисто военные результаты использования американцами супербомб?

– 9 августа, после известия о бомбардировке Нагасаки и объявления войны со стороны СССР, император Хирохито выступил за немедленную капитуляцию при условии сохранения в стране своей власти. В тексте заявления, распространенного японскими СМИ, Его Величество упоминал, что одной из причин такого решения является наличие у противника «страшного оружия», использование которого

способно привести к уничтожению нации.

Казалось бы, это подтверждает заверения американского руководства о том, что главная цель применения ими атомного оружия – стремление быстро окончить войну. Однако такое утверждение не выдерживает серьезной критики. Во-первых, как говорилось выше, Япония в канун бомбардировки уже перестала представлять собой реальную военную угрозу. А во-вторых, Сталин еще летом 1945-го, за две недели до Потсдамской конференции, информировал своих союзников Трумэна и Черчилля о том, что Япония готова вступить в переговоры с ними о капитуляции. К сожалению, эта информация не была воспринята американским и английским лидерами, как сигнал к завершению военных действий.

США необходимо было удивить весь мир новым видом оружия массового поражения. А главное, продемонстрировать Советскому Союзу это оружие в действии и тем самым доказать, что времена, когда все три державы антигитлеровской коалиции на равных решали судьбы мира, ушли безвозвратно и теперь Соединенные Штаты будут единолично решать судьбу человечества.

Еще одной целью атомных бомбардировок было не допустить вторжения советских войск в Японию и тем самым обеспечить ее оккупацию Америкой. Это подтверждает дата бомбардировки Нагасаки: 9 августа – день, когда Советский Союз вступил в войну с Японией и наши войска уже начали успешно взламывать оборону Квантунской армии в Маньчжурии, что означало грядущее неминуемое военное поражение армии императора Хирохито.

Наконец, следует учитывать, что руководство Соединенных Штатов преследовало цели не только

военного, политического, но и коммерческого характера: нужно было оправдать перед налогоплательщиками 2 миллиарда долларов, ушедших на разработку ядерного проекта.

– Известно ли общее количество тех, чья жизнь оборвалась до срока по вине «Малыша» и «Толстяка»?

– Уже к концу 1945 года количество жертв ядерной бомбежки достигло, по разным оценкам, среди жителей Хиросимы – от 90 до 160 тысяч человек, а среди населения Нагасаки – от 60 до 80 тысяч. Но и после этого люди продолжали умирать. Вот уже на протяжении семи десятилетий у японцев существует страшное слово «хибакуся». Таким термином на островах называют жертв американской атомной бомбардировки.

Согласно имеющейся статистике, в августе 2013 года, через 68 лет после трагедии, общее количество умерших в результате ядерной атаки превысило 450 тысяч человек. Но страшный список продолжает пополняться и сейчас.

Эти тысячи погибших и заболевших фактически выполнили роль подопытных для проверки воздействия нового оружия на человека.

Примечательно, что у тогдашнего руководства США подобный циничный подход к решению «проблемы Японии» не вызывал никаких угрызений совести. Очень красноречиво это доказывают слова президента Соединенных Штатов Гарри Трумэна. На второй день после бомбардировки Нагасаки он сказал: «Единственный язык, который они (японцы) понимают – это язык бомбежек. Когда приходится иметь дело с животным, приходится обращаться с ним, как с животным. Это печально, но это так...»

ИСТОРИЯ: ОКОНЧАНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

РЕВИЗИИ НЕ ПОДЛЕЖИТ

Без вступления в войну СССР американцы не смогли бы быстро победить Японию с помощью атомного оружия

АНАТОЛИЙ КОШКИН

2 сентября 1945 года в 9:02 министр иностранных дел Японии Мамору Сигэмицу подписал акт о капитуляции Японии на борту американского военного корабля «Миссури»

Японские официальные историки утверждают, что правительство Японии вплоть до окончания войны ничего не знало о достигнутых в Ялте соглашениях по вопросам Дальнего Востока. Однако существуют указания на то, что японская разведка располагала

сведениями о договоренностях в Крыму, касавшихся Японии. Так, в 1985 году в Японии были опубликованы воспоминания шифровальщицы японского представительства в Стокгольме Юрико Онодэры, которая утверждала, что разведанные о содержании

ялтинских соглашений о Японии были своевременно переданы в японский МИД.

Едва ли случайным совпадением является то, что 14 февраля 1945 года, через два дня после завершения Ялтинской конференции, трижды возглавлявший японское

правительство влиятельный политический деятель Японии князь Фумимаро Коноэ спешно составил и представил императору Хирохито секретный доклад, в котором призывал японского монарха «как можно скорее закончить войну». При этом с особой тревогой указывалось на «замыслы Советского Союза в отношении Восточной Азии». Коноэ предупреждал, что «существует серьезная опасность вмешательства в недалеком будущем Советского Союза во внутренние дела Японии». Главный смысл доклада Коноэ сводился к тому, чтобы до вступления в войну СССР успеть капитулировать перед США и Великобританией, «общественное мнение которых еще не дошло до требования изменения нашего государственного строя».

15 февраля руководители японской разведки проинформировали участников заседания Высшего совета по руководству войной о том, что «Советский Союз намерен обеспечить себе право голоса в решении вопросов будущего Восточной Азии». Прозвучало предупреждение, что к весне СССР может расторгнуть пакт о нейтралитете и присоединиться к союзникам в войне против Японии.

На следующий день об этом говорил императору министр иностранных дел Мамору Сигэмицу: «Дни нацистской Германии сочтены. Ялтинская конференция подтвердила единство Великобритании, США и Советского Союза». Министр рекомендовал императору Хирохито не полагаться на пакт о нейтралитете. Генерал Хидэки Тодзио также предупреждал монарха о возможности выступления СССР против Японии, оценив такую возможность как 50 на 50.

Однако император, сознавая, что вступление в войну СССР будет означать неизбежное и быстрое поражение Японии, не оставляя надежды на привлечение Москвы

в качестве посредника для достижения перемирия с США. Хотя далеко не все японские руководители верили в успех привлечения СССР на сторону Японии, японский МИД сразу после Ялтинской конференции предпринял попытки через советского посла в Японии Я. А. Малика изложить советским руководителям японское предложение о посредничестве. Однако по указанию Москвы посол избегал прямых ответов на японский зондаж.

Японский зондаж, кроме всего прочего, преследовал цель поссорить Советский Союз с Соединенными Штатами и Великобританией, нарушить их союз. По замыслам японского руководства, сам факт советско-японских дипломатических контактов по вопросу о перемирии мог быть истолкован западными державами как односторонняя закулисная деятельность Москвы для сговора с Японией за спиной Вашингтона и Лондона. В принятом 20 апреля 1945 года Высшим советом по руководству войной документе «Общие принципы мероприятий в случае капитуляции Германии» прямо ставилась задача: «Приложить усилия к тому, чтобы умелой пропагандой разобщить США, Великобританию и СССР и подорвать решимость США и Великобритании вести войну». Важность таких усилий возросла после объявления о денонсации советско-японского пакта.

Готовясь к войне с Японией, советское правительство стремилось соблюсти нормы международного права. 5 апреля 1945 года правительству Японии было официально объявлено о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете от 13 апреля 1941 года. В заявлении советского правительства указывалось, что пакт был подписан до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией с одной

стороны, и Великобританией и США с другой.

Текст заявления гласил: «С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза».

При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл и продление этого Пакта стало невозможным. В соответствии со статьей 3-й упомянутого Пакта, предусматривающей право денонсации за один год до истечения пятилетнего срока действия Пакта, Советское Правительство настоящим заявляет Правительству Японии о своем желании денонсировать Пакт от 13 апреля 1941 года».

Денонсировав пакт о нейтралитете, советское правительство за четыре месяца до вступления в войну фактически информировало японское правительство о возможности участия СССР в войне с Японией с целью скорейшего завершения Второй мировой войны. Естественно, о возможном сроке вступления в войну японскому правительству не сообщалось. Более того, стремясь по возможности обеспечить скрытность подготовки вооруженных сил к вступлению в войну, советская сторона, отвечая на японский вопрос, соглашалась, что действие пакта о нейтралитете может сохраняться до истечения пятилетнего срока.

Нельзя исключать, что при этом советское правительство допускало ситуацию, когда японское правительство прекратит войну еще до вступления в нее Советского Союза. Официальное объявление о денонсации пакта рассматривалось в Москве как серьезное предупреждение японскому правительству, призванное

убедить его в бесполезности продолжения войны.

О том, что японское правительство связывало неизбежность поражения лишь со вступлением в войну СССР, свидетельствует намерение продолжать борьбу с США и Великобританией до победного конца. 23 апреля 1945 года новый министр иностранных дел Японии Сигэнори Того заявил представителям императорской ставки: «Если Японии удастся одержать победу на Окинаве, Советский Союз убедится, что у нас все еще имеются значительные резервы. Поэтому, воспользовавшись подобной ситуацией, можно будет построить фундамент для деятельности нашей дипломатии».

Попытки договориться с Советским Союзом заметно активизировались после капитуляции Германии. В это время японское командование, потерпев поражение на Окинаве, начало спешно готовиться к сражению за метрополию. А для этого необходимо было сохранить Квантунскую армию (группу армий), которую при резком осложнении положения планировалось перебросить на территорию Японии. Поскольку вступление в войну СССР могло нарушить эти планы, японское высшее командование еще более решительно требовало от правительства сделать все возможное, чтобы удержать Москву от этого шага.

15 мая на заседании Высшего совета по руководству войной было принято решение добиваться начала японо-советских переговоров. Для этого считалось необходимым продемонстрировать Советскому Союзу позитивный характер политики нейтралитета и склонять СССР к посредничеству в деле окончания войны на приемлемых для Японии условиях. Японское руководство демонстративно аннулировало все японо-германские соглашения и дало указание прессе поддерживать дипломатические

шаги японского правительства в отношении СССР. Однако обстановка складывалась явно не в пользу Японии. Советское правительство, понимая существо японских замыслов, продолжало уклоняться от попыток Токио вовлечь СССР в официальные переговоры. 6 июня на очередном заседании Высшего совета по руководству войной была дана весьма пессимистическая оценка складывавшегося положения. В представленном членам совета анализе ситуации говорилось: «Путем последовательно проводимых мер Советский Союз подготавливает почву по линии дипломатии, чтобы при необходимости иметь возможность выступить против Империи; одновременно он усиливает военные приготовления на Дальнем Востоке. Существует большая вероятность того, что Советский Союз предпримет военные действия против Японии <... > после летнего или осеннего периода».

Тем не менее у японского правительства и командования оставались надежды на резкое ухудшение советско-американских и советско-английских отношений. Участники совещания с нескрываемым удовлетворением отмечали, что «после окончания войны против Германии сотрудничество США и Великобритании с Советским Союзом ослабевает». При этом японские лидеры тешили себя надеждой, что в конце концов советское руководство поймет выгоду для себя от затягивания войны между Японией и США и Великобританией, в которой обе стороны лишь ослабляют друг друга. Поэтому ставилась задача использовать все возможности для поиска какой-либо договоренности с Советским Союзом.

Вместе с тем на заседании Высшего совета по руководству войной 6 июня был подтвержден курс Японии на продолжение войны. В принятом на заседании решении указывалось: «Империя должна

твердо придерживаться курса на тяжелой характер войны, не считаясь ни с какими жертвами. Это не может не вызвать к концу текущего года значительных колебаний в решимости противника продолжать войну».

Из этого следует, что «мирная дипломатия» Японии в отношении СССР преследовала цель избежать капитуляции, сохранить в стране существующий режим и продолжать войну до тех пор, пока США и Великобритания не пойдут на уступки в определении условий перемирия. В Токио всерьез рассчитывали на принятие США и Великобританией компромиссных условий мира, которые, в частности, предусматривали сохранение за Японией Кореи и Тайваня.

Следует отметить, что японские расчеты на разлад среди коалиции союзников имели определенные основания, связанные с тем, что после смерти Рузвельта в апреле 1945 года президентом США стал Гарри Трумэн. Как отмечал известный советский дипломат А. А. Громыко, после этого «брешь в политической жизни США образовалась зияющая. Международные последствия ее оказались огромными. К власти в США пришел Трумэн, бывший вице-президент. Как политик он до этого светил вроде Луны – отраженным светом. В советско-американских отношениях почти сразу же стали проявляться серьезные натянутости».

Во время вступления в должность Трумэн был проинформирован о секретных работах по созданию атомной бомбы. Перспектива появления у США супероружия породила у новой американской администрации надежду, что война может быть завершена в результате атомной бомбардировки. Однако уверенности в том, что атомная бомба может быть применена в ближайшее время, не было. Поэтому у США сохранялась

заинтересованность в том, чтобы Сталин выполнил данное на Ялтинской конференции обещание вступить в войну с Японией.

В США и Великобритании готовились к упорным продолжительным сражениям на театрах Тихоокеанской войны. В решениях англо-американской конференции в Квебеке, состоявшейся 11–16 сентября 1944 года, окончание войны с Японией планировалось не раньше, чем через 18 месяцев после поражения Германии. Эти расчеты оставались в силе и накануне Ялтинской конференции. Поэтому в подготовленной с участием военных памятке для президента Рузвельта и американской делегации особо подчеркивалось: «Мы отчаянно нуждаемся в Советском Союзе для войны с Японией по завершении войны в Европе».

Незадолго до Ялтинской конференции Рузвельту доложили, что первая атомная бомба будет готова примерно к 1 августа, а вторая – к концу 1945 года. Однако в Вашингтоне исходили из того, что одна или несколько атомных бомб не смогут сыграть решающей роли в разгроме Японии. Эту роль должны были сыграть советские войска, способные разгромить Квантунскую армию и, сковав японские соединения в Китае, лишить тем самым японское командование возможности использовать их для обороны метрополии.

Всего этого не мог не учитывать и новый президент США. Когда к лету 1945 года из секретных лабораторий поступили сведения о том, что работы по созданию нового оружия вступили в завершающую стадию, в администрации США возобладало стремление скорейшим нанесением атомных ударов по Японии опередить вступление СССР в войну и устранить его от послевоенного урегулирования на Дальнем Востоке. Но американские генералы продолжали

настаивать на обязательном привлечении СССР к разгрому Японии. Военный министр США Генри Стимсон в памятной записке предупредил Трумэна 2 июля 1945 года: «Начав вторжение, нам придется, по моему мнению, завершать его даже еще более жестокими сражениями, чем те, которые имели место в Германии. В результате мы понесем огромные потери и будем вынуждены оставить Японию».

По чисто военным соображениям американское командование не могло отказаться от помощи Советского Союза, поскольку не было уверено в том, что атомная бомба положит конец войне. В ходе проходившей во второй половине июня 1945 года Потсдамской конференции глав трех держав – СССР, США и Великобритании – Трумэн, несмотря на успешное испытание атомной бомбы, прямо заявил, что «США ожидают помощи от СССР в войне против Японии». В ответ Сталин сказал, что «Советский Союз будет готов вступить в действие к середине августа и что он сдержит свое слово».

Советский Союз присоединился к опубликованной 26 августа Потсдамской декларации, которая призывала японское правительство немедленно капитулировать и предупреждала, что «иначе Японии ждет быстрый и полный разгром». В первом пункте декларации было заявлено, что «Японии дается возможность окончить эту войну». Однако японское правительство не пожелало воспользоваться этой возможностью, проигнорировав Потсдамскую декларацию. Занятая Токио позиция затягивала окончание войны, вела народы к новым жертвам и лишениям.

8 августа 1945 года советское правительство в строгом соответствии с ялтинским соглашением объявило Японии войну. В сообщении ТАСС, в частности, говорилось: «Учитывая отказ Японии

капитулировать, союзники обратились к Советскому правительству с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем самым сократить сроки окончания войны, сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира... Советское правительство заявляет, что с завтрашнего дня, т.е. с 9 августа, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией».

Вступлению Советского Союза в войну предшествовала атомная бомбардировка 6 августа японского города Хиросима. Затем, уже после начала боевых действий советских войск, 9 августа, вне всякой военной необходимости атомным ударом был уничтожен и город Нагасаки.

В полдень 15 августа 1945 года японцы впервые услышали по радио голос своего монарха. Император Хирохито, считавшийся, согласно официальной государственной религии Синто, прямым потомком богов, объявил своим подданным о решении прекратить войну. В качестве обоснования невозможности дальнейшего сопротивления было указано использование противником новой супербомбы. Тем самым давалось понять, что Япония потерпела поражение не в честном сражении с противником, а вынуждена уступить перед неодолимой силой невиданного ранее оружия. В связи с этим в Японии до сих пор считается, что применение американцами атомных бомб явилось «тэнью» – волей провидения, милостью небес, позволившей священной нации Ямато выйти из войны с честью, не потеряв лица.

Однако, как свидетельствуют факты и документы, не атомные бомбы вынудили японское правительство согласиться на капитуляцию. Японские руководители скрывали от народа сообщение о применении американцами обладающего

огромной мощью атомного оружия и продолжали готовить население к решающему сражению на своей территории «до последнего японца». Вопрос о бомбардировке Хиросимы не был даже обсужден на заседании Высшего совета по руководству войной. Предупреждение президента Трумэна от 7 августа по американскому радио о готовности США нанести новые атомные удары было расценено японским правительством как пропаганда союзников.

Невзирая на атомные бомбардировки, сторонники «партии войны» продолжали развернутую по всей стране подготовку населения к отпору врагу в случае вторжения – женщин, детей и стариков обучали приемам борьбы с применением бамбуковых копий, в горах создавались базы партизанской войны. Создатель отрядов смертников-камикадзе заместитель начальника главного морского штаба вице-адмирал Такидзиро Ониса, категорически выступая против капитуляции, заявлял на заседании правительства: «По жертвовав жизнями 20 миллионов японцев в специальных атаках, мы добьемся безусловной победы». При этом он подчеркивал, что камикадзе не обязательно быть пилотом, а достаточно просто «быть готовым нанести ценой своей жизни эффективный удар по противнику».

До последнего существовали и надежды на использование сохранившей свою боеспособность Квантунской армии. Рассматривался вариант в случае высадки американских войск на Японские острова переправить императора и его семью в Маньчжоу-Го, чтобы продолжить здесь сопротивление. При этом считалось, что американцы не будут подвергать атомной бомбардировке территорию союзного Китая. Подобные расчеты были перечеркнуты блицкригом советских войск в Маньчжурии.

9 августа на экстренном заседании Высшего военного совета по руководству войной премьер-министр Японии Кантаро Судзуки со всей определенностью заявил: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным продолжение войны».

Участие СССР в войне вынудило японскую верхушку согласиться с капитуляцией не только из-за неизбежного военного поражения, но и по политико-идеологическим причинам. Японская аристократия и помещичье-буржуазные круги усматривали в поражении от социалистического Советского Союза опасность «коммунистической революции в Японии». Эти опасения оказали весьма важное влияние при обосновании необходимости капитулировать как можно скорее. Премьер-министр Судзуки, выступая против попыток военных затянуть принятие окончательного решения о капитуляции, заявил 14 августа на императорском совещании, что «необходимо положить конец войне, пока мы имеем дело с американцами».

Серьезное опасение за сохранение в Японии монархической власти прозвучало в рескрипте императора «К солдатам и матросам» от 17 августа 1945 года. В нем император Хирохито, уже не упоминаемая американские атомные бомбы и уничтожение японских городов, в качестве основной причины капитуляции назвал вступление в войну СССР. Было со всей определенностью заявлено: «Теперь, когда в войну против нас вступил и Советский Союз, продолжать сопротивление <...> означает поставить под угрозу саму основу существования нашей Империи».

Без СССР американцы не смогли бы быстро победить Японию с помощью атомного оружия. По расчетам американских штабов,

для обеспечения высадки десантов на Японские острова требовалось по меньшей мере девять атомных бомб. После ударов по Хиросиме и Нагасаки у США больше не было готовых атомных бомб, производство же новых требовало длительного времени. Не следует забывать и то, что в ответ на атомные удары японцы могли обрушить на США накопленное в секретных лабораториях в огромных количествах бактериологическое оружие.

Факты истории заставляют даже непримиримых критиков политики Сталина признавать очевидное. Так, в изданном в 2005 году многостраничном научном исследовании причин принятия японским правительством решения о капитуляции *Racing the Enemy. Stalin, Truman, and the Surrender of Japan* («В погоне за врагом. Сталин, Трумэн и капитуляция Японии») профессор Калифорнийского университета (США), этнический японец Цуеси Хасэгава признает определяющее влияние вступления СССР в войну на решение императора принять условия капитуляции: «Сброшенные на Хиросиму и Нагасаки две атомные бомбы не являлись определяющими при принятии Японией решения капитулировать. Несмотря на сокрушительную мощь атомных бомб, их было недостаточно для изменения вектора японской дипломатии. Это позволило сделать советское вторжение. Без вступления Советского Союза в войну японцы продолжали бы сражаться до тех пор, пока на них не были бы сброшены многочисленные атомные бомбы, не осуществилась бы успешная высадка союзников на острова собственно Японии, или продолжались бы воздушные бомбардировки в условиях морской блокады, что исключило бы возможность дальнейшего сопротивления».

2 сентября 1945 года в Токийском заливе на борту американского линкора «Миссури» состоялась

церемония подписания акта о капитуляции Японии, ознаменовавшая также окончание Второй мировой войны. Правительство милитаристской Японии признавало свое полное поражение и соглашалось с условиями капитуляции, выдвинутыми победителями.

Текст акта о капитуляции гласил: «Мы, действуя по приказу и от имени императора, японского правительства и японского императорского генерального штаба, настоящим принимаем условия декларации, опубликованной 26 июля в Потсдаме главами правительств Соединенных Штатов, Китая и Великобритании, к которой впоследствии присоединился и СССР, каковые четыре державы будут впоследствии именоваться союзными державами.

Настоящим мы заявляем о безоговорочной капитуляции союзным державам японского императорского генерального штаба, всех японских вооруженных сил и всех вооруженных сил под японским контролем вне зависимости от того, где они находятся.

Настоящим мы приказываем всем японским войскам, где бы они ни находились, и японскому народу немедленно прекратить военные действия, сохранять и не допускать повреждения всех судов, самолетов и военного и гражданского имущества, а также выполнять все требования, которые могут быть предъявлены верховным командующим союзных держав или органами японского правительства по его указаниям.

Настоящим мы приказываем японскому императорскому генеральному штабу немедленно издать приказы командующим всех японских войск и войск, находящихся под японским контролем, где бы они ни находились, безоговорочно капитулировать лично, а также обеспечить безоговорочную капитуляцию всех

войск, находящихся под их командованием.

Все гражданские, военные и морские официальные лица должны повиноваться и выполнять все указания, приказы и директивы, которые верховный командующий союзных держав сочтет необходимым для осуществления данной капитуляции и которые будут изданы им самим или же по его уполномочию; мы предписываем всем этим официальным лицам оставаться на своих постах и по-прежнему выполнять свои невоенные обязанности, за исключением тех случаев, когда они будут освобождены от них особым указом, изданным верховным командующим союзных держав или по его уполномочию.

Настоящим мы даем обязательство, что японское правительство и его преемники будут честно выполнять условия Потсдамской декларации, отдавать те распоряжения и предпринимать те действия, которые в целях осуществления этой декларации потребует верховный главнокомандующий союзных держав или любой другой назначенный союзными державами представитель.

Настоящим мы предписываем японскому императорскому правительству и японскому императорскому генеральному штабу немедленно освободить всех союзных военнопленных и интернированных гражданских лиц, находящихся сейчас под контролем японцев, и обеспечить их защиту, содержание и уход за ними, а также немедленную доставку их в указанные места.

Власть императора и японского правительства управлять государством будет подчинена верховному главнокомандующему союзных держав, который будет предпринимать такие шаги, какие он сочтет необходимыми для осуществления этих условий капитуляции.

Подписано в Токийском заливе, Япония, 2 сентября 1945 года в 9 часов 04 минуты.

На основании приказа и от имени Его величества императора Великой Японской империи и от имени японского правительства Сигэмицу Мамору.

На основании приказа и от имени Японской императорской Главной ставки Есидзиро Умэдзу.

Принято в Токийском заливе, Япония, в 9 часов 08 минут 2 сентября 1945 года в интересах Соединенных Штатов Америки, Китайской Республики, Соединенного Королевства и Союза Советских Социалистических Республик, а также в интересах других союзных государств, находящихся в состоянии войны с Японией.

Верховный главнокомандующий союзных держав Дуглас Макартур

Представитель Соединенных Штатов Америки Ч. В. Нимиц

Представитель Китайской Республики Су Юнчан

Представитель Объединенного Королевства Брус Фрэнгер

Представитель Союза Советских Социалистических Республик Кузьма Николаевич Деревянко».

Акт подписали также представители Австралии, Канады, Франции, Голландии, Новой Зеландии.

Важным положением Акта о капитуляции было согласие японского правительства с условиями окончания войны, в том числе с изложенными в Потсдамской декларации ее территориальными итогами для Японии.

Обязательство о том, что «японское правительство и его преемники будут честно выполнять условия Потсдамской декларации», сохраняется и поныне и не дает права нынешнему правительству Японии предпринимать попытки ревизии итогов Второй мировой войны, предъявлять соседним странам необоснованные территориальные претензии.

Последний линкор

«USS Missouri» – последний американский линкор, отголосок тех времен, когда человечество стремилось все строить больше и мощней. Сегодня этот корабль стоит в Перл-Харборе на Гавайях и служит музеем. Однако у него удивительная история. «Миссури» участвовал в нескольких военных конфликтах XX века и даже снимался в фильме «В осаде» со Стивеном Сигалом. Картина рассказывает историю попытки захвата террористами линкора «Миссури» с ядерным оружием на борту. Но, пожалуй, самые яркие эпизоды линкор пережил во время Тихоокеанской кампании Второй мировой, когда...

Впрочем, давайте по порядку. Было время, когда военноморские сражения заключались в том, что корабли стреляли друг в друга из пушек. Разумеется, у кого они бьют дальше и точнее, тот получал преимущество. В ходе первой половины XX века великие державы соревновались, кто построит самые большие пушки. Разумеется, под них надо было сооружать и самые большие корабли. Линкоры же стали вершущей этой пирамиды гигантомании. Впрочем, в строительстве самых больших линкоров японцы переплюнули американцев. У кораблей янки было внешнее ограничение: ширина шлюзов Панамского канала.

Военные суда класса «Айова» были невероятными гигантскими плавающими городами, и «Миссури» вошел в строй ВМФ последним из четырех таких линкоров. Его заложили на бруклинской верфи в начале 1941 года. Линкор был спущен на воду в 1944 году. Так как корабль носил имя «Миссури», его окрестила Мэри Маргарет Трумэн, дочь сенатора от этого штата.

Сам же сенатор Трумэн вскоре испытал неожиданный карьерный рост. Дело в том, что популярный президент Франклин Делано Рузвельт собирался баллотироваться на четвертый срок. Рузвельт в принципе всех устраивал, однако его здоровье оставляло желать лучшего, и истэблшмент начал пристальней приглядываться к его вице-президенту – Генри Уоллесу. Тот казался лидерам Демократической партии слишком «левым», и они настояли на том, чтобы президент заменил его на политика, более приемлемого для всех фракций партии. Именно так Гарри Трумэн и стал вице-президентом.

Линкор «Миссури» тем временем был отправлен на войну в Тихий океан. Длина судна – 270 метров, ширина – 33. Говорят, что «Миссури», проходя через Панамский канал, то и дело задевал стены шлюзов, издавая ужасный скрежет. В те времена казалось, что главное достоинство военного корабля – крупнокалиберные, дальнобойные пушки, и тут «Миссури» было чем похвастаться! На его палубе было установлено девять главных орудий, каждое из которых могло производить выстрелы огромными 860-килограммовыми снарядами на дистанцию почти 40 км раз в 30 секунд.

Но когда началась война с Японией, оказалось, что эпоха больших корабельных пушек осталась позади. За всю Тихоокеанскую кампанию состоялось лишь два сражения, где линкоры двух сторон вели прямой бой друг с другом. Вторая мировая стала войной авианосцев: пилот всегда может скорректировать курс воздушного аппарата, чтобы точнее ударить смертельным зарядом по кораблю противника.

В конце 1944 года японцы проигрывали одно сражение за другим: им не хватало опытных пилотов, а их самолеты уступали последним американским моделям. И тогда командование разработало новую тактику: пилоты-смертники – камикадзе – должны были таранить своими машинами военные корабли американцев. Самолеты-самоубийцы были нашпигованы сотнями килограммов взрывчатки, и попадание означало практически верную гибель атакуемого судна.

11 апреля 1945 года линкор «Миссури» находился у берегов Окинавы, где участвовал в последней крупной битве Второй мировой. Здесь корабль подвергся атаке отряда камикадзе. Зенитчикам удалось сбить почти все самолеты до того, как они приблизились к линкору, однако одна машина упрямо продолжала свой путь прямо в направлении «Миссури». Каким-то чудом самолет ударился о борт линкора лишь крылом, после чего развалился и упал в воду, а взрывчатка так и не взорвалась. Из-за разлившегося горючего на палубе «Миссури» начался пожар, который быстро потушили. Ни один из американских моряков не пострадал.

С тех пор в память о, казалось бы, неминуемой катастрофе в борту корабля осталась заметная вмятина.

Отношение американских моряков к человеку, который только что пытался взорвать их корабль, было, мягко говоря, не самым положительным. Однако капитан «Миссури» Уильям Каллахэн приказал с почестями похоронить пилота-смертника, тело которого нашлось среди обломков самолета. Он сказал, что японец умер, до конца исполнив долг перед своей страной, и заслуживает уважения.

Линкор «Миссури»

Для похорон тело пилота надлежало обернуть в военный флаг, однако на борту Миссури, разумеется, не оказалось флага Японской империи. И тогда несколько американских матросов всю ночь стяг противника специально для этих похорон. Наутро останки японского летчика были обернуты в самодельное знамя и под звуки оружейного салюта преданы водам Тихого океана.

После войны личность пилота удалось установить – им считают Сецуо Исино, которому на момент смерти было всего 19 лет. Семья летчика, узнав о том, как моряки «Миссури» похоронили их сына,

прислала на корабль фотографии молодого японца. Они сейчас выставлены на палубе линкора, прямо рядом с той вмятиной, которую оставил в борту судна самолет камикадзе.

Можно, конечно, сказать, что такие почести в адрес японского летчика – не что иное как хитрый ход американского пиара. В 1945 году война шла к завершению, американцы побеждали по всем фронтам и им было выгодно, чтобы появлялись истории об их благородстве по отношению к врагам. Если так, то этот расчет провалился, так как в день этих похорон, 12 апреля,

скончался президент Рузвельт – и все остальные новости отошли на второй план.

Новым обитателем Белого дома стал Гарри Трумэн. Когда несколько месяцев спустя Япония была разгромлена, Трумэн настоял на том, чтобы церемония подписания акта о капитуляции проходила на палубе судна, названного в честь его штата.

После окончания Второй мировой войны, поняв, что век больших пушек позади, США отменили дальнейшие планы строительства линкоров. «USS-Missouri» с порядковым номером BB-63 так и остался последним.

ПОЧЕТНАЯ МИССИЯ СЫНА КАМЕНОТЕСА

Под Актом о безоговорочной капитуляции Японии стоит подпись генерал-лейтенанта Кузьмы Николаевича Деревянко, представлявшего советскую сторону

АНАТОЛИЙ ДОКУЧАЕВ

2 сентября 1945 года представитель Советского Союза Кузьма Деревянко (стоит первый слева) принял участие в церемонии подписания Акта о капитуляции Японии. У микрофона — генерал Дуглас Макартур

С июня 2023 года 3 сентября считается не просто днем окончания Второй мировой войны, а еще и Днем Победы над милитаристской Японией. Медаль «За победу над Японией», которой награждено около 1 831 000 человек, была учреждена 30 сентября 1945 года в СССР. А определяющим фактором для принятия руководством Японии решения о капитуляции было наступление советских войск, которые молниеносными и непрерывными ударами за шесть дней разгромили 750-тысячную японскую Квантунскую армию, продвинувшись в глубь территории Маньчжурии на 300 км, уничтожили части японских войск в Северо-Западном Китае, высадили десанты в Северной Корее, на Сахалине и Курильских островах. В результате императору Хирохито ничего не оставалось делать, как приказать своим войскам сложить оружие. Под Актом о безоговорочной капитуляции Японии стоит подпись генерал-лейтенанта Кузьмы Николаевича Деревянко, представлявшего советскую сторону.

Кузьма Деревянко был высокопрофессиональным разведчиком и военачальником. Учился в Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе на Восточном факультете, изучал английский и японский языки. С октября 1936 года служил в Разведывательном управлении РККА. В 1936–1938 годах капитан Деревянко выполнял секретную операцию по снабжению оружием

китайских войск, воевавших с японцами, за которую был награжден орденом Ленина. Воевал в Испании. В 1938 году стал начальником 15-го отдела Разведывательного управления РККА. Во время Советско-финской войны майор Деревянко – начальник штаба Отдельной особой лыжной бригады при штабе 9-й армии. Это разведывательно-диверсионное подразделение было сформировано в основном из студентов Ленинградского института физкультуры им. Лесгафта.

В 1940 году Деревянко был награжден орденом Красной Звезды и произведен в полковники. С июля 1940 года он заместитель начальника разведотдела Прибалтийского особого военного округа. В январе – марте 1941 года выполнял особое задание в Восточной Пруссии. В годы Великой Отечественной войны был начальником разведывательного отдела штаба Северо-Западного фронта, затем начальником штаба 53-й, 57-й и 4-й гвардейской армий 2-го Украинского фронта. Участвовал в Курской битве, в битве за Днепр. Внес значимый вклад в успешное завершение Корсунь-Шевченковской операции и в разгром противника в Ясско-Кишиневской операции. Участвовал во взятии Будапешта и Вены.

Накануне войны с Японией Кузьма Николаевич был переведен на Дальний Восток на должность начальника штаба 35-й армии Приморской группы войск.

В Ставке Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке маршал Советского Союза Александр Василевский вручил Деревянко телеграмму, подписанную Сталиным и начальником Генерального штаба Алексеем Антоновым, в которой говорилось, что генерал-лейтенант Деревянко назначен представителем Главного Командования советских войск на Дальнем Востоке при штабе Верховного

командующего союзными войсками на Тихом океане генерале Дугласе Макартуре.

25 августа 1945 года Деревянко, получив указания Василевского, вылетел из Владивостока на Филиппины, где дислоцировался штаб американских вооруженных сил на Тихом океане. Полет был долгим. Чтобы не попасть под огонь японской зенитной артиллерии, шли сложным маршрутом и на большой высоте. Уже в Маниле Кузьма Николаевич получил приказ о переподчинении Ставке Верховного Главнокомандования и полномочиях на подписание Акта о безоговорочной капитуляции Японии от имени Советского Верховного Главнокомандования. А 30 августа 1945 года вместе с Макартуром и представителями стран-союзников Деревянко прибыл в Японию для участия в церемонии подписания Акта о капитуляции.

«И тогда, и в последующие годы я часто задумывался, – вспоминал Кузьма Николаевич, – почему именно мне, можно сказать, малоизвестному генералу, рядовому большой войны, выпала столь почетная миссия? Разве мог я даже мысленно представить, что не кто другой, а я, сын каменотеса из небольшого украинского села Косеновка, по поручению партии, Советского государства подпишу исторический документ? Видимо, при выборе было учтено, что сразу после встречи наших войск с союзниками в Австрии я уже представлял Советское командование в Союзническом совете в Вене. Возможно, какую-то роль сыграло и то, что еще во время учебы в Военной академии имени М. В. Фрунзе я прилежно изучал английский и японский языки, а затем два года выполнял интернациональный долг по оказанию помощи Китаю. Какими бы ни были причины, я делал все, чтобы оправдать доверие – особо поручение Сталина, в большом и малом отстаивать интересы своей Родины,

внесшей решающий вклад в разгром германского фашизма и японского милитаризма».

Можно предположить, что Сталин, отправляя Деревянко в Японию, преследовал и другие цели. Кузьма Николаевич прошел большую военную школу, был начальником штаба ряда армий и мог профессионально проанализировать обстановку в Японии, что было немаловажным. Также не исключено, что Сталин хотел не преувеличивать вклад американцев в разгром армий стран оси во Второй мировой войне, поэтому и поручил скрепить подписью Акт о капитуляции Японии военачальника в ранге генерал-лейтенанта. Дескать, большего не заслуживают...

В штабе главнокомандующего войсками союзников на Тихом океане Деревянко познакомился с генералом Дугласом Макартуром, а также с представителями других стран-союзников – Канады, Великобритании, Австралии, Франции, Голландии, Новой Зеландии и Китая, прибывшими для подписания Акта о безоговорочной капитуляции Японии.

«И вот наступило 2 сентября 1945 года, исторический день окончания Второй мировой войны, – вспоминал Деревянко. – Разбитая наголову Япония признала себя побежденной, сложила оружие, и ее государственные и военные представители изъявили готовность подписать Акт о безоговорочной капитуляции. Церемония подписания Акта была назначена на борту американского линкора «Миссури», бросившего якорь в Токийском заливе. Почему был выбран этот корабль? Линкор участвовал во многих боевых операциях на море, проводимых американцами. 24 марта 1945 года он возглавлял эскадру, которой удалось подойти к берегам Японии и обстрелять из орудий важный район севернее Токио. Японцы

К. Н. Деревянко ставит свою подпись под Актом о капитуляции Японии

специально охотились за “Миссури”. 11 апреля его атаковал самолет, управляемый смертником, но повреждения оказались незначительными. Линкор, конечно, был заслуженным кораблем. Но с самого начала церемонии чувствовалось и стремление Макартура провести ее так, чтобы создать впечатление, будто Япония сокрушена чуть ли не одними Соединенными Штатами».

Утром 2 сентября к «Миссури», расцвеченному флагами союзных держав, подошел миноносец, на борту которого находился генерал Макартур. За ним на линкор поднялись представители других

союзных государств. Советская делегация поднялась в числе первых. Американские моряки устроили членам делегации овацию. Это было естественным выражением симпатии к Советскому Союзу, к героическому советскому народу, сделавшему больше всех для победы во Второй мировой войне, к Красной армии, которая заставила сложить оружие отборные войска милитаристской Японии. Тогда этот факт никто даже не пытался оспорить.

На палубе к Деревянко подбежал фотокорреспондент «Правды» Виктор Антонович Темин и шепнул, что ему не удалось найти места для

съемки – отесняют газетчики других стран.

– Следуйте за мной. И посмелее, – сказал Деревянко.

Представляя Дугласу Макартуру членов делегации, Деревянко подчеркнул:

– А это специальный фотограф Сталина Виктор Темин.

И, повернувшись к Темину, спросил:

– Где вам удобнее расположиться для съемки?

– Там, – показал Темин на площадку, целиком оккупированную представителями средств массовой информации США.

– О’кей! – произнес Макартур и взмахом руки как бы отсек от Темина офице-

ров охраны, теснивших фотокорреспондента за оцепление.

Снимки у Темина получились отличные. Они были опубликованы не только в «Правде», но и в других газетах.

После того как собрались все представители стран победительниц, к линкору доставили японскую делегацию во главе с министром иностранных дел Мамору Сигэмицу – главным уполномоченным императора Хирохито. Обстановка подписания Акта, по словам Деревянко, была простой. На небольшом столе, накрытом зеленым сукном, стояли две чернильницы. Тут же были

разложены огромные листы с текстом Акта на английском и японском языках. Был, естественно, и микрофон.

Подписание Акта началось с «пяти минут позора Японии»: японская делегация должна была выдержать укоризненный, осуждающий взгляд всех присутствующих на корабле. После короткого выступления генерал Макартур жестом пригласил японскую делегацию к столу. По меткому выражению одного журналиста, делегация напонила группу участников похоронной процессии.

Сняв черный цилиндр, Сигэмицу склонился над текстами Акта. Его бледное лицо покрылось испариной. Министру не повезло: авторучка почему-то не действовала. Догадливый секретарь быстро подсунул другую. Вслед за Сигэмицу подпись под Актом поставил и начальник генерального штаба японской армии генерал Есидзиро Умэдзу.

От имени союзных держав Акт подписал генерал Макартур. Как бы в насмешку над Сигэмицу он извлек из кармана горсть авторучек и поставил подпись на документе с английским текстом одной ручкой, а с японским – другой. Рядом с Макартуром находились генералы Джонатан Уэйнрайт и Артур Персиваль, несколько дней тому назад освобожденные из японского плена в Маньчжурии Красной армией. От имени правительства США поставил подпись под Актом адмирал Честер Нимиц.

«Церемония подписания документа продолжалась, – вспоминал Деревянко. – Как только генерал Макартур объявил о подписании Акта представителем Союза Советских Социалистических Республик, почти 500 кино- и фотокамер нацелились на нас. С трудом сдерживая волнение, я в сопровождении генерал-майора авиации Н. В. Воронова и контр-адмирала А. М. Стеценко подошел к столу и поставил

подпись под документом, ставшим приговором японскому милитаризму. Вся церемония подписания Акта длилась 20 минут и закончилась кратким выступлением Дугласа Макартура, заявившего, что отныне мир установлен во всем мире. Далее генерал Макартур пригласил делегации союзных стран в салон “Миссури”, а японская делегация отправилась с Актом на берег, чтобы передать его императору Хирохито».

27 сентября 1945 года генерал-лейтенант Деревянко получил из Москвы распоряжение прибыть с докладом о положении в послевоенной Японии. Спустя двое суток он был уже в столице. Прежде чем представить доклад правительству, встретился с начальником Генерального штаба генералом армии Алексеем Антоновым. Вместе и отправились на доклад.

«Въехали в Кремль через Боровицкие ворота и, обогнув здание Верховного Совета СССР по Ивановской площади, свернули к зданию, где находились квартира и рабочий кабинет И. В. Сталина, – рассказывал Деревянко. – Войдя за Антоновым в кабинет и увидев вышедшего навстречу Сталина, я представился Верховному Главнокомандующему. Поздоровавшись, Сталин пригласил нас к столу, за которым сидели члены Политбюро ЦК ВКП(б) и Советского правительства, приглашенные на совещание. После некоторой паузы Сталин попросил меня доложить о положении в послевоенной Японии в общих чертах и подробнее осветить вопросы отношения японцев к союзникам, состояния вооруженных сил Японии, особенно ее военно-морского флота. Когда доклад был закончен, Сталин поинтересовался последствиями взрывов атомных бомб, сброшенных американцами на японские города Хиросима

и Нагасаки. К ответу я был готов, поскольку успел посетить пострадавшие города и видел все своими глазами. Показал и альбом фотографий, на которых были запечатлены разрушения».

Вечером в гостинице, восстанавливая по памяти разговор в кабинете Сталина, Деревянко раздумывал над тем, какое впечатление оставил доклад. Был ли он достаточно масштабным и в то же время лаконичным, не упустил ли каких-то важных моментов? На следующий день Кузьме Николаевичу сообщили, что доклад в Политбюро одобрен и что его работа в Японии получила положительную оценку.

Считая свою дипломатическую миссию исчерпанной, Деревянко надеялся на отпуск. Как и большинство фронтовиков, он не пользовался отпуском с начала Великой Отечественной войны. На рапорте была уже резолюция: «Разрешить». Однако выехать довелось не в Киев, куда он так стремился, а снова на Дальний Восток.

В Москве с 16 по 26 декабря 1945 года проходило совещание министров иностранных дел СССР, США и Соединенного Королевства, на котором было решено создать Союзный совет для Японии с местом пребывания в Токио. 2 января 1946 года Совет Народных Комиссаров СССР назначил Деревянко членом этого совета. Тем же постановлением политическим советником при нем был назначен Яков Малик, впоследствии – заместитель министра иностранных дел СССР, а экономическим – Леонид Разин. Деревянко и его товарищ ждала трудная и ответственная работа в Японии, продолжавшаяся до мая 1950 года.

В феврале 2017 года распоряжением Председателя Правительства России одному из островов Курильской гряды было присвоено имя Кузьмы Николаевича Деревянко.

БОМБЫ И «ДАУНФОЛ»

Оценки возможных потерь при осуществлении двухступенчатой операции «Даунфол» были чрезвычайно высоки

ИЛЬЯ БАРАНИКАС

Хиросима и Нагасаки на карте Японии

Сегодня в России есть только одна оценка атомных бомбардировок Японии: им нет оправдания, единственной целью Вашингтона было запугать Москву новым мощным оружием. Но так считают не все историки даже в России. Есть немало свидетельств того, что без Хиросимы и Нагасаки война против Японии продолжалась бы еще довольно долго и потребовала бы колоссальных жертв.

Индийская англоязычная газета *Daily News and Analysis* (DNA) в связи с годовщиной японской атомной трагедии напоминала: союзники по антигитлеровской коалиции знали, что Япония будет сопротивляться до последней капли крови последнего защитника Японских островов. Таковыми, согласно закону от 1938 года, считались не только военные, но и все гражданское население, которому было предписано умирать, но не сдаваться – наравне с солдатами. Это означало огромные потери союзников в ходе боевых действий по захвату Японии.

Союзники запланировали с этой целью операцию «Даунфол» (англ. *downfall* – «падение»). Она должна была состоять из двух операций – «Олимпик» и «Коронет». Операция «Олимпик» была запланирована на октябрь 1945 года, «Коронет» – на весну 1946-го. Оценки возможных потерь при осуществлении двухступенчатой операции «Даунфол» были чрезвычайно высоки: союзники могли потерять более миллиона убитыми, японцы – в несколько раз больше. Получается, что Хиросима и Нагасаки ценой

сотен тысяч жизней предотвратили гибель миллионов.

Газета DNA затрагивает и другой вопрос: надо ли было взрывать вторую атомную бомбу после Хиросимы? Первая бомба не убедила руководство Японской империи: оно «ошибочно полагало, что у США есть только одно подобное устройство и что для создания еще одного потребуется много времени. Поэтому бомбардировка Нагасаки ставила целью напугать японцев – они должны были поверить, что у США есть еще много таких боеприпасов. США действительно были готовы применить третью бомбу 19 августа и еще одну – в сентябре». Это возымело действие: после бомбардировки Нагасаки Япония капитулировала.

Но у Вашингтона, по всей видимости, была и вторая цель – «приструнить» Советский Союз. «Демонстрация военной силы Запада была нужна, чтобы остановить экспансию советского коммунизма на Востоке, – пишет DNA. – После войны предстояло решать разные проблемы – это и репатриация военнопленных, и раздел захваченных и спорных территорий, и многое другое, – и США хотели усилить свою позицию на переговорах».

Наверное, послевоенная карта и Европы, и Азии выглядела бы иначе, если бы Запад не продемонстрировал успешное (и чудовищное по своим последствиям) применение ядерного оружия. Американский журнал *Foreign Policy* опубликовал статью Сергея Радченко, научного сотрудника вашингтонского Международного научного центра имени Вудро Вильсона, под заголовком «Спасла ли Хиросима Японию от советской оккупации?» Автор пишет, что после применения американцами ядерного оружия Сталин понял, на чьей стороне сила, и поэтому 22 августа дал отбой операции по захвату советскими войсками японского острова Хоккайдо. Вместо этого он бросил все силы

на «Проект номер один», во главе которого был поставлен Берия, – четыре года спустя у СССР появилось атомное оружие.

А вот другой штрих: в 1945 году советские войска находились на территории не только тех стран, которые впоследствии стали «социалистическим лагерем», но и еще некоторых, которые этой участи избежали, в какой-то мере благодаря атомным бомбардировкам Японии. Красная армия ушла из северных районов Норвегии в сентябре 1945 года, с острова Борнхольм (Дания) – в апреле 1946-го. Могла и не уйти...

Сражения на Тихом океане были крупномасштабными, затяжными и кровавыми, а фанатическая ярость японцев в бою и их жестокое обращение с военнопленными заставляли английских и американских солдат мечтать о Западном фронте: немцы и итальянцы по сравнению с японцами казались им ангелами. Это в деталях описывается в книге Лауры Хилленбранд «Несломленный», в основе которой – документальные материалы и свидетельства очевидцев. На мировые экраны вышел одноименный фильм, поставленный по этой книге. Отнюдь не шедевр, но фактура интересная...

Американцы оценивают события 80-летней давности очень неодинаково. 56% опрошенных Институтом Гэллапа считают применение ядерного оружия против Японии оправданным; в 1945 году таких было 85%. Среди людей пенсионного возраста (старше 65 лет) сегодня оправдывают атомные бомбардировки 70% опрошенных, а среди молодежи от 18 до 29 лет – всего лишь 47%. Среди республиканцев – 74%, среди демократов – 52%.

Советско-российскую точку зрения о том, что в атомных бомбардировках не было необходимости, разделяли и разделяют в США очень многие – от пацифистов до генералов. В связи с очередной годовщиной бомбардировки газета левой ориентации

The Nation напоминала: в 1950 году адмирал Уильям Лейхи, руководитель администрации президента Трумэна, писал в своих мемуарах, что «использование этого варварского оружия в Хиросиме и Нагасаки не оказало нам существенной помощи в войне против Японии. Японцы уже потерпели поражение и были готовы сдать-ся». О том, что «положение японцев было безнадежным», говорил по горячим следам бомбардировок главком ВВС США генерал Генри Арнольд. Адмирал Честер Нимиц, главком Тихоокеанского флота США, заявил через два месяца после Хиросимы, что «с чисто военной точки зрения атомная бомба не сыграла решающей роли в поражении Японии».

Американская разведка, указывает *The Nation*, к лету 1945 года взломала японские шифры и из перехваченных шифрограмм знала, что японское правительство пытается заключить мир при посредничестве Москвы. Знали разведчики и о готовящемся вступлении СССР в войну против Японии. Они докладывали администрации Трумэна: с большой степенью вероятности Япония капитулирует еще до начала планируемой операции «Даунфол». К ним не прислушались...

Вероятно, существенную роль в принятии рокового решения о бомбежке Хиросимы и Нагасаки сыграл тогдашний госсекретарь США Джеймс Бэрнс (он возглавлял Госдеп с июля 1945 по январь 1947 года). По мнению авторитетного историка Роберта Феррелла, специалиста по эре Трумэна, президент плохо разбирался во внешней политике, а глава госдепартамента Бэрнс – еще хуже. Он игнорировал мнение не только разведчиков, но и опытных карьерных дипломатов и был убежден, что на кремлевское руководство можно повлиять с помощью демонстрации ядерных мускулов.

Так что в этом трагическом эпизоде Второй мировой войны можно найти разные мотивы и нюансы...

ХРОНИКА ПОБЕДЫ

Кампания советских войск на Дальнем Востоке в августе – сентябре 1945 года занимает особое место в истории военного искусства

ВИКТОР ГАВРИЛОВ

Почтовая марка из серии «Путь к Победе». Маньчжурская стратегическая наступательная операция

Акт о капитуляции Японии, подписанный 2 сентября 1945 года на борту американского линкора «Миссури» в Токийском заливе, не только означал полное и безоговорочное поражение Японии, но и ставил точку во Второй мировой войне, которая началась 1 сентября 1939 года нападением фашистской Германии на Польшу.

Советский Союз сыграл в финальной стадии Второй мировой войны огромную роль, которая проявилась прежде всего в блестящем проведении его войсками Дальневосточной военной кампании. Ее необходимость диктовалась как задачами надежного обеспечения безопасности дальневосточных рубежей страны, так и выполнением обязательства Советского Союза вступить в войну с Японией после капитуляции Германии.

3 июня состоялось решение Государственного комитета обороны о переброске на Дальний Восток

дополнительных сил и средств из состава западных фронтов и округов. Всего к началу войны с Японией на Дальний Восток было перегруппировано два фронтовых управления (резервное фронтовое управление бывшего Карельского фронта из резерва Ставки ВГК и фронтовое управление 2-го Украинского фронта), четыре армейских управления (5-й, 39-й, 53-й общевойсковых и 6-й танковой армий), 15 управлений стрелковых, артиллерийского, танкового и механизированных корпусов, 36 стрелковых, артиллерийских и зенитно-артиллерийских дивизий, 53 бригады основных родов войск и два укрепленных района. Параллельно с наращиванием сухопутной группировки советских войск на Дальний Восток были направлены дополнительные соединения и части авиации, ПВО, укреплялась группировка Военно-морского флота.

С конца июня на Дальний Восток начали прибывать генералы и офицеры для укомплектования

Главного командования советскими войсками на Дальнем Востоке, созданного по решению Ставки. Маршалу Советского Союза А. М. Василевскому было поручено на месте сформировать органы управления Главного командования и возглавить их работу.

Приказом Ставки ВГК с 1 августа 1945 года Василевский был назначен главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке, а с 5 августа руководимая им оперативная группа генералов и офицеров была преобразована в штаб Главного командования во главе с генерал-полковником С. П. Ивановым. Одновременно с этим Приморская группа войск была переименована в 1-й Дальневосточный фронт, а Дальневосточный фронт – во 2-й Дальневосточный.

Таким образом, в состав группировки советских войск на Дальнем Востоке, развернутой на границах с Маньчжоу-Го и в приморских районах СССР, вошли Забайкальский, 1-й и 2-й Дальневосточные фронты, Тихоокеанский флот и Краснознаменная Амурская флотилия.

Координация действий Тихоокеанского флота и Амурской флотилии с войсками по предложению А. М. Василевского была возложена на наркома ВМФ адмирала флота Н. Г. Кузнецова. Действиями авиации руководил командующий ВВС главный маршал авиации А. А. Новиков.

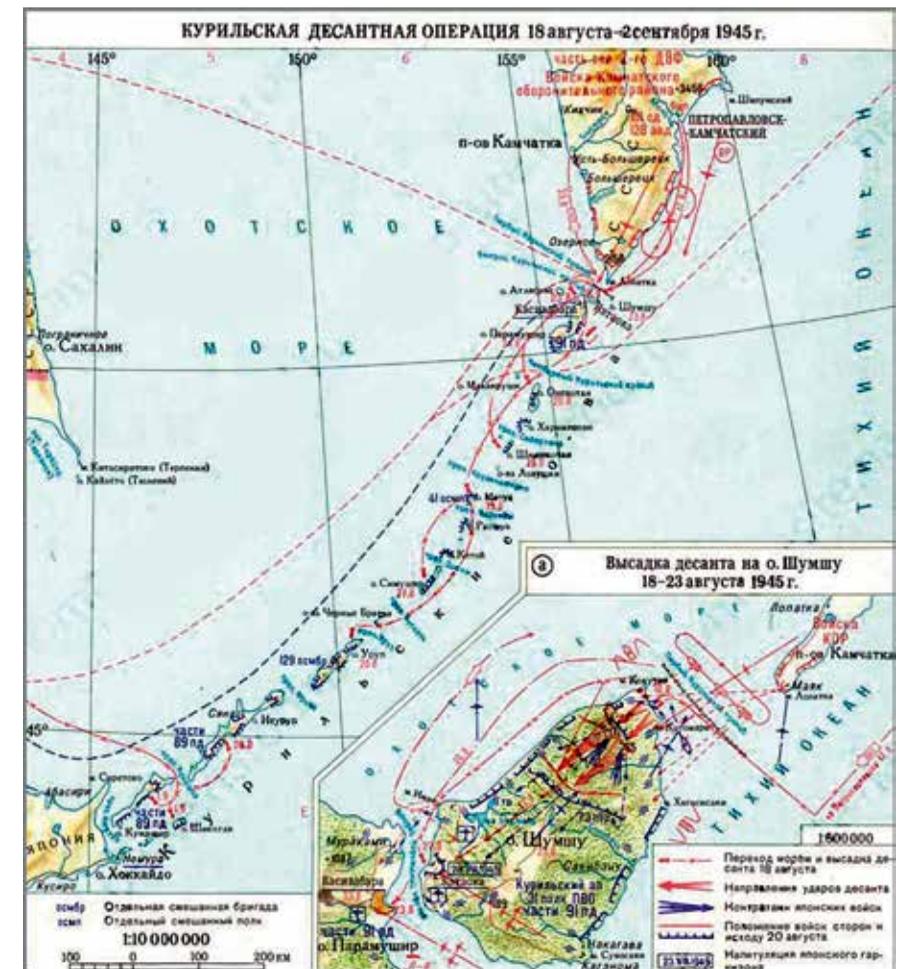
К 8 августа группировка советских войск на Дальнем Востоке насчитывала 1 669 500 человек. Еще 16 тыс. человек было в составе

соединений Монгольской народно-революционной армии.

Советским войскам противостояла группировка японских и марионеточных войск Маньчжоу-Го общей численностью до 1 млн человек. Ее основу составляла японская Квантунская армия, включавшая 1-й, 3-й и 17-й фронты, 4-ю и 34-ю отдельные армии, 2-ю воздушную армию и Сунгарийскую военную флотилию. На Сахалине и Курильских островах дислоцировались войска 5-го фронта.

Советские войска превосходили группировку войск противника на разных направлениях: по танкам в 5–8 раз, артиллерии в 4–5 раз, минометам – в 10 и более раз, боевым самолетам – в три и более раза. Количественное превосходство советских войск подкреплялось качественными характеристиками: советские части и соединения имели опыт ведения боевых действий, а тактико-технические данные состоявшей на вооружении отечественной и иностранной боевой техники значительно превосходили японские.

В то же время японские войска создали глубокоэшелонированную оборону, которая строилась с учетом всех природно-климатических условий Дальневосточного театра военных действий. Наличие крупных горных систем и рек с болотистыми поймами вдоль советско-маньчжурской границы создавало естественный труднопреодолимый оборонительный рубеж. Со стороны Монголии местность представляла собой обширную безводную полупустыню, необжитую и почти лишенную дорог. Вдоль границ Советского Союза и Монгольской Народной Республики японцы создали 17 укрепленных районов, насчитывавших более 4,5 тысяч долговременных сооружений. Специфика Дальневосточного театра военных действий заключалась также и в том, что обширную его часть составляли морские бассейны.

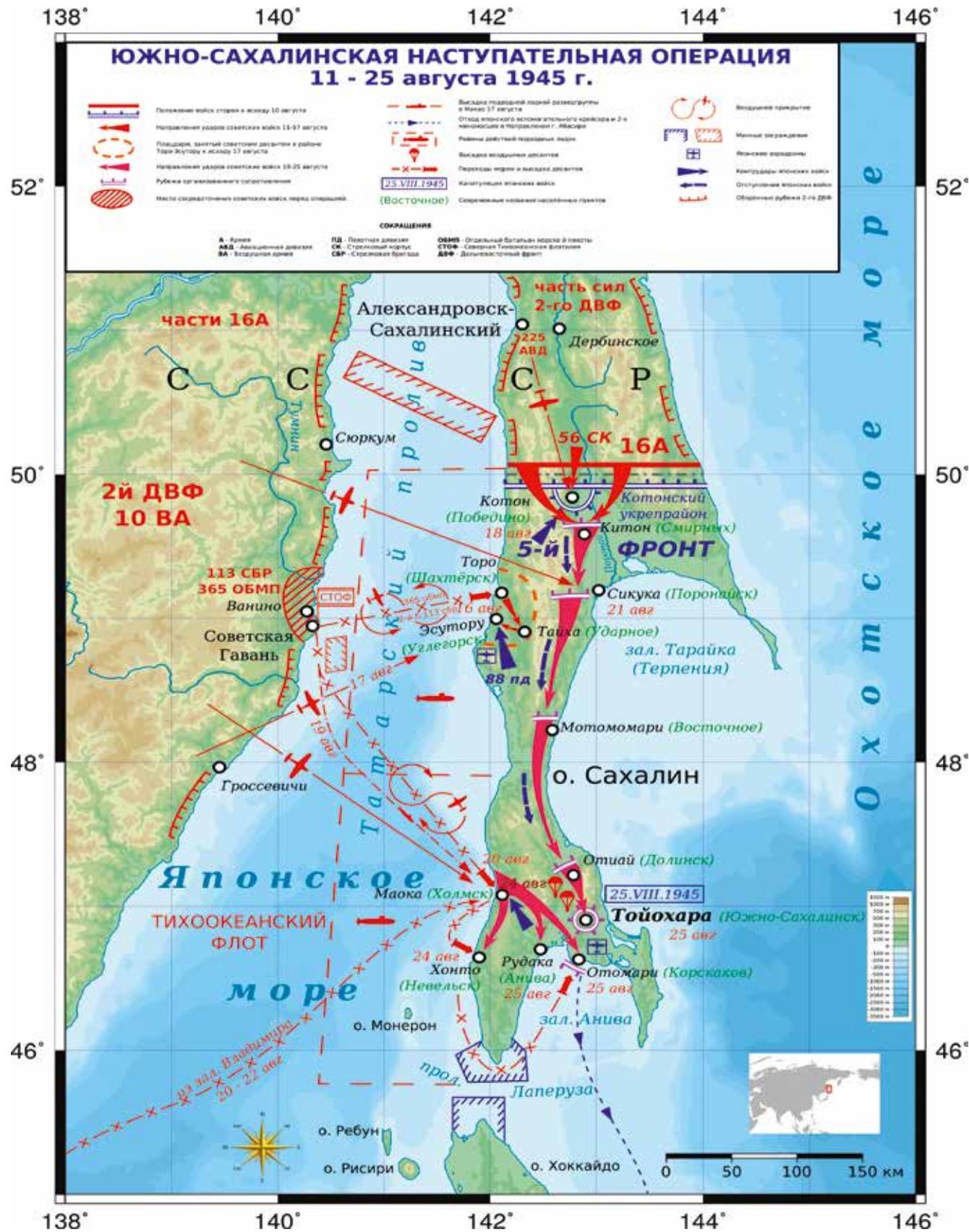
Южный Сахалин отличался сложным гористо-заболоченным характером местности, а большинство Курильских островов представляло собой естественные крепости.

Дальневосточная кампания советских войск 1945 года – это серия взаимосвязанных и скоординированных наземных, морских и воздушно-десантных операций по разгрому противостоящей группировки японо-маньчжурских войск и занятию обширных регионов Северо-Восточного Китая, Кореи, южного Сахалина, Курильских островов.

В соответствии с принятыми в отечественной военно-исторической литературе взглядами, Дальневосточная кампания советских войск включала в себя Маньчжурскую стратегическую

наступательную операцию, Южно-Сахалинскую наступательную и Курильскую десантную операции.

Маньчжурская стратегическая наступательная операция проводилась силами Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, Краснознаменной Амурской флотилии и Тихоокеанского флота. Она включала Хингано-Мукденскую наступательную операцию Забайкальского фронта, Харбино-Гиринскую наступательную операцию 1-го Дальневосточного фронта и Сунгарийскую наступательную операцию 2-го Дальневосточного фронта. Тихоокеанский флот и Амурская флотилия оказывали помощь фронтам в разгроме противника действиями на морских и речных коммуникациях, а также ударами с воздуха и десантами.

Маршал Советского Союза А.М. Василевский на взлетном поле. 1945

Наступление началось, как и планировалось, ровно в полночь по забайкальскому времени с 8 на 9 августа 1945 года на земле, в воздухе и на море одновременно на обширном фронте общей протяженностью 5130 км. Разведывательные подразделения и передовые отряды армий трех советских фронтов, активно взаимодействуя с пограничниками, перешли границу в 00:10 по местному времени. Ровно в полночь госграницу пересекли 76 советских бомбардировщиков Ил-4 из состава 19-го дальнебомбардировочного авиакорпуса, которые через полтора часа обрушили сотни бомб на японские гарнизоны в городах Чанчунь и Харбин. Авиация Тихоокеанского флота в то же

время вылетела для нанесения бомбовых ударов по портам Юки, Расин и Сейсин в Корее. Наиболее успешно развивались действия Забайкальского фронта и соединений Монгольской народно-революционной армии. За первые пять суток войны 6-я гвардейская танковая армия продвинулась на 450 км, с ходу преодолела хребет Большого Хингана, вышла на Центральную Маньчжурскую равнину на сутки раньше запланированного срока. Выход советских войск в глубокий тыл Квантунской армии на хинганомукденском направлении создавал возможности развития наступления на важнейшие военные, административные и промышленные

центры Маньчжурии – города Шэньян (Мукден), Чанчунь, Цицикар. Все попытки противника остановить советские войска контратаками были сорваны. Войска 1-го Дальневосточного фронта на первом этапе Маньчжурской операции встретили упорное сопротивление японских войск прежде всего на рубежах Пограничного, Дуннинского, Хутоуского укрепленных районов противника. Наиболее ожесточенные бои велись в районе города Муданьцзян – важного транспортного центра Маньчжурии. Только к исходу 16 августа войска 1-й Краснознаменной и 5-й армий окончательно овладели этим хорошо укрепленным узлом коммуникаций. Успешными

Главный маршал авиации А. А. Новиков

Адмирал флота Н. Г. Кузнецов

действиями войск 1-го Дальневосточного фронта создавались благоприятные условия для наступления на харбино-гиринском направлении.

Во исполнение первоначального плана Тихоокеанскому флоту в тесном взаимодействии с войсками 1-го Дальневосточного фронта был поручен захват важнейших портов на побережье Кореи. 11 августа силами морских десантов был занят порт Юки, 13 августа – Расин, 16 августа – Сейсин.

На первом этапе Маньчжурской стратегической наступательной операции перед 2-м Дальневосточным фронтом стояла задача содействовать войскам Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов в разгроме Квантунской армии и овладении Харбином. Во взаимодействии с кораблями и судами

Краснознаменной Амурской флотилии и войсками Хабаровского Краснознаменного пограничного округа части и соединения фронта овладели основными крупными островами и несколькими важнейшими плацдармами на правом берегу Амура. Сунгарийская военная флотилия противника оказалась запертой, а войска 2-го Дальневосточного фронта получили возможность успешно развивать наступление вдоль реки Сунгари на Харбин.

Одновременно с участием в Маньчжурской стратегической наступательной операции войска 2-го Дальневосточного фронта с 11 августа развернули наступательную операцию на южном Сахалине, активно взаимодействуя при этом с северной Тихоокеанской военной флотилией. На Сахалине 56-й стрелковый корпус 16-й армии

с частями усиления и поддержки вел наступление в чрезвычайно сложных условиях горно-лесистой и болотистой местности против сильного противника, опиравшегося на мощную и разветвленную систему оборонительных сооружений. Бои с самого начала приняли ожесточенный характер и продолжались вплоть до 25 августа.

С середины августа ход Маньчжурской стратегической наступательной операции советских войск корректировался в соответствии с резким изменением военно-политической обстановки на Дальнем Востоке. 14 августа японский император Хирохито подписал эдикт об окончании войны. В тот же день решение о капитуляции Японии было принято кабинетом министров. Это было доведено через правительство Швейцарии

до американского правительства, которое в свою очередь уже 14 августа проинформировало о решении Японии правительство СССР. По мнению американской стороны, это было «полным принятием Потсдамской декларации, которая определяет условия безоговорочной капитуляции Японии».

18 августа А. М. Василевский направил приказ командующим войсками трех фронтов и командующему ТОФ, в котором потребовал: «На всех участках фронта, где будут прекращены боевые действия со стороны японо-маньчжуров, немедленно прекращать боевые действия и со стороны советских войск». Для «ускорения хода капитуляции японских войск и предотвращения ненужного кровопролития» советское командование приняло решение высадить воздушные десанты в ключевых пунктах дислокации Квантунской армии – городах Чанчунь, Гирин, Мукден, Харбин, Порт-Артур, Дайрен. Во главе отрядов десантников были поставлены особоуполномоченные военных советов фронтов, облеченные соответствующими правами по принятию капитуляции японских войск.

19 августа авиационные десанты были высажены в городах Гирин, Мукден и Чанчунь во главе соответственно с полковником В. П. Лебедевым, генерал-майором А. Д. Притулой и полковником И. Т. Артеменко.

18 августа войсками 2-го Дальневосточного фронта во взаимодействии с флотом была начата Курильская десантная операция. Японцы превратили острова Курильской гряды в цепь неприступных естественных крепостей, центральным звеном которой был остров Шумшу. Кровавые бои продолжались на этом острове несколько дней, и только 23 августа японский гарнизон капитулировал. К 30 августа все острова северной

Генерал Макартур и император Хирохито во время встречи в посольстве США в Токио

Представители Японской империи на борту линкора «Миссури» во время церемонии капитуляции. 2 сентября 1945

и центральной части Курильской гряды были заняты советскими войсками. С 28 августа части 2-го Дальневосточного фронта и Северная Тихоокеанская флотилия приступили к овладению островами южной части Курил – Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи (острова Малой Курильской гряды).

Таким образом, к началу сентября 1945 года японские вооруженные силы прекратили организованное сопротивление на всех направлениях и полностью капитулировали. Лишь на некоторых участках отмечались вооруженные акции отдельных японских военнослужащих и групп, по той

или иной причине не сложивших оружия. Очистление территории Маньчжурии, Кореи и Курильских островов от японских гарнизонов, их разоружение и прием капитулировавших войск продолжались также и в сентябре, уже после официального окончания Второй мировой войны.

Кампания советских войск на Дальнем Востоке в августе – сентябре 1945 года занимает особое место в истории военного искусства. Она не имела себе равных по пространственному размаху, темпам ведения и скоротечности, отличалась неповторимой спецификой физико-географических

условий Дальневосточного театра военных действий. Она потребовала скоординированного взаимодействия всех видов вооруженных сил и родов войск. Война с Японией показала превосходство военного искусства СССР и свидетельствовала о высокой боевой готовности и боееспособности советских вооруженных сил.

В сложных условиях боевой обстановки проявились высокие морально-политические качества и боевая выучка советских воинов, их жертвенность и героизм. Более 308 тысяч советских воинов были награждены орденами и медалями, 95-ти наиболее отличившимся было присвоено звание Героя Советского Союза. Шесть человек удостоились этого звания во второй раз.

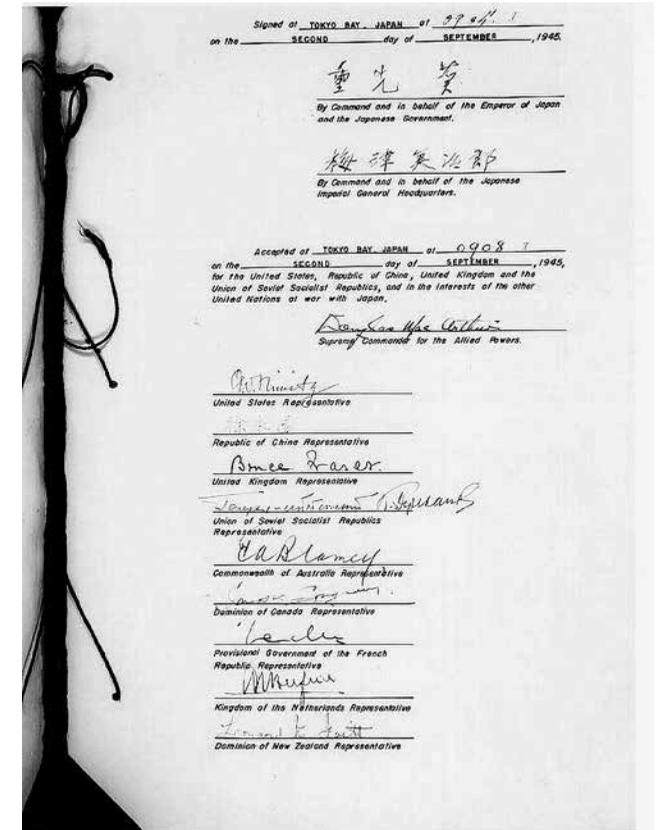
Свыше 300 соединений, частей и кораблей были награждены орденами СССР, 220 соединениям и частям были присвоены почетные наименования, 25 соединений и частей Тихоокеанского флота и Амурской флотилии получили звание гвардейских. Боевые операции советских войск координировались с китайскими и корейскими партизанскими отрядами и группами, действовавшими в Маньчжурии еще с начала 1930-х годов.

К 1 сентября 1945 года фактически все задачи, поставленные

Ставкой, были выполнены. Вся Маньчжурия, Северная Корея до 38-й параллели, Сахалин и Курильские острова были заняты советскими войсками. Квантунская армия продолжала сдавать оружие, налаживался учет военнопленных, боевых трофеев и материальных ценностей. Советские войска размещались в намеченных пунктах постоянной или временной дислокации.

1 сентября приказом маршала Советского Союза А. М. Василевского военное положение на территории советского Дальнего Востока было отменено. А 2 сентября 1945 года Япония подписала Акт о безоговорочной капитуляции.

Указом Президиума Верховного Совета СССР день 3 сентября был объявлен всенародным праздником – Днем победы над Японией.

Акт о капитуляции Японии, подписанный 2 сентября 1945 года на борту американского линкора «Миссури».

ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ

Сражаясь против фашизма, белоэмигранты и советские военнопленные защищали и Россию, и Францию, где они оказались волею судеб

АЛЕКСАНДР АРТАМОНОВ

Княгиня Вера Оболенская

Восемьдесят рейхсмарок (чуть больше месячной зарплаты рабочего – 70 рейхсмарок) – именно столько получил палач по фамилии Реттгер, служивший в 1944 году в тюрьме Плецензее в Берлине, отрубив голову княгине Вики (Вере)

Оболенской, урожденной Макаровой, легенде французского Сопротивления. «Княгиня ничего-незнаю» (так прозвали ее гестаповцы за упорный отказ от сотрудничества со следствием) была казнена 4 августа 1944 года на гильотине

за то, что возглавляла парижскую подпольную организацию.

Дворянка, эмигрантка и кавалер ордена Великой Отечественной

Вики была арестована 13 декабря 1943 года, в тот самый момент, когда прибежала на квартиру к своей связной Софи Носович, чтобы спасти подругу от ареста, предупредить, что нацисты взяли горячий след.

Крестный путь русской мученицы начался после оккупации Парижа в 1940 году. Именно тогда бывшая манекенщица, одна из первых красавиц Парижа, стала связной французской подпольной организации ОСМ (*Organisation Civile et Militaire*, то есть «Гражданская и военная организация»), которую возглавлял Жак Артюис.

Оболенской было присвоено звание лейтенанта французской армии. Она собирала сведения о строительстве системы укреплений вдоль Ла-Манша, так называемого Атлантического вала, который возводился рабским трудом советских военнопленных. Она знала наизусть численность фашистских гарнизонов, расквартированных в крупнейших городах Франции, отслеживала перемещение войск. А после ареста Жака Артюиса 31-летняя княгиня была назначена генеральным секретарем ОСМ. Никого из членов Сопротивления Вики не выдала, что и привело ее на гильотину.

После окончания войны благодарная Франция наградила

Оболенскую посмертно высшими наградами Республики – Военным крестом и орденом кавалера Почетного легиона. А в 1965 году советское правительство удостоило княгиню ордена Отечественной войны I степени.

Боевое братство

Согласно архивам, переданным Советскому Союзу, в армии подпольщиков во Франции было более 35 тысяч русских эмигрантов и советских военнопленных; из них 7500 погибли в боях за Республику. Все они остались верны своему долгу. Сражаясь против фашизма, белоэмигранты и советские военнопленные защищали и Россию, и Францию, где они оказались волею судеб.

Французское движение Сопротивления, которым руководил из Лондона генерал де Голль, насчитывало от 350 до 500 тысяч человек. До 1943 года у движения не было единого оперативного центра. В дальнейшем эту функцию вплоть до освобождения выполнял Французский комитет национального освобождения. В одном строю стояли коренные французы, белые эмигранты, советские военнопленные, евреи, армяне, испанцы, казахи... Боевое братство, настоящий Интернационал – иначе Сопротивление не назовешь!

Женщины на войне всегда наиболее уязвимы. В годы Второй мировой немцы не признавали статуса военнопленных не то что за партизанками, но даже за советскими кадровыми женщинами-военнослужащими. Если девушки, носившие форму, попадали в лапы нацистам, то ничего, кроме страшных издевательств и, как правило, неминуемой смерти, им ждать не приходилось.

Поражает судьба женского советского партизанского отряда

«Родина», образованного 37 беглыми узницами концлагеря и действовавшего в годы войны на территории Франции.

Расположенный на севере Франции городок Тиль испокон веку добывал железную руду. Именно сюда в 1943 году оккупировавшие

за три года до этого Францию фашисты направили эшелон с женщинами-подпольщицами из СССР: младшей из них было 15, а старшей едва ли исполнилось 30. Всего во Францию было депортировано около 125 тысяч советских граждан из числа военнопленных и угнанных из СССР на принудительные работы. Они были распределены по 200 концлагерям, из которых 39 рассматривались нацистами как лагеря смерти. Созданный в 1940 году и оборудованный крематорием лагерь Эрувиль рядом с поселком Тиль входил в число последних. Советских заключенных в него начали привозить с 1942 года. К потрясению местных жителей нацисты превратили девушек в шахтеров. Без всякой механизации по 16 часов в день заключенные работали кирками в глубине горнопроходческих штреков, а ночью их отводили в лагерь Эрувиль, на бывшей линии Мажино.

Мемориал во французском городе Тиль в честь женского партизанского отряда «Родина» (фрагмент)

Система оборонительных укреплений «Линия Мажино» протяженностью 750 км была возведена французами в 1934–1935 гг. на границе с Германией от Бельфора до Лонгйона. Считалась непреодолимой, но в ходе непродолжительных боев сдалась фашистам после атаки пехотными частями группы армий «С», даже без поддержки танков. Фактически девушки были смертницами, так как там же, в старых штольнях, немцы разместили производство ракет Фау-2 (программа V) под руководством штурмбаннфюрера (майора) СС Вернера фон Брауна, основателя ракетно-космической промышленности.

Уроженец этих мест, сын партизана и историк Рене Барци посвятил судьбе узниц концлагеря целое исследование. Так, он свидетельствует, что возмущенные жуткими условиями работы девушек жители не раз пытались передавать им продукты и теплую одежду, когда

Памятник генералу Шарлю де Голлю, установленный 9 мая 2005 года в Москве

этого не видел конвой. Но окончательно желание помочь побегу заключенных, по воспоминаниям местных старожилов, появилось 1 мая 1944 года. В тот день девушки развернули над колонной, шедшей на работу в шахту... красный флаг. Они тайно сшили знамя в лагере и решили пойти на самоубийственную акцию в День солидарности всех трудящихся. Двигаясь под алым полотнищем, рабочая смена в несколько сотен человек, шедшая в распахнутые ворота шахты, пела «Интернационал», а вокруг бегали разъяренные охранники, стреляя в воздух и избивая крайних в колонне людей прикладами. К ярости немцев, работавшие на полях фермеры и городские жители выстроились вдоль дороги и приветствовали пленных, аплодируя им и подхватывая грозный мотив по-французски. Расправа над мятежными заключенными была отложена на несколько дней, так как педантичные немцы решили не снижать план выработки шахты, а сначала получить новую партию рабсилы для замены того, кого предстояло казнить.

Советские «валькирии»

Именно эти события, которые видел весь городок Тиль, и побудили местную ячейку Сопротивления к решительным действиям. В ночь с 7 на 8 мая 37 женщинам и 26 мужчинам устроили побег. Они влились в местный партизанский отряд в Аргонском лесу в Мезе (район города Бар-ле-Дюк), пройдя за одну ночь более 70 километров. И тут руководившие девушками Надежда Лисовец, Александра Парамонова и Розалия Фридзон выдвинули свой ультиматум – воевать с немцами они хотели только в составе отдельного женского ударного партизанского отряда, который на своем собрании постановили назвать

«Родина». Французы были потрясены. Да, в составе Сопротивления были женщины. Они работали связными, радистками, внедрялись в части оккупантов, оказывали помощь, прятали, лечили и кормили, но воевать отдельным войсковым подразделением... Такого Франция еще не видела! Изначально командир партизанского отряда вообще хотел распределить спасенных по отдаленным хуторам и дожидаться освобождения, которое, как понимали многие, было уже не за горами. Но перед женским напором макизар (так звали партизан во Франции) устоять не сумел и сдался.

Отдельный советский ударный партизанский женский отряд «Родина» воевал с мая по сентябрь 1944 года на севере Франции. Отрядом командовали бывшие минские подпольщицы Надежда Лисовец и Розалия Фридзон. Всего во Франции действовало 55 советских партизанских подразделений. Помимо «Родины», наиболее известные из них – «Чапаев», «Ленинград», «Сталинград» и «Жуков». 12 октября 1944 года командиры отряда получили звание лейтенантов французских внутренних сил. Они были награждены французским Военным крестом. Александра Парамонова также получила Военный крест, а от советского командования – орден Великой Отечественной. В 1945 году партизанки вернулись в СССР. Последняя из них ушла из жизни 31 декабря 2014 года.

При вступлении в отряд все 37 женщин принесли воинскую присягу, которая соответствовала месту и времени действия. Слова этой клятвы были такими: «Выполняя свой долг перед Родиной, я обязуюсь честно и самоотверженно служить интересам французского народа, на чьей стороне я защищаю интересы своей Родины. Всеми силами я буду защищать

моих братьев-французов в борьбе против общего врага – немецких оккупантов».

Несмотря на согласие французов оказать поддержку и признать подразделение отдельной боевой единицей, оружие им, кроме небольшого численного легкого стрелкового, не дали. Женщины добыли его сами в бою, разгромив при поддержке макизаров немецкую колонну.

В 1966 году генерал Шарль де Голль прилетел на встречу с советским руководством в Москву. Накануне своего визита он обратился через протокольную службу в МИД СССР со следующей просьбой: возглавлявший в годы войны французское Сопротивление национальный лидер хотел, чтобы в аэропорту в Москве ему устроили встречу с бывшими партизанками из отряда «Родина». Их всех срочно доставили в Москву, где генерал, глава государства – первым! – приветствовал их и отдал им честь, застыв на несколько секунд с рукой у козырька форменного кепи перед строем героических женщин.

В 2015 году в Тиле на средства, собранные в том числе и местными жителями, при входе в закрытую в шестидесятых годах прошлого столетия шахту был создан мемориал в честь отряда «Родина». Инициатива открытия памятного комплекса принадлежит мэру Анни Сильвестри при поддержке ассоциации эскадрильи «Нормандия – Неман». На стене у входа в бывшую шахту можно прочитать на французском и русском языках следующие слова: «В память о советских женщинах, жертвах фашистского варварства, погибших от истощения или под обвалом на принудительной работе в шахте. В память об узниках концлагеря, совершивших побег 8 мая 1944 года, образовавших единственный во Франции женский партизанский отряд «Родина», сражавшийся за Свободу во французском Сопротивлении».

ПАРАДОКСЫ ГЕРМАНСКОЙ ПАМЯТИ

*Искупление исторической вины,
покаяние перед миром долгое время определяли самосознание немцев*

ЕВГЕНИЯ ПИМЕНОВА
политолог, кандидат исторических наук

После окончания Второй мировой войны прошло восемь десятилетий, однако память о ней остается существенным фактором международной политики, обретая новые характеристики. На Западе вывели формулу о «правильной и неправильной стороне истории», где неправильную занимает, конечно же, Россия. В ряде постсоветских и постсоциалистических стран пересмотр прежних подходов к оценке прошлого стал фундаментом формирования их новой национальной идентичности.

Для Германии память о войне (особенно с названием Великая Отечественная) имеет особое значение. Искупление исторической вины, покаяние перед миром и компенсации за зверства нацистов долгое время определяли самосознание немцев. Моральная ответственность, связанная со Второй мировой войной, породила особую германскую политическую культуру, основы которой были сформулированы в Западной Германии, а после объединения страны перенесены и в повседневные реалии бывшей ГДР, которая существовала в матрице советского дискурса. Ключевыми компонентами этой культуры были принципиальный пацифизм, военная сдержанность, ограниченность вооруженных сил и экспорта оружия, отказ от ядерных программ. Милитаристская риторика считалась абсолютным политическим табу. Но пришли новые

времена, приведя к постепенному отказу от прежних подходов.

Может казаться, что чувство коллективной вины – это то, что в восприятии немцев сразу же пришло на смену гитлеровской идеологии после денацификации страны. Однако процесс переформатирования общественного сознания был очень болезненным и трудным. При этом основные нарративы формировались в Западной Германии, ведь именно ФРГ объявила себя правопреемницей Третьего рейха. ГДР, созданная на базе советской зоны оккупации, сразу объявила себя антифашистским государством, полностью порвав с наследием гитлеровской партии НСДАП и разделяя советские подходы к военной мемориальной культуре.

В первые послевоенные годы бывшие граждане Третьего рейха находились в состоянии глубочайшей травмы по отношению к собственному недавнему прошлому. Вплоть до конца 1950-х в ФРГ был весьма популярен тезис, что агрессивная внешняя политика национал-социалистов во многом поддерживалась западными державами. А союзники, которые также бомбили города и уничтожали мирное население, не имеют морального права вменять это в вину исключительно Германии. Также было распространено убеждение, что вина за преступления нацистов лежит только на высшем руководстве Третьего рейха.

Примечательно, что восприятие колоссальных советских потерь в массовом сознании немцев даже тогда было ограниченным. Многие немцы главными жертвами войны воспринимали прежде всего самих себя. Сложным для осмысления оставался «еврейский вопрос». Проблема поставленного на поток уничтожения европейских евреев пряталась под эвфемизмами и обтекаемыми общими понятиями: «расовая ненависть», «массовые убийства», «антисемитизм». К тому же нередко обыватели либо действительно не имели представления о масштабах геноцида, либо предпочитали не признавать свою ответственность.

Ситуация начала постепенно меняться лишь в 1960-е. Студенческая молодежь все активнее задавалась вопросом, а что же все-таки делали их родители и старшие родственники при нацистах? Леворадикальные движения выступали против немецкого истеблишмента, считая его продолжением нацистской элиты. Можно вспомнить известный эпизод, произошедший 7 ноября 1968 года. Тогда левая активистка Беата Кларсфельд, проникнув на заседание партии ХДС, прилюдно ударила по лицу канцлера ФРГ Курта Георга Кизингера, прокричав: «Нацист, уйди в отставку!» Ведь в свое время он состоял в НСДАП и работал в министерстве пропаганды Геббельса, а после войны так и не понес наказания.

Знаковое событие, после которого, собственно, и укрепилась (тогда казалось, что надолго) германская культура памяти, основанная на чувстве неизбывной исторической вины и покаянии, произошло 7 декабря 1970 года. Канцлер социал-демократ Вилли Брандт прибыл в Варшаву для подписания договора об окончательной демаркации границы между Польшей и Германией. Он совершил символический жест: публично под камерами встал на колени перед памятником восставшим в Варшавском гетто (позже в ФРГ многие его критиковали за то, что он тем самым якобы унизил Германию).

Вектор, между тем, был задан. Спустя 15 лет президент ФРГ Рихард фон Вайцзеккер, выступая с речью в честь 40-летия окончания войны, сделал поистине революционное заявление. Он назвал день 8 мая не днем политического и морального поражения, а днем освобождения от нацизма. Тем самым он, по сути, призвал воспринимать капитуляцию не как национальную катастрофу, а как начало новой Германии.

При всем этом очень важно в полной мере осознавать, что СССР и ФРГ, а затем Россия и объединенная Германия и, шире, Запад уже тогда находились и сейчас, увы, по-прежнему находятся в разных дискурсивных измерениях. Эти различия были заложены фактически в конце 1940-х. Западная Германия в 1955 году вступила в НАТО, став таким образом одним из значимых акторов холодной войны.

С 1980-х в ФРГ получила развитие так называемая теория «двух тоталитаризмов». Эта (крайне спорная даже среди западных аналитиков) концепция подразумевала, что коммунизм и национал-социализм – идентичные друг другу тоталитарные режимы, которые боролись друг с другом, и победа СССР принесла Европе

Берлинская стена. 1989

не освобождение, а новую несвободу в виде «социалистической диктатуры». Со временем в публичной риторике окончательно сформировалось табу на глорификацию роли СССР в борьбе с нацизмом.

После объединения Германии в 1990 году западногерманская интерпретация памяти о Второй мировой войне полностью вытеснила принятую в ГДР интерпретацию прошлого, фундаментом которой был тезис о советском народоосвободителе Европы. Иного и быть не могло, ведь и сама ГДР стала определяться как «вторая германская диктатура», наследие которой надо было полностью демонтировать.

Несмотря на имевший место период потепления российско-германских отношений и попытки найти общие элементы памяти о прошлом, негативный тренд все же возобладал.

Немецкий политикун выработал универсальную формулу, позволяющую снимать с себя историческую ответственность перед Россией, перед почти 27 миллионами погибших солдат Красной армии и мирных советских граждан. Идеологические основы этой формулы были заложены еще в эпоху холодной войны, а сегодня обрели более отчетливые черты.

НАНКИНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Нанкинскую резню одобрил принц Асако, а массовые убийства военнопленных лично санкционировал император Хирохито

ВИКТОР СУХОТИН

Стена со словами «Жертвы 300 000» на китайском, японском, корейском, русском, португальском, итальянском, греческом, испанском, французском, немецком и английском языках в Мемориальном комплексе, посвященном памяти жертв Нанкинской резни

Японская армия вошла в китайский Нанкин 13 декабря 1937 года, следствием чего стало одно из самых жестоких, изощренных и необъяснимых военных преступлений XX века.

Сегодня события тех лет пытаются подвергнуть ревизии, и в этом трудно не заметить параллелей с тем, что происходит в Европе с памятью о Второй мировой войне. Но кому это выгодно?

Еще 6 августа министерство армии Японии уведомило войска в Шанхае о том, что международные договоры об обращении с военнопленными в отношении китайцев можно считать недействительными, и попросило армейских бюрократов вообще не называть китайцев военнопленными. А накануне взятия Нанкина был издан приказ за подписью дяди императора Хирохито – принца Ясучико Асаки, командовавшего Шанхайской экспедиционной армией. Это был приказ об убийстве пленных. Ряд историков утверждают, что он был издан адъютантом принца – генерал-лейтенантом, подделавшим подпись Асаки, но поверить в это трудно, а ответственность остается на принце в любом случае – как на командующем.

Два офицера японской императорской армии – Тосиаки Мукаи и Цуеси Нода – на пути из Шанхая в Нанкин заключили пари о том, кто быстрее убьет сто человек при помощи холодного оружия. Этот спор воспринимался как нечто, что может поднять боевой дух солдат после тяжелых уличных боев в Шанхае, а потому привлек внимание прессы. За две недели в двух крупнейших ежедневных газетах Токио и Осаки вышло восемь статей, посвященных кровавому состязанию. Написаны они были в жанре спортивного репортажа. «Невероятный рекорд», – гласил один из заголовков. Так как оба лейтенанта перевыполнили норму почти одновременно, победителя установить не удалось. Тогда

они заключили новое пари, и на этот раз планка была поднята до уровня в 150 человек.

В обоих случаях речь шла не о поединках, а о бессудных казнях. С точки зрения японцев, ничего незаконного в них не было.

Как только японские войска вошли в Нанкин, начались облавы на китайских солдат, переодетых в гражданское. Под подозрение попали все мужчины призывного возраста, у которых были обнаружены потертости от ранцев на плечах или синяки в области ключицы. Кроме того, японцы хватили всех с мозолями на ногах, шрамами на лице, прямой осанкой или «смотревших дерзко».

Пойманных расстреливали из пулемета на берегу Янцзы. Наиболее массовое убийство, известное как «Бойня у соломенной протоки», пришлось на 18 декабря. На протяжении трех часов японцы привязывали веревками друг к другу китайских пленников, разделив их на четыре колонны. После чего расстреляли из пулеметов каждую из колонн. Раненых добивали штыками, а трупы сбрасывали в Янцзы. По примерным оценкам, этот день унес жизни 57 тысяч человек. Еще 1300 китайцев, военнопленных и гражданских лиц, были убиты у Тайпинских ворот. Их сначала подорвали на минах, затем облили горючим и сожгли.

Пока что речь идет только о мужчинах. В теории – о переодетых солдатах, спасавших свои жизни. Женщин в подобных «хитростях» не подозревали, но это и их не спасало. Японские военные врывались в дома и насиловали обнаруженных там женщин вне зависимости от их возраста. При малейших попытках сопротивления жертв закалывали штыками. История сохранила фотографии убитых детей и свидетельств изощренного надругательства над трупами. На Токийском процессе общее число изнасилованных девушек и женщин оценили в 20 тысяч человек.

В феврале 1938 года, после начала работы китайского коллаборационистского правительства, количество зверств в городе значительно уменьшилось. Принца Асаку и командующего Центральным фронтом генерала Иванэ Мацуи отозвали в Японию.

Восемь лет спустя правительство Чан Кайши учредило Нанкинский трибунал по военным преступлениям, по итогам работы которого были приговорены к смертной казни генерал Хисао Тани, капитан Гункити Танака и оба лейтенанта – участника соревнований по убийству китайцев мечом. Генерала Мацуи, вышедшего в отставку сразу после отъезда на родину, в 1948 году судили уже на Токийском процессе – японском аналоге Нюрнбергского. Генерал всячески пытался избежать ответственности, неоднократно меняя показания, но стал одним из семи приговоренных к смертной казни и был повешен во дворе тюрьмы. В то же время известно, что Мацуи не присутствовал в городе в начале массовых расправ, впоследствии тяжело переживал о случившемся и даже пытался выразить родственникам жертв резни пусть осторожные, но публичные слова сочувствия.

Принцу Асаке как члену императорской семьи был предоставлен иммунитет – он избежал ответственности за свои действия и бездействие. Соответствующее решение принял один из создателей и идеологов Токийского трибунала – американский генерал Дуглас Макартур, ставший политическим архитектором поверженной Японии. Ирония в том, что уже в 1947-м Асака лишился титула принца (отныне таковыми считались только прямые наследники императора), но не иммунитета. Этот любитель гольфа умер только в 1981 году, а на вопросы о жертвах Нанкина отвечал в том духе, что жалоб к нему не поступало.

Пятнадцать европейцев, оставшихся в Нанкине во время захвата города, организовали Зону безопасности,

которую по предварительной договоренности не атаковали японские военные – в этой зоне не было и не могло быть китайских солдат. Главой комитета, управлявшего Зонай безопасности, стал немецкий бизнесмен Йон Рабе, избранный среди прочего потому, что являлся членом НСДАП, а между Германией и Японией был заключен и действовал Антиккоминтерновский пакт. Рабе удалось спасти более 200 тысяч человек одним фактом своего присутствия. Когда он вернулся в Германию, его арестовали по подозрению в симпатиях к коммунистам, но вскоре отпустили на свободу. В 1945 году

его арестовывали во второй раз – уже по подозрению в причастности к нацистским преступлениям, и вновь отпустили. Рабе умер в 1950 году. У мемориала жертвам Нанкинской резни ему установлен памятник.

Причины столь извращенной жестокости японских солдат в отношении мирного населения Нанкина точно не определены и вызывают горячие споры в среде историков.

Шанхайская битва оказалась куда более тяжелой, чем рассчитывало японское командование: тогда погиб примерно каждый четвертый японский солдат. На этом фоне экспедиционная армия подверглась

жесткой критике властей. Переход от Шанхая до Нанкина тоже выдался непростым – вместо безоговорочной сдачи города пришлось сражаться за него еще три дня. Но это не объясняет озверения японцев, перешагнувших в своих действиях всякие представления о человеческой морали. Нанкинская резня до сих пор остается одним из наиболее острых моментов в отношениях Китая и Японии и без того чрезвычайно конфликтных. Для КНР, особенно со второй половины 1980-х годов, это одно из событий, память о котором объединяет все слои общества.

В это сложно поверить...

Почему идеологи резни в Нанкине остались на свободе?... Два года продолжалась работа Международного военного трибунала для Дальнего Востока, вошедшая в историю как Токийский процесс. Почти тысяча открытых судебных заседаний и семь смертных приговоров... Представители 11 государств судили представителей высшего руководства Японской империи, причастных к военным преступлениям в годы Второй мировой. Однако заслуженное наказание понесли далеко не все – по настоянию, заметим, американской стороны.

Министр иностранных дел Есукэ Мацуока и адмирал Осаму Нагано умерли во время суда, как утверждают, от «естественных причин». Идеолог японского милитаризма Сюмэй Окава был признан неменяемым и исключен из числа подсудимых. Фумимаро Коноэ, премьер-министр Японии в 1937–1939 и 1940–1941 годах, покончил с собой накануне ареста, приняв яд. Семерых обвиняемых приговорили к смертной казни через повешение и казнили. Пятнадцать осудили на пожизненное заключение;

трое – Коисо, Сиратори и Умэдзу – умерли в тюрьме, остальные тринадцать были помилованы в 1955 году. К двадцати годам заключения приговорили Сигэнори Того, министра иностранных дел и министра по делам Великой Восточной Азии, однако он умер в тюрьме в 1949 году. Командовавший фронтом генерал Иванэ Мацуи, к тому времени уже почти десять лет находившийся в отставке, был арестован войсками союзников и обвинен в военных преступлениях на территории Китая. Его приговорили к смертной казни через повешение. 23 декабря 1948 года, спустя одиннадцать лет после трагедии в Нанкине, семидесятилетний Иванэ Мацуи был повешен в Токийской тюрьме.

Трибунал был сформирован в свете реализации десятого пункта Потсдамской декларации, согласно которому «все военные преступники, включая совершивших зверства над пленными, должны понести суровое наказание». Процесс был организован с соблюдением самой высокой символики: в Ичигайском дворце, где ранее находилась штаб-квартира императорской армии. Японский

милитаризм судили в том самом месте, где он когда-то появился на свет.

Состав одиннадцати судей утвердил главнокомандующий союзными оккупационными войсками американец Дуэглас Макартур. Советский Союз представлял член военной коллегии Верховного суда СССР генерал-майор Иван Зарянов. Главным обвинителем с подачи президента США Гарри Трумэна был назначен заместитель генпрокурора Соединенных Штатов Джозеф Кинан.

В обвинительном акте этого азиатского Нюрнбергского процесса было 55 пунктов – с общими обвинениями всех подсудимых и против каждого из них в отдельности. Все пункты распределили по трем категориям. В первую категорию «А» входили преступления против мира, связанные с планированием и ведением агрессивной войны и нарушениями международного законодательства. Под эту категорию попадали только представители высшего руководства Японской империи. Категория «В» касалась обвинений в массовых убийствах. Категория «С» – преступлений

против человечности. Тут, кстати, говорилось о недопустимости «нарушения обычаев войны». Но какие у войны, скажите по совести, могут быть «обычаи»?

Особое внимание трибунал уделил резне в Нанкине, бывшей столице Поднебесной. Город был взят 13 декабря 1937 года, после чего японские военные устроили массовый террор, который продлился шесть недель. По разным оценкам, за это время «самураи» вырезали от 200 до 500 тысяч китайцев, совершили множество изнасилований и актов мародерства. Треть города уничтожили пожары, вызванные поджогами, устроенными японцами и их коллаборантами-китайцами. Мирных жителей сотнями закапывали живьем, сжигали на кострах, расчленили заживо... Показательно не щадили военнопленных. На то чтобы расстрелять и утопить в реке Янцзы 57 тысяч солдат и офицеров китайской армии, японским маньякам потребовалось... чуть больше часа! В другом месте японцы действовали по сигналу трубы, который назывался «Убивайте всех убегающих». У огромной траншеи длиной около 300 метров и шириной 5 метров были убиты несколько тысяч китайцев. Эта траншея получила название: «Ров десяти тысяч трупов».

Исторический факт: хотя Нанкинскую резню одобрил принц Асако, а массовые убийства военнопленных лично санкционировал император Хирохито, издав директиву, согласно которой к военнослужащим противника не должны применяться нормы международного права, ни один из членов императорской семьи в дальнейшем не понес наказания. По настоянию американской стороны им предоставили иммунитет от уголовного преследования.

Америка, желавшая видеть проигравшую войну Японию послушным фигурантом зоны влияния США, готова была простить руководству

Страны восходящего солнца любые прегрешения.

Страшная реальность: от судебного преследования были освобождены разработчики японского бактериологического оружия. В том числе и все ведущие специалисты «Отряда 731», созданного в 1932 году на оккупированной территории Китая, недалеко от Харбина. На секретной базе на протяжении тринадцати лет проводились жестокие эксперименты над пленными – военными и гражданскими. Тысячи людей намеренно заражали смертельными вирусами с целью создания боевых штаммов, больным вскрывали заживо грудь, чтобы наблюдать, как распространяется инфекция. Японские так называемые ученые устраивали эксперименты, чтобы понять, сколько времени человек проживет под воздействием разных факторов: ошпаривание кипятком, высушивание, лишение пищи и воды, обмороживание, вивисекция, электроток... По разным оценкам, в отряде убили от трех до десяти тысяч человек. Причем около трети из них – советские граждане, захваченные в Маньчжурии.

Двенадцать японских военных, причастных к деятельности отряда, судили на Хабаровском процессе в декабре 1949 года. Они получили тюремные сроки длительностью от двух до двадцати пять лет. Однако историческая справедливость восстановлена так и не была. По настоянию американской стороны командир отряда Сиро Исии, все его заместители, а также руководители групп не преследовались Международным военным трибуналом для Дальнего Востока. Объяснение такого исключительного гуманизма просто: американцы были кровно заинтересованы в создании собственного эффективного бактериологического оружия и хотели получить страшные наработки «Отряда 731». Сиро Исии и его ближайших подельников тайно вывезли еще до начала судебного процесса в Штаты.

После войны они стали там успешными медиками.

В дневнике Йона Рабе, который он вел во время битвы за Нанкин и его оккупации, описаны многочисленные случаи жестокости японцев. Вот, к примеру, запись от 17 декабря:

«Двое японских солдат перебрались через стену и собирались вломиться в мой дом. Когда я показался, они сказали, что якобы видели, как стену перелезают двое китайских солдат. Когда я показал им партийный значок, они скрылись тем же способом. В одном из домов на узкой улице за стеной моего сада женщина была изнасилована, а затем ранена в шею штыком. Мне удалось вызвать скорую помощь, и мы отправили ее в госпиталь... Говорят, что прошлой ночью около 1000 женщин и девушек были изнасилованы, около ста девочек в одном только колледже Цзиньлин... Не слышно ничего, кроме изнасилований. Если мужья или братья вступаются, их пристреливают. Все, что ты видишь и слышишь, – это жестокость и зверства японских солдат».

Однозначного и внятного объяснения, что сделало японцев подобными зверям, нет. Британо-американский историк, специализировавшийся на истории Китая, Джонатан Спенс пишет: «Японские солдаты, ожидавшие легкой победы, вместо этого месяцами сражались и понесли куда более серьезные потери, чем предполагали. Они были утомлены, озлоблены, испытывали фрустрацию и усталость. Китайских женщин некому было защитить, мужчины или отсутствовали, или были бессильны. У войны, до сих пор не объявленной, не было ясных и измеримых целей. Возможно, они считали всех китайцев независимо от пола и возраста подходящими на роль жертвы».

Подобные Нанкинской бойне, но меньшего масштаба побоища были организованы японцами в Сингапуре и Маниле.

КАК ЭТО БЫЛО: СЛЕДЫ ДУЧЕ

В Италии забыли, но за годы оккупации Ливии были уничтожены сотни тысяч мирных людей

ОЛЕГ ПЕРЕСЫПКИН,
профессор, посол СССР в Ливии в 1984–1986

Омар аль-Мухтар под стражей, 15 сентября 1931 года

Когда говорят о колониализме европейцев на африканском континенте, в частности в Ливии, для кого-то, особенно для молодежи, это звучит, как фантастика. Однако это было.

Мне довелось столкнуться со скорбными страницами ливийской истории сорок лет назад.

В 1984 году меня назначили Чрезвычайным и Полномочным послом СССР в Ливии. Одной из первых у меня состоялась поездка в Бенгази, где находился штаб группы нефтяников-буровиков. Добирался по отличной автотрассе через горы Джебель Ахдар. Там некогда находился центр сопротивления итальянским колонизаторам, захватившим Ливию в 1912-м.

Склоны, опускающиеся в долину, были изрыты пещерами, которые использовали партизаны.

В каждом ливийском городе тогда была и, наверное, есть и сегодня улица или площадь имени Омара Мухтара – национального героя. В бою с итальянцами он был ранен 13 сентября 1931 года, попал в плен и 17 сентября в возрасте семидесяти лет казнен итальянскими фашистами.

Италия вторглась в Северную Африку под воздействием апологетов возрождения Римской империи, чтобы Средиземное море опять стало «mare nostrum» («нашим морем»), а его южное побережье – границей новой империи спустя две тысячи лет. Приход к власти

фашистов в 1922-м во главе с Муссолини активизировал экспансионизм. В 1935-м Италия напала на Эфиопию и за два года захватила ее целиком. В апреле 1939 года итальянцы взяли за близкую Албанию, а 10 июня 1940 года официально вступили во Вторую мировую войну на стороне Германии. Муссолини был уверен в победе Гитлера и надеялся при дележе добычи получить весомую долю. Но он не только ждал подарков, а проводил и свою захватническую линию. В 1940-м даже взялся помогать Гитлеру оккупировать

поверженную Францию, однако первые столкновения с французскими патриотами отрезали чернорубашечников.

В сентябре 1940 года маршал Грациани начал наступление против англичан в Египте, а в октябре Муссолини напал на Грецию, но потерпел поражение. Тем временем Грациани к декабрю 1940 года дошел до Сиди-Баррани в 140 километрах от египетского курорта Мерса-Матрух, но англичане нанесли им там сильный удар. Как и в Греции, итальянцы откатились, а Германии пришлось спешно направить свои войска и в Грецию, и в Северную Африку, чтобы поддержать войска Муссолини.

Возглавлял немецкий танковый корпус в Северной Африке

50-летний Эрвин Роммель, будущий участник заговора против Гитлера, в итоге покончивший жизнь самоубийством. Имя Роммеля поныне ненавистно ливийским патриотам. Генерал-фельдмаршал, кстати, носил два пышных эпитета-прозвища: Лис Пустыни и Роммель Африканский по аналогии с именами римских полководцев Сципионов Старшего и Младшего. В ходе Второй и Третьей Пунических войн первый разгромил Ганнибала, а второй – город Карфаген. И каждый получил за победы прозвище «Африканский».

В мае 1941 года Роммель потеснил англичан, которые, оставив в тылу немцев гарнизон Тобрука, отступили за ливийско-египетскую границу. Роммель не смог сломить Тобрук. Немецкие и итальянские войска стали выдыхаться. Роммель запросил подкрепления, но ставка Гитлера не могла пойти на это: все силы нацисты бросили на blitzkrieg на Востоке, на захват Москвы.

13 июня 1941 года авангард немецкой механизированной колонны появился в окрестностях Эль-Аламейна, в нескольких десятках километров от Александрии, и Роммель вылетел в Берлин, чтобы лично доложить об успехах Гитлеру. На самом же деле немецкие танки и бронемашины оказались без бензина и боеприпасов, а гитлеровская ставка не могла им помочь...

23 октября 1942 года 8-я армия британского генерала Монтгомери прорвала фронт итало-немецких войск и погнала фашистов к границам Туниса. Министр иностранных дел Италии граф Чиано (в 1943 году за участие в заговоре против Муссолини был казнен фашистами) в эти дни 1942 года сделал следующие записи в дневнике:

«5 ноября. Крушение нашего фронта в Ливии.

8 ноября. В полшестого утра мне позвонил Риббентроп, чтобы сообщить о высадке американцев

в портах Алжира и Марокко. Он был очень нервный и хотел знать, что мы собираемся делать.

12 ноября. Из Ливии Роммель бежит сломя голову. Большие трения между немецкими и итальянскими войсками... Дело доходит до перестрелок. Немцы забрали для своих нужд все грузовики, чтобы драпать побыстрее, и оставили наши дивизии в пустыне, где масса людей умирает от голода и жажды».

Под напором англичан, в рядах которых воевали польский и чехословацкий батальоны, один за другим пали ливийские города, которые держали фашисты. 20 ноября 1942 года был взят Бенгази, а немцы и итальянцы бежали вдоль побережья залива Большой Сирт, оставляя раненых и убитых, а также грузовики, склады боеприпасов и снаряжения. Это совпало с высшим напряжением боев на Волге. В конце января – начале февраля 1943-го остатки армии Паулюса, именем которого была названа одна из центральных улиц Триполи в период фашистского господства, сдались в плен.

22 января 1943 года граф Чиано записывает в дневнике: «Прорыв в Сталинграде, отступление почти по всему фронту, неминуемое падение Триполи. Роммель, кажется, вновь повел дело так, чтобы спасти свои силы и оставить на гибель наши. Муссолини взбешен этим и намерен отплатить немцам. Он очень расстроен падением Триполи, но не теряет надежды на возможность контрнаступления из Туниса, чтобы отвоевать город. Так он продолжает тешить себя иллюзиями, закрывая глаза на суровую реальность».

Три года в Северной Африке бушевало пламя войны, оставляя глубокие ожоги. Сотни остовов сгоревших танков и бронемашин, разбитых орудий усеяли обочины дороги Триполи – Бенгази. А еще – сотни гектаров вырубленных оливковых деревьев и пальмовых рощ,

засыпанные колодцы, сотни минных полей. Все это оставили после себя итальянцы, немцы, как, впрочем, и англичане. Ни на одном театре военных действий того времени не было использовано такое количество мин, как в Ливии. Без всяких карт и пометок их рассеивали у дорог, вокруг населенных пунктов и укреплений.

В два первых года после войны ежедневно в Ливии уничтожалось до миллиона килограммов боеприпасов. Но уничтожили не все. В 1984-м, когда я приехал в Ливию, время от времени в пустыне где-то у колодца или на обочине караванной тропы раздавались взрывы. Мины оборвали жизни множества ливийцев.

За годы итальянской оккупации (1912–1943) Ливия потеряла 750 тысяч жителей из числа всего населения, которое колебалось в пределах трех миллионов человек. Таков жуткий итог массовых расстрелов и депортации в Италию, смертей в концентрационных лагерях, на минных полях, при бомбежках и артобстрелах. Хотя размах у дуче был поменьше, чем у Гитлера, залившего кровью Европу и СССР.

В Триполи был создан и поныне работает Центр по изучению борьбы ливийского народа с итальянскими оккупантами, собраны фотографии разрушенных войной городов и сел, массовых казней ливийских патриотов, другие свидетельства.

...Вспоминаю, как в 1984-м уезжал из Бенгази рано утром и в дороге не раз осматривал места, связанные с военными годами. Они сохраняли память о бессмысленной бойне под африканским небом. В 1984-м страной уже правил родившийся в бедной семье бедуинов арабский националист Муаммар Каддафи, но я и предвидеть не мог, что новые колонизаторы убьют в 2011-м и его и вновь начнут терзать страну. Почерк подавления стал еще более зловещим.

ВОЙНА ГЛАЗАМИ ПОЭТОВ

Авторы этих стихов – не только поэты-дальневосточники, прошедшие фронты советско-японского противостояния, но и те, кто подготавливал Великую Победу долгие годы борьбы с гитлеровцами и их пособниками

Советские танки Т-34-85 в освобожденном китайском городе Харбин. Август 1945

Петр Комаров

Участник советско-японской войны. Будучи тяжелобольным, с трудом преодолев сопротивление врачей, Петр Комаров добился назначения в действующую армию. Прodelал

большой путь с войсками 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов. Многие ему открылось тогда на маньчжурской земле. Итогом стала «Маньчжурская тетрадь», куда вошли стихи о Китае, Корее и Монголии.

Сунгарийские болота

Ты вниз поглядел из окна самолета –
И ты не увидел привычной земли:
Глухие разводья, протоки, болота,
Озера и топи лежали вдали.
Там чахлые травы
шептались и дрогли,
И плакали чибисы, злясь на судьбу,
И серая цапля, как иероглиф,
Стояла, должно быть,
с лягушкой в зобу.
Бездонные топи. Озера. Болота.
Зеленая, желтая, рыжая мгла.
Здесь даже лететь никому неохота –
А как же пехота все это прошла?..

Маньчжурия

Среди маньчжурской этой шири
Печаль мы видели одну.
Здесь даже имени лишили
Многострадальную страну.

Чтобы ярмо вошло в привычку,
Не признавая ничего,
Ей, как собаке, дали кличку:
Маньчжоу-Го, Маньчжоу-Го...
А нас привел на поле боя
Победоносный этот путь
Затем, чтоб имя вековое
Опять Маньчжурии вернуть.

Фарфоровая ваза

Тебе навстречу, будто ожидая
Не первый год спасителей своих,
Выходит китайка молодая
И к танку прикасается на миг.
Она выносит вместо хлеба-соли
(Здесь хлеба не видали с давних пор)
Все, что сумела сохранить в неволе, –
Драконами расписанный фарфор.

Ты ей вернул фарфоровую вазу:
Бойцу она в походе ни к чему –
Но на душе теплее стало сразу
И легче стало сердцу твоему.
Китайскую деревню покидая,
Ты не забудешь, может быть, вовек,
Что всюду был – от Праги
до Китая –
Желанным гостем русский человек.

Харбин

И вот она – подвижница святая,
Вся славой осиянная в веках, –
Пришла сама, величием блистая,
С победными знаменами в руках.
Никто не позабудет этой встречи:
Увитых георгинами штыков,
Малюток чьих-то
поднятых на плечи,
Коленопреклоненных стариков,
Мужской слезы, оброненной
впервые,
Молитвенного шепота вокруг
И взглядов нежных: «Русские!
Родные!» –
И трепета горячих женских рук...
Все это было перед листопадом...
Теперь ты снова к окнам подойди:
Там свежий ветер кружит
по оградкам
И город моют шумные дожди.
Там осень запоздалая у входа
Развесила халат свой расписной.
Но в этот раз осенняя погода
В Маньчжурии повеяла весной.

3 сентября 1945 года

Над нами ветров беспорядок
И флагов почетный парад,
И яркими вспышками радуг
Цветные ракеты горят.
От самого древнего деда
До младшего внука в семье
Великое слово «ПОБЕДА»
Сегодня у всех на уме.
Утихли военные бури,
И Родину славит народ,
И русский матрос в Порт-Артуре
На новую вахту встает.

Юрий Гордиенко

Участник Великой Отечественной войны с 1943 года. Воевал в Белоруссии, Литве, дошел до Восточной Пруссии, прошел еще и японский фронт, принимал участие в освобождении Северной Кореи.

***

В страну холмов, знакомую
по сказкам
О золотом китайском фонаре,
Мы звезды мира принесли на касках
И веиний гром на танковой броне.
И в той стране, куда пути не близки,
Где пагоды древнее пирамид,
Народы нам воздвиглиobeliski
И наши звезды врезали в гранит.

Тропой самурая

Хвалили его генералы,
Пророча победы в пути:
Ты сможешь дойти до Урала,
До Белого моря дойти!
Иди же, границы стирая,
Послушный сигнальной трубе,
Отвага и меч самурая
Расчищают дорогу тебе.
Сбылось ...
Ни оркестра, ни флага,
Ни славы походов и сеч.
Не нужен ни меч, ни отвага,
Чтоб русский рубеж пересечь.
Теперь во главе с генералом,
С колоннами пленных в пути
Ты сможешь дойти до Урала,
До Белого моря дойти.

Павел Шубин

Участник Великой Отечественной и советско-японской войн. Служил фронтовым корреспондентом на Волховском, Карельском направлениях, на Дальнем Востоке и в Маньчжурии. Шубину принадлежит вариант текста

(1945 г.) на мотив знаменитого вальса Ильи Шатрова «На сопках Маньчжурии».

***

Вот прошли бомбардировщики,
Крылья мощные креня,
Будто вписывая росчерки
В синюю страницу дня.
В облачном, белесом дыме
Протянулись, далеки,
Перекатами над ними
Промелькнули ястребки.
Спрятались почти под солнце,
Где-то там сейчас моля,
В страхе завонят японцы,
Яростно вздохнет земля ...
... Это значит – силой русской
Вновь тряхнули мы врагов
На седой земле маньчжурской
У корейских берегов.

Пакет

Не подвигались стрелки «мозера».
И ЗИС, казалось, в землю врос.
И лишь летело мимо озера
Шоссе с откоса на откос.
От напряжения, от страха ли –
Шофер застыл, чугунным став,
А за спиной снаряды крякали,
На полсекунды опоздав.
Прижавшись к дверце
липкой прядкою,
Чтобы шоферу не мешать,
Фельдъегерь всхлипывал украдкою
И вновь переставал дышать.
И из виска, совсем беззвучная,
Темно-вишневая на цвет,
Текла, текла струя сургучная
На итемпелеванный пакет.

Бронислав Кежун

Участник Великой Отечественной войны, служил в газетах 14-й и 19-й армий Карельского фронта «Часовой Севера» и «Красноармейский удар». Войну закончил на Дальнем Востоке.

Память

Мне в белые ночи не хочется спать,
Колотится сердце в тревоге –
И я вспоминаю опять и опять
Свои фронтовые дороги.
Летит, грохоча, за составом состав,
Теплушки мелькают, как прежде.
От пуль закипает вода переправ,
Пылают костры в Будапеште.
И я поутру у Дуная стою,
В дыму Балатона шагаю,
И снова встречаю
в австрийском краю
Победу – 9 мая.
И в те же минуты встают
предо мной
Иные дела и широты:
Оставив безбрежный Амур за спиной,
В Маньчжурию входит пехота.
В берлогах еще огрызается враг,
Но точно подсчитаны сроки –
И празднуем мы в сахалинских горах
Победу на Дальнем Востоке ...
А ночь над Невой, тиха и ясна,
Зажгла негасимые зори.
На алых крылах прилетела она
От самого Белого моря.

Сергей Аракчеев

Участник Великой Отечественной войны, поэт, военный журналист. Стихи стал писать на фронте, после войны имел звание полковника.

Предисловие

У времени есть тоже мотовило,
Где нитями упругими – года.
Таких узлов война нам
накрутила,
Что думал – не распутать никогда.
Воскресным днем, как громом
оглушенный,
Стоял у репродуктора тишком.
Опомнился: «Война же!»
В центр районный
Сорвался – и все десять верст бегом.
Бежал что на пожар, еще похлеще.
А руки – в кулаки. А в горле – ком.

– Ну хорошо. А где же ваши вещи? –
Вопросом озадачил военком.
Хорош же был я – в тапочках,
в футболке.
На сборы дали сутки. И потом
Качал меня вагон на верхней полке.
Я был мобилизованным. Бойцом.
Острижен под чистейшую нулевку.
Такие же прически у парней.
Подтрунивал им с полки: «Эх,
винтовка».
А до нее-то ехали семь дней.
Казенная подушка в изголовье.
– Подъем! – кричит дневальный
от дверей.
Все это было только предисловьем
К военной биографии моей.

Безымьянное болото

Мы в том болоте сутки спали стоя,
Нас допекали мухи и жара.
Оно было зеленое, густое,
Там от застоя дохла мошкара.
Там не хотели рваться даже мины,
И шли ко дну, пуская пузыри,
И если б не было за ним Берлина –
Мы б ни за что сюда не забрели.

Дикарки

Большак проутюжили танки.
Копаем лопатками луг.
Две яблоньки, будьте беглянки,
Стоят, победив испуг.
Откуда взялись вы, подружки,
В безлюдной, унылой дали?
Обидел вас кто в деревушке,
Что взяли с подворья ушми?
Шуришали листовую товарки
О чем-то своем – не поймешь.
– Ребята, да это ж – ДИКАРКИ,
Их яблоки – в рот не возьмешь! –
Ругнувшись, срывает досаду
Под яблоней слева стрелок.
Мне сладких плодов и не надо –
Взял кисленьких в вецмешок.
А бой уж кипит в междуречье,
Опять в контратаку иду.
И яблочный дух из заплечья
Такой, как в домашнем саду.

От народа мне задание

Шарят пушечные дула
В Померании уже.
А меня писать тянуло
О Полесском блиндаже.
Не высокий и не низкий,
В три наката потолок.
Белорусскую прописку
Схлопотал стрелковый полк.
Ветры – шалье гуляки –
Шли под пули не за нас.
Оборона. Контратаки:
Немцев – мы, а немцы – нас.
Сзади Пинские болота,
В стан врага идет гроза.
Иноземные высоты
Топчет русская кирза.
А в Полесье землемером
Ходит чинно паишней грач.
Плуг из люка от «Пантеры»
Ладит в кузне бородач.
От народа мне задание –
Быть в порядках боевых.
Нес войну, что мироздание
На погонах полевых

Александр Мишин

***

На фронт попал осенью
1942 года. Прошел всю войну.
Был ранен, контужен. Награжден
четырьмя боевыми орденами
и 30 медалями.

На Японскую войну

На восток все бегут и бегут эшелоны,
На стыках колеса тревожно стучат,
Скрипят и качаются мерно вагоны,
На нарах сосновых солдаты сидят.
Родных и знакомых им видятся лица,
На родине ждут,
не дождутся солдат.
Но мчат эшелоны
к китайской границе,
Где в сопках маньчжурских их
деды лежат.
А ехать на фронт всегда
легче впервые,
Пока ты не слышал, как воет снаряд.

Пока не видал ты горящие танки
И к вражьему доту ползущих солдат.
А эти ребята все это познали,
Судьбу испытать им опять суждено.
Хоть в мае салюты Победы звучали
И лилось хмельное Победы вино.
На станциях машут
руками девчата,
Зелеными ветвями машет тайга,
Скорее домой возвращайтесь, ребята,
И малую кровью разбейте врага.
Россия, ты стала великой страной,
Господь не обидел богатством тебя.
Но, видно, обидел народ твой судьбою:
И вечно у нас то война, то беда.
Таежную далью бегут эшелоны,
На стыках колеса тревожно стучат.
Скрипят и качаются мерно вагоны,
На нарах сосновых солдаты сидят.

Георгий Суворов

Погиб в феврале 1944 года
при отражении танковой атаки.
Стихотворение было написано все-
го за несколько дней до гибели.

Еще война. Но мы упорно верим,
Что будет день – мы вытъем
боль до дна.
Широкий мир нам вновь
откроет двери,
С рассветом новым
встанет тишина.
Последний враг. Последний
меткий. выстрел.
И первый проблеск утра,
как стекло.
Мой милый друг, а все-таки
как быстро,
Как быстро наше время
протекло.
В воспоминаньях мы
тужить не будем.
Зачем туманишь грустью
ясность дней.
Свой добрый век мы
прожили как люди.
И для людей.

ЯПОНСКИЙ ЛАБИРИНТ

Предлагаем вниманию читателей фрагменты книги известного российского писателя В. Д. Поволяева о Рихарде Зорге, легендарном разведчике XX века, чье имя внесено в список ста мировых знаменитостей, повлиявших на ход мировой истории в прошлом столетии: в значительной степени именно благодаря Зорге удалось отодвинуть японскую военную машину от границ СССР на Дальнем Востоке

ВАЛЕРИЙ ПОВОЛЯЕВ

Рихард Зорге в 1940 году

...Итак, Рихард Зорге, выступавший в Японии как записной немецкий журналист и блестящий пресс-секретарь посольства Третьего рейха, арестован по обвинению в шпионаже

имперскими спецслужбами и оказывается в заключении в токийской тюрьме Сугамо. Возглавляемая Зорге под агентурным псевдонимом Рамзай подпольная группа интернационалистов-

антифашистов – Вукелич, Клаузен, Одзаки, Мияги и другие – разгромлена, но морально не сломлена. Сумеет ли Москва спасти своих разведчиков? Пойдет ли на это Сталин?

Вчера Иосикава сказал Рихарду, что предоставляет ему несколько дней отдыха. Что это означает? То ли прокурор выдохся, то ли следствие подошло к концу, то ли он вообще таким способом подтвердил факт, что очень скоро начнется суд.

Зорге здорово поистрепался, похудел, одежда на нем стала рваная, и вообще он не был похож на себя совершенно – увы, совсем не тот лощеный Зорге, которому еще в 1941 году завидовала вся немецкая колония, это был Зорге середины 1943 года, бесконечно усталый, ослабший, с больным, словно бы простреленным сердцем, которому, честно говоря, уже и жить надоело.

Он рассчитывал, что Центр вызовет и его самого, и группу, которую он возглавлял, из застенка, поддержит – японцы не посмеют отказать Москве (несмотря на свою дружбу с Гитлером), но Москва даже пальцем не пошевелила, чтобы помочь попавшим в беду разведчикам. А японцы точно не должны были отказать, ведь еще до ареста Зорге у Токио с Москвой были подписаны два соглашения: одно – нефтяное, второе – по рыбной ловле у берегов России.

Олигархи, заинтересованные в том, чтобы эти соглашения работали, свернут голову любому японскому генералу, они со всего

генштаба спустят штаны и отправят путешествовать по миру с голыми задницами, если кто-то из военных чинов будет сопротивляться.

Оставалось только одно – ждать. Ждать, когда Москва вспомнит о нем, вспомнит о Максе Клаузене и Вукеличе, обо всех тех, кто находится в беде. Но Москва что-то не торопилась вспоминать про солдат своих, которые были ей верны, она вообще не подавала признаков жизни на Востоке, занимаясь только тем, что происходило на Западе, на фронте...

О том, как конкретно складывалась обстановка на фронте, Зорге не знал, но ощущение того, что война не кончилась, его не покидало ни на минуту – война шла.

Передышку прервали быстро: Рихарду Зорге объявили, что начнется суд.

Объявил это не Иосикава, а какой-то чин из Министерства юстиции, рангом, видать, повыше Иосикавы, чванливый, молодой, в золотых очках и в очень добротном европейском костюме. Рихард, понимая, что в тюремном рубище он будет выглядеть по меньшей мере смешно, попросил вернуть ему часть вещей из арестованного гардероба.

Чин в золотых очках важно выпятил нижнюю губу и, поразмышляв немного, согласно кивнул.

– Такое распоряжение я дам, – сказал он. Вид у чина сделался еще более важным, чем был две минуты назад.

Распоряжение он дал усеченное: Зорге разрешалось взять один костюм, две рубашки, пару обуви, два галстука и две пары носков – на выбор.

– Этого мало, – сказал Зорге.

Начальник тюремного склада – маленький японец, одетый в военную форму, колюче глянул на Рихарда.

– Ничем помочь не могу, – сухо произнес он.

– Понимаю, – Зорге невольно хмыкнул. – На нет и суда нет.

Он выбрал свой любимый синий костюм с едва приметной полоской, в котором отмечал свой последний день рождения на свободе, рубашки взял следующие: одну белую, другую голубую, в тон костюму, туфли отложил модные, в которых ходил мало, но успел полюбить, – темные, с малиновым свечением и крупными рантами. В пиджаке нашел платок, выстирал его и воткнул в нагрудный карман... Получилось очень нарядно.

Даже в неволе Рихард Зорге, привыкший хорошо и со вкусом одеваться, не изменил своей привычке, словно бы находился не в застенках Сугамо, а где-нибудь в командировке – правда, очень непростой...

К процессу надо было готовиться. Костюм костюмом, но не это главное. Главное – что он скажет судьям, какими аргументами будет возражать прокурорам-обвинителям.

Вот к этому и надо было готовиться. Зорге попросил разрешения у важного чина в золотых очках, чтобы ему дали побольше бумаги и пару ручек с чернилами.

Чин поморщился, но разрешение дал – так же, как и на одежду, усеченное: Рихарду было позволено получить одну пачку второсортной бумаги и два карандаша.

Унывать Зорге не стал: в конце концов, с делом можно управиться и малыми средствами, главное – не «паркер» с золоченым пером, а то, что находится в котелке, как варит эта посуда; и еще важно продукт этот, варево, толково перенести на бумагу.

Конечно, у Рихарда есть адвокат Асанума – человек грамотный, добродушный, но он, опасаясь расправы со стороны той же «кемпетай», не сумеет сказать того, что может сказать сам Зорге. Если честно, Рихард рассчитывал только на себя и очень отчетливо осознавал – приговор будет жестоким:

либо смертная казнь, либо пожизненное заключение. Третьего просто не дано.

Хотя и не знал Зорге законов Японии (не было времени познать), но все-таки имел основательную юридическую подготовку, университетскую, и это должно было помочь ему.

Ни пожизненного заключения, ни смертного приговора Зорге не боялся – в конце концов, все участники этого процесса, какую бы роль они ни играли в нем – прокуроров, сытых тюремщиков или голодных узников, палачей либо обреченных бедолаг, – обязательно окажутся за чертой бытия, исключений нет, да и устал Зорге чего-либо бояться.

Виновным он себя не признал, какими бы жесткими ни были вопросы, сломить его оказалось невозможно. Иосикава это понял быстро, да и говорить Зорге умел хорошо. Он очень толково доказывал Иосикаве, что прибыл в Японию «не как враг, а как друг».

Всю информацию Рихард собирал на островах легально – находил ее в газетах, черпал из рассказов знакомых и незнакомых людей, никого не пытал, никому не причинял боли, не калечил, ни одного из законов Японии не нарушил. Так к чему же тогда придирались?

Это прекрасно понимал прокурор Иосикава и тоже готовился к суду. У него были свои начальники, он обязан был исполнять обвинительные арии по их партитуре... Иначе ему быстро найдут место на бирже безработных.

Первое заседание суда состоялось 31 мая 1943 года.

Утром в тюремном дворе выстроилось несколько черных, с глухими окнами автомобилей: узники были важными, и каждому была положена персональная машина с охраной. Зорге вышел из камеры в отлично сшитом синем костюме, в модных туфлях, от него пахло парижским

парфюмом, а шею украшал элегантный шелковый галстук. На исхудавшем лице сияла независимая улыбка. Привычно закинув руки назад, он двинулся к выходу.

Надзиратели с удивлением смотрели на нарядного заключенного, один из них даже вытянулся перед Рихардом, как перед большим начальником.

Май в Японии – праздничный месяц, все цветет, все тянется к жизни, благоухает, птицы поют даже ночью, старики молодеют, воздух напоен сладким духом меда и распускающихся каштановых свечей. Хорошо было на воле.

Зорге остановился у одной из черных машин, с удивлением ощутил, что земля под его ногами внезапно поехала в сторону, чтобы не упасть, он ухватился рукой за крыло автомобиля... Отвык он от земли, от красоты природы и свежего воздуха, который пьянит, как шампанское, отвык от воли, без малого два года уже находится в тюрьме Сугамо, так что не мудрено, что его шатает.

Судебный зал был старый, мрачный, пахла пылью, мышами, изгрызенной бумагой, сгнившими протоколами, судьбы были под стать залу – мрачные, похожие на мумии, в черных мантиях, отороченных красными полосами, неподвижные – этакое воплощение злых колдовских сил...

Вину свою Рихард не признал, он готов был защищаться. Судья протестующе качнул высохшей головой, глянул на прокурора, тот ответно кивнул, словно бы между этими людьми существовала некая договоренность, и теперь они подали команды друг другу. Зорге это засек и едва приметно усмехнулся. Вполне возможно, так оно и было – эти люди сговорились. Значит, и защита должна быть соответственной, усиленной, иначе его съедят и не поморщатся. Зорге вновь едва приметно усмехнулся – суда он не боялся.

Он вгляделся в затемненный зал, народу в нем было немного, в рядах сидели в основном агенты «кемпетай», политической полиции «токко», сотрудники контрразведки во главе с сияющим полковником, державшим между коленями парадную саблю, и больше никого. Журналистов тоже не было – ни одного человека.

Следом за Зорге в суд привезли Ходзуми Одзаки. Одзаки похудел, осунулся, сделался ниже ростом – собственно, с ним произошло то же самое, что и с Зорге, он прошел через те же тернии,

А вот глаза... Глаза у Одзаки оставались прежними – насмешливыми, теплыми, пытливыми, глаза говорили о том, что Одзаки не сдался.

Краешки висков, углы век у Зорге начало щипать, он сначала даже не понял, что это такое, потом понял и печально качнул головой – все-таки тюрьма добила его... Впрочем, нет, не добила, но сентиментальным сделала. Одзаки улыбнулся Рихарду тихо, понимающе.

Перекинуться с ним хотя бы парой слов, но нет, не дадут – между Зорге и Одзаки встал рослый, одетый в новую необмятую форму полицейский.

Третьим привезли Иотоку Мияги. Мияги был совсем плох: кожа да кости, шатающаяся походка...

Впрочем, Зорге чувствовал себя точно так же, очутившись во дворе тюрьмы, у черного автомобиля – чуть не упал. Рядом с Мияги шел полицейский, готовый в любое мгновение подхватить его.

Усевшись на скамью, Мияги шумно вздохнул и приветственно поднял руку – он был рад видеть друзей. На щеках его горел яркий румянец. Нехороший был это румянец, туберкулезный. Но Мияги не сдавался, держался, улыбка, возникшая на его лице, была такой искренней, теплой, что невольно рождала ответное тепло

у всех, кто ее видел, даже у неприступных судей.

За Мияги в зале появились двое, сопровождаемые конвоем: Макс Клаузен и Бранко Вукелич. Макс почти не изменился, был все такой же – большой, добродушный, неповоротливый, щекастый, только седины на голове прибавилось, а вот Бранко сдал, сильно сдал. Зорге подумал даже, что вместо Бранко в зал привели кого-то другого, но это был Вукелич. У Зорге невольно сжалось сердце.

Бранко, Бранко... Что же с тобой сделали?

Судебное заседание началось с вопроса, с которым председательствующий обратился к Зорге:

– Вы признаете себя виновным?

В зале сделалось так тихо, что, кажется, было слышно, как под высоким потолком летает заблудившаяся муха.

Зорге отрицательно покачал головой:

– Нет, не признаю.

Следом такой же вопрос судья задал Макс Клаузену, склонил выжидательно голову. Ответ был тот же:

– Виновным себя не признаю.

Прокурор Иосикава даже заерзал на своем стуле, лицо его стало недовольным, налилось темной краской. Зорге удивился этой реакции прокурора: неужели Иосикава, неглупый человек, ожидал услышать другой ответ?

Никто из членов группы Зорге, привезенных на процесс, не признал себя виновным. Люди, оказавшиеся на скамье подсудимых, были словно бы связаны одной невидимой цепью, они, разрозненные, каждый сам по себе, просидевшие почти два года в одиночках, не сломались, не превратились в труху, сохранили себя и теперь были готовы защищаться.

Рихард приготовился к долгому процессу, приготовился защищать не только себя, но и Вукелича, Мияги, Клаузена, Одзаки, всех своих товарищей, попавших в беду.

Видимо, независимое поведение узников, категоричные отрицательные ответы их не понравились ни судьям, ни тюремщикам. На следующий день на голову Зорге накинута сетка, в которой его водили по коридорам Сугамо, на запястьях защелкнули наручники и в таком виде втиснули в автомобиль.

На суде Зорге пытались унижить, обзывали шпионом, врагом Японии, «порождением темных сил, стремившимся заслонить, а потом и вообще погасить яркое японское солнце», в ответ Рихард иронично улыбался:

– В первый раз слышу, когда человека, делавшего все, чтобы между соседями поддерживались, а в дальнейшем развивались, укреплялись добрые отношения, называют шпионом; в первый раз слышу, чтобы так называли людей, стремящихся потушить разгорающийся прямо под стенами домов огонь; в первый раз слышу, чтобы это дрянное словцо припечатывали к тем, кто занят самым благородным на свете делом – спасением человеческих жизней... Если бы между Японией и Советским Союзом вспыхнула такая же война, как между Советским Союзом и Германией, то представьте на минуту, господа, в скольких бы японских домах раздавался сегодня горький плач? Миллионы ваших солдат не вернулись бы с этой войны, миллионы! – Зорге предупреждающе поднял указательный палец. – Если честно, я даже представить не могу, сколько это будет – миллион погибших, как это вообще выглядит...

Судьям такие речи не нравились, председательствующий морщился, вытягивал голову в протестующем движении и ударом молотка о деревянную плашку прерывал речь Зорге. Такое происходило постоянно.

– Не советую вам, господа, муссировать понятие «шпион», которое вы хотите приклеить нам,

Мемориальная доска Рихарду Зорге, установленная в Берлине в 2016 году

как ярлык. Ни к чему хорошему это не приведет... И вообще, дело не в ярлыках, не в понятиях, не в кличках, дело совсем в другом, и вы это прекрасно понимаете, – на лице Зорге появлялось насмешливое выражение.

Он был выше судей.

Дни, когда проходили судебные заседания, были такими же однообразными, нудными, затяжными, часто неприятными, как и дни допросов, когда свет солнечный за окном темнел, делался тяжелым, а дни превращались в ночи. И ухо,

как на допросах, надо было держать остро. Зорге защищал всех, даже Ходзуми Одзаки и все, каждый сам по себе, тоже защищались, и непонятно было, какая сила победит. Зорге настаивал на невинности группы «Рамзай» – ею не был нарушен ни один закон Японии, не был выкраден ни один из государственных секретов, не было ничего ни куплено, ни продано, ни одному из подданных микадо не была причинена боль. Так в чем же можно обвинять людей, которые ни разу не нарушили японских законов?

Председательствующий на суде улыбался отрешенно и делался по-императорски важным, словно бы мог изменить законы островов и невиновного сделать виновным.

Заседания суда проходили по-разному: были и общие, на которых присутствовали все члены группы Зорге, были и разрозненные, когда группу разделяли, и каждый отбивался от вопросов судьбы в одиночку.

***

Первым не вынес пыток, тюрьмы, суда, издевательств, обвинений художник Итоку Мияги. Талантливый был человек. Сумел соединить в своих картинах романтичность японской школы с реалистичностью школы Запада, акварельную легкость, плоскостность с объемным многоцветием тяжелых масляных красок, которыми привыкли работать художники Америки, французский импрессионизм с воздушностью китайского письма.

Ходзуми Одзаки, знаток культуры, тонко разбиравшийся в искусстве, не только изобразительном, так писал о картинах Мияги: «Они полны какого-то очарования, выполнены в совершенно особом колорите, в каждой из них скрыта особенная грусть. Некоторые оставшиеся после него картины отличаются большим своеобразием и отмечены печатью истинного таланта».

Одзаки написал о своем товарище, как об ушедшем – к этой минуте Мияги уже не было... Не стало его 3 августа 1943 года.

Жене своей Одзаки также отправил письмо: «Я прошу тебя тщательно хранить все картины Мияги, имеющиеся у нас в доме...» – письмо с наказом дошло, и в семье Ходзуми Одзаки сохранили не только холсты талантливого художника, но и детские, трогательно-наивные картинки Йоко, дочери Одзаки,

которую Мияги учил азам живописи, приемам, манере класть краску, прописывать предметы, делать свет плотным, а тени прозрачными, – на память о былом, о времени, которое спустя семьдесят лет вызывает у родственников слезы...

Слухи о том, что происходит в судейском дворце, просачивались сквозь стены в город, по токийским улицам разносились разные сплетни, но о деталях происшедшего никто ничего не знал, и если кто-то что-то говорил, то говорильня эта оказывалась обычной болтовней, шушуканьем старушек, направлявших на путь истинный молодых девчонок, лепет ветра, переговаривающегося с птицами, а что происходило в судейском дворце на самом деле, знали, пожалуй, не более десяти человек во всем Токио.

Город жил своей жизнью – печалился, радовался, наблюдал за дымом, неожиданно появившемся над горловиной кратера и плоско растекавшимся по горизонту. Дым обрел розовый цвет, начал кудрявиться, словно бы боги выдирали из него волосы... Это был недобрый знак.

Когда Мияги не появился на процессе, у Зорге невольно защемило в груди – он понял, что произошло. Потеря Мияги не будет последней, за этой потерей последуют другие.

Чутье не обмануло Зорге: из семнадцати человек, арестованных по делу его группы, умерли еще пятеро – итого вместе с Итоку шесть человек; одни были откровенно замучены пытками, другие не вынесли болезней – из лекарств им ведь не давали ничего, даже анальгина и пластырей из колючих долек столетника, у третьих просто не было сил бороться – скончались от тоски и глухой боли, способной есть живое тело. Умирали от дистрофии: если не было денег на еду, то тюремщики готовили для таких заключенных рогожные мешки – безденежные зеки были обречены на смерть, иного пути для них не было...

Жизнь и смерть шли в группе Зорге рядом, как на фронте. Спасение не было запланировано судьбой ни одному человеку.

Не дожидаясь приговора Иосио Кавамура – не хватило сил, после приговора скончалась Сумио Фанакуси – ее не стало 27 февраля 1945 года, скончался Сигэо Мидзуно, дата его смерти – 22 марта 1945 года... Были и другие потери.

Материалов того, как шел процесс, протоколов заседаний, допросов свидетелей нет, и сколько ни искали их следы, не нашли ничего.

Одни утверждают, что все погибло во время жестокой американской бомбардировки, ведь тогда, в сорок пятом, в огне горели не только папки с завязками и бумаги протоколов, горели бетон, железо, кирпичи, камни... Сгорела и уникальная библиотека Зорге, чрезвычайно ценная, в ней было много редких книг по Японии, сгорели и тома дела Рамзая.

Другие считают, что все бумаги из Токио были вывезены американцами, те успешно спрятали их в глубоком секретном бункере. Ясности в этом вопросе до сих пор нет никакой, на поверхность не пробиваются даже малые сведения, это – тайна за семью печатями.

Причина, наверное, только одна – Перл-Харбор. Если бы не было Перл-Харбора, а японцы вместо него напали, скажем, на Сингапур или Сайгон, как и собирались, то и не было бы столь плотной тайны; слишком уж больно ущипнула Япония богатую и беспечную страну за толстую задницу.

Говорят, что официальная история и ее ревнители в Штатах считают Рихарда Зорге едва ли не главным своим врагом во Второй мировой войне, высказываются о нем очень сдержанно и неохотно.

Но все это – дела последующие, а пока шли заседания суда. Зорге потребовал, чтобы ему разрешили встречу с кем-нибудь из сотрудников

германского посольства. МИД, которому положено давать добро на такие просьбы, долго отмалчивался, делал непонимающую физиономию, ежился неприятно, потом, видя, что от ответа не уйти, дал добро на короткую встречу. В конце концов, это же святое дело – разрешить человеку, которого собрались приговорить к смертной казни, повидаться с кем-нибудь из своих – пусть ответит душу...

Рихарду сообщили, что просьба его удовлетворена.

Новый посол Генрих Штаммер отправил на встречу атташе полиции Мейзингера, но тот от встречи увильнул, хотя в посольстве ходил за Рихардом, будто привязанная собака, ел из его рук, пил тоже из его рук; вместо Мейзингера в суд поехал Хаммель, рядовой сотрудник посольства, человек тихий, неприметный, всегда при галстук, завязанном в крупный тугой узел, он даже спал в галстук. Зорге знал его плохо, но относился с симпатией – Хаммель не был похож ни на одного из знакомых ему фашистов.

Вид Рихарда поразил Хаммеля – Зорге был очень худ, бледен, тщательно одет, прекрасно выбрит – роскошный синий костюм его не потерял лоска даже в тюрьме, на ногах красовались тщательно начищенные туфли с малиновой искоркой, усталые красные глаза, спрятанные под модными очками в тяжелой синевато-красной оправе, были внимательны. Зорге деликатно поклонился Хаммелю.

Хаммель поклонился в ответ:

– Что вы желаете, господин Зорге?

– Желая только одного – собственно, даже не желаю, а настаиваю на этом... Моя восьмидесятилетняя мать Нина Семеновна Кобелева-Зорге ныне проживает в городе Гамбурге. О моей жизни, о работе, о том, что я делал, она не знает и не знала ровным счетом ничего, ко всем моим

делам не причастна... Не виновата ни в чем. Прошу оградить ее от преследования. Это единственное мое желание.

Хаммель пообещал передать просьбу Зорге новому послу.

– Вы плохо выглядите, – не удержался от замечания Хаммель.

– Судя по тому, что Германия проигрывает военную кампанию, вы, Хаммель, выглядите не лучше.

– Расклад пока – фифти-фифти, господин Зорге, – тихо, но довольно убежденно произнес Хаммель, – чем закончится война, неведомо пока ни одному человеку в мире.

– Во всяком случае, я сделала все, чтобы война закончилась так, как этого желает история, – сказал Зорге.

Продолжать разговор Хаммель не стал. Зорге на продолжении не настаивал. На том они и разошлись.

Уже вернувшись в посольство, Хаммель записал в своих бумагах, что Зорге «производит впечатление человека, гордого тем, что он совершил большое дело и вполне готового покинуть арену своей деятельности. Зорге откровенно и не без торжества говорил о том, что он доволен результатами своей деятельности».

Просьбу Зорге насчет матери Хаммель передал лично послу – Мейзингеру даже не стал говорить об этом, Мейзингер таких вещей не понимает, в лучшем случае он загонит старую женщину в концлагерь. Посол Штаммер, ругаясь, принял Хаммеля.

Недобро шевеля бровями, он проговорил холодным тоном:

– У таких людей, как Зорге, не должно быть матерей. Зорге – враг рейха, а у врагов рейха не может быть родителей, понятно, Хаммель? Они высказывают, как черти из табакерки. И там же исчезают.

Хаммель молча развел руки – лучше бы он пошел к советнику-посланнику

Кордту – во всяком случае, мать Зорге осталась бы жива...

Посол Штаммер сочинил гневную депешу и первым же самолетом отправил ее в Берлин.

О Зорге тем временем вспомнил сам фюрер – на совещании, которое проводил в берлинском бункере вместе с начальником штаба вермахта генерал-полковником Йодлем и рядом его заместителей. Фюрер, нервно похрустывая костяшками пальцев, – словно бы лесные орехи давил себе на утреннюю закуску, прошелся вдоль длинного, обтянутого зеленым сукном стола, затем остановился и выкрикнул, ни к кому не обращаясь:

– Ну, что там наши неверные японские друзья?

Собравшиеся молчали – непонятно было, о чем спрашивал вождь нации.

– Уточните, мой фюрер, – попросил Йодль.

– Я имею в виду коминтерновского агента, которого они изловили с помощью нашей техники, – Гитлер напрягся, вспоминая фамилию агента, в следующий миг вспомнил, память у него была хорошая, – Зорге. Что с Зорге?

– Японская сторона отказалась выдать его нам.

Фюрер недовольно пожал губами:

– Вот и держи, вот и имей под боком таких союзников, во время атаки они обязательно поползут назад. Надо сделать последний запрос. Если не отдадут – что ж, пусть занимаются этим Зорге сами. Но надо обязательно поставить одно условие – чтобы Зорге был вынесен смертный приговор. Никакого снисхождения! К этому вопросу возвращаться больше не будем, все!

***

Суд шел долго – более трех месяцев, позади осталось душное яркое

лето, и зарядили мелкие осенние дожди, своей медлительностью, упорством способные сверлить в зубах дырки, приговор должны были вот-вот вынести, но его не выносили...

Ни сам Зорге, ни его товарищи своей вины перед Японией так и не признали.

– Вы напрасно, господа судьи, обвиняете нашу группу в шпионаже. Всякий шпионаж подразумевает нанесение экономического, политического, научного, технического ущерба. Мы не принесли Японии вреда даже на полмизинца, – Зорге показал судьям палец, попилил его, – даже на четверть мизинца, мы действовали не как шпионы, а как люди, которые пытались уберечь вашу страну от войны, от беды, от боли и пожаров, от черного дыма и плача, стремились сохранить для вас солнце, – Зорге говорил так убедительно, спокойно, красиво, что в зале не было слышно ни одного звука, ни шороха, ни царапанья, ни мышинного писка под полами, собравшиеся очень внимательно слушали его, – и нам удалось это сделать, удалось! – Зорге призывно вскинул руку. – Ваша страна не разбилась о морские скалы и металл Советского Союза, люди не стали убивать людей... Мирно светящее солнце гораздо приятнее вонючего темного дыма пожаров, а смех и радостные песни детей лучше отчаянного плача и криков боли. Согласитесь с этим! – Зорге повысил голос, ему хотелось, чтобы его услышал каждый человек, сидящий в зале, и его действительно слышали все, только ни один человек не отозвался на страстную речь, Зорге улыбнулся печально: было все понятно. – Целые поколения японцев, в том числе и те, кому предстоит жить в далеком будущем, скажут нам за это спасибо. И вы скажете спасибо.

Зал молчал.

– Разве можно называть шпионом человека, который не убивает людей, а спасает их? – Зорге вновь повысил голос. – Спасает, рискуя собой?

Зал продолжал молчать.

Зорге обвел взглядом лица людей, сидящих в рядах. Неужели они не понимают это? Не может быть, чтобы не понимали. Он перевел взгляд на судью, расположившегося за председательским столом, невозмутимого, словно Будда, выставленный в храме на всеобщее обозрение – ничего не говорит Будда, но все понимает, глаза у судьи были хитрыми и в то же время равнодушными, у таких людей не бывает чувств. Судья относился к категории исполнителей, для которых приказание начальства – высшее веление, не подчиниться которому нельзя. Он расшибется, но все сделает, как велено. Значит, приговор по делу группы Зорге уже вынесен, хотя еще и не объявлен.

Так что худшее впереди. От таких людей, как председательствующий на суде, пощады ждать не следует. Эти люди беспощадны.

Гитлер все-таки вернулся к Зорге, это имя здорово засело у него в мозгу, вызывало прочное неприятие, ассоциировалось еще с чем-то, о чем он не говорил, но как бы там ни было, японские власти не сдвинулись с места ни на сантиметр, более того – не сделали даже попытки пойти с фюрером на сближение в этом вопросе... И вообще, они уходили от всех разговоров о Зорге.

Дело было в том, что в отношении Зорге у японцев имелся свой план, выполнить который им очень хотелось. Во время последней стычки потомков самураев с красными войсками в плен к нам попал не кто иной, как потомок императорской фамилии, которого микадо любил безмерно, и человека этого, отнесенного к разряду солнцеликих, надо было обязательно выручить, иначе околеет ведь

на лютых сибирских морозах. И этим вопросом активно занималось Министерство иностранных дел островов.

План японцев был бесхитростен: выменять императорского потомка на хромоногую немца, будь он не ладен, а там хромоногий пусть едет куда угодно, хоть в Амстердам, хоть в Хельсинки, хоть в Берлин, хоть вообще на Северный полюс... Главное – выручить своего.

По другим сведениям, в советском плену находились два незадачливых потомка из семейства микадо, два подполковника, были подполковники от тоски так, что в лесу даже волки поджимали хвосты: плен – штука жестокая, в нем люди не только были – на суцьях вешались.

Такой вопрос, как обмен высокопоставленных пленников, может решить только глава государства. В Советском Союзе – лишь Сталин, и больше никто.

Когда до Москвы дошло сообщение, что Зорге арестован и у японцев есть желание обменять его на двух подполковников из Квантунской армии, Сталин вытащил изо рта трубку, расправил мундштуком усы:

– На кого, говорите, японцы предлагают обменять своих подполковников?

– На Рихарда Зорге.

Сталин жестко посмотрел на начальника Разведуправления, в голове его появились неприятные пронзительные нотки.

– На Рихарда Зорге? – переспросил он. – Рихард Зорге, Рихард Зорге... – произнес Сталин задумчиво, глуховато, вновь раздвинул мундштуком трубки усы, остановил на собеседнике зрачки жестких, острых желтых глаз. – Кто это?

– Разведчик из Четвертого управления РККА, товарищ Сталин.

– Зорге, Зорге... Не знаю такого, – тихо и раздраженно произнес вождь.

– Товарищ Сталин, Зорге больше всех разведчиков передал шифровок в Центр.

– Не слышал об этом, – раздражаясь еще больше, произнес Сталин.

На самом деле Сталин и слышал о Зорге, и неплохо знал, откуда тот взялся в Четвертом управлении РККА. И шифровки, сопровождаемые уничижительными записками генерал-лейтенанта Голикова, помнил от первого слова до последнего, будто читал их только вчера: память у Иосифа Виссарионовича была отменная.

Загадочная штука происходила с вождем – вполне возможно, что с одной стороны, это была игра, с другой – обычная усталость, вызывающая во всяком человеке раздражение, с третьей – нежелание вспоминать то, что было ему неприятно, с четвертой – он, таким нелюдским способом сдавая, уничтожая людей, воспитывал кого-то из близких.

Такого Сталина – именно такого, каким он был в ту пору, побаивались и циник Черчилль, и рафинированный интеллигент Рузвельт, умерший через несколько лет на сеансе живописи у русского художника Фешина, и долговязый де Голль, для которого не было запретных тем в разговорах. Для «великой тройки» такой Сталин был недоступной, загадочной фигурой. Черчилль с Рузвельтом много раз обсуждали его, пробовали найти разгадку, но так и не нашли.

И уж тем более не могли найти разгадку те люди, которые находились рядом с ним, он был непредсказуем, а непредсказуемые особы, как ведомо, разгадке не поддаются.

Сталин холодно распрощался с начальником Разведуправления РККА, повернулся к нему спиной и двинулся к столу, заваленному картами, а через несколько часов, уже поздно вечером, вернее ночью, стрелки уже показывали без

четверти двенадцать, вызвал к себе Поскребышева, своего помощника: – Затребуйте ко мне из Разведуправления армии дело Зорге. Надо посмотреть, что это за герой.

Факт, что Сталин истребовал к себе дело Зорге и несколько дней изучал его, отмечен в записях Поскребышева. Поскребышев был аккуратным человеком, он ничего не пропускал, знал, что даже малую ошибку ему вождь не простит.

И тем не менее, когда вновь зашел разговор о Зорге, он угрюмо, немигающе, будто у него сильно болел желудок (от такого пристального, проникающего внутрь взгляда желтых глаз даже маршалы втягивали головы в плечи), посмотрел на собеседника и произнес недовольно:

– Зорге? Не знаю такого человека.

Была еще одна причина для подобного ответа. Сталин утвердил доктрину, для самого себя в первую очередь, а уж потом для своих подчиненных: Советский Союз – единственная страна мира, которая не имеет разведчиков.

Ни много ни мало – все страны мира имеют свои разведки, а Советский Союз нет, все нужные сведения он высасывает из пальца и при этом никогда не ошибается, вот ведь как, вторя Сталину, то же самое талдычили разные Мехлисы, Ворошиловы и прочие товарищи с большими звездами в петлицах, они просто голосили на всю Ивановскую: у Советского Союза, согласно существующей в государстве оборонительной доктрине, разведки нет. Нет, и все тут, господа!

На Западе, слыша такие утверждения, только посмеивались да крутили пальцами у виска...

Рамзай продолжал защищаться и защищался умно, убедительно, напористо, состязаться с ним тому же Иосикаве было трудно.

Следом за Вукеличем пожизненное заключение получил Макс

Клаузен. Судя по выражению его полного невозмутимого лица, он этому не очень-то и удивился – смирился со своей судьбой. Анна Клаузен получила три года лишения свободы.

Руководителей группы Зорге и Одзаки, как главных обвиняемых, решили оставить на закуску, с вынесением приговора задержались. А пока судьи решали судьбу других членов группы.

Тринадцать лет лишения свободы получил Сигэо Мидзуно, восемь лет – Фукасо Кудзуми, пять лет – Томо Китабаяси. Последние приговоры для рядовых членов группы Зорге были вынесены уже в январе-феврале сорок четвертого года: Иосинобу Косиро дали пятнадцать лет тюрьмы, Угэнде Тагути – тринадцать, Масадзане Яману – двенадцать лет, Сумино Фунакоси – десять лет, Тэйкити Каваи – десять лет, Кодзи Акияме – семь лет, Хитиру Кикуту – два года лишения свободы...

Несколько человек обошлись без сроков, и в этом был заложен свой смысл: уже был виден конец войны, Красная армия лупила Гитлера в хвост и в гриву.

Если бы группу Рамзая судили в сорок втором году или, того хуже, в сорок первом, сроки бы дали совсем другие, это как пить дать. А сорок четвертый – это год, когда люди готовились открывать бутылки с красным вином победы, по миру носились совсем другие ветры, и сроки давали другие.

Пока проезжали по улицам Токио, Зорге успевал увидеть в щелку волю: густой розовый цвет поздних сакур с пышными гроздьями, над которыми летали целые облака пчел, гул стоял такой, что от него можно было зажмуриться, плоские шапки деревьев, похожие на огромные зонты, яркие матерчатые навесы магазинчиков и кафе, Зорге ощущал, что у него невольно начинало щипать глаза, и тогда он

стискивал зубы – раскисать было нельзя, и уж тем более нельзя показывать свою слабость перед судьями. Из машины Зорге выбирался собранный, с жестким сосредоточенным лицом и насмешливо прищуренными глазами.

Неторопливо входил в здание суда, не обращая внимания на шагавших рядом охранников.

Кто знает, может быть, способность Зорге защищаться заставила судей вынести несколько условных приговоров либо приговоров очень мягких. Кинкадзу Сайдонд получил полтора года с отсрочкой на два года, Токутаро Ясуда – два года с отсрочкой на пять лет. Одному человеку из группы Зорге удалось обойтись вообще без судебного разбирательства. Это был Кэн Инукаи.

Рихард Зорге и Ходзуми Одзаки были приговорены к высшей мере – смертной казни. Объявили это в конце сентября сорок третьего года. Оба выслушали приговор спокойно, ничто не дрогнуло в их лицах, выдержке этих людей позавидовали и судьи, и охранники.

– Сколько времени по японским законам мне дается на апелляцию? – спросил Зорге.

– Десять дней.

Апелляцию надо было подать обязательно. И ему, и Ходзуми Одзаки. Это был шанс, надежда, что верх возьмет совесть. С апелляцией, конечно, надо было поторапливаться, но и спешить особо тоже было нельзя, чтобы не допустить какую-нибудь ошибку.

Защита опытного адвоката, его подсказки, советы, особенно в сложных вопросах (а что может быть сложнее и больнее вопроса о жизни и смерти, наверное, только вопрос бессмертия либо чести) – штука незаменимая, но если адвокат допустит ошибку, то голову сносить будут не ему, а узнику, поэтому апелляцию лучше писать самому. Адвокат Асунама пусть отдохнет.

Зорге обложился книгами. Адвокат принес ему последний справочник по уголовному праву, изданный в Японии, самый новый, новее не было.

Мотив апелляции был знакомый, верный и главное – испробованный на судьях. В нем, собственно, была сокрыта правда: Зорге со своей группой не принес никакого вреда Японии.

Первый вариант апелляции был возвращен: Рихард перепутал на типографском бланке две разные графы – место рождения и страну, гражданство которой он имеет. Ошибка, конечно, незначительная, это была даже не ошибка, а скорее описка, но ее с лихвой хватило для того, чтобы бумага вернулась из канцелярии обратно, Зорге повертел ее в руках, удивляясь ретивости чиновников, выполнявших чей-то приказ, сделал второй вариант апелляции.

Второй вариант постигла судьба первого – он также был возвращен в двадцатую камеру. А время уже поджимало, срок пропустить было нельзя, и Зорге, уже с помощью Асунамы сочинил третий вариант.

– А что, разве второй вариант был так плох, что ему уготовили судьбу обычной мусорной бумажки, которой место только в корзине? – спросил Зорге у Асунамы.

– Второй вариант был нормальный, Рихард. Тысячи апелляций, сочиненных во много раз хуже, проходят, а тут... – адвокат непонимающе пожал плечами.

– Так что же случилось?

– Не знаю. Это какая-то игра... Может быть, к юриспруденции даже не имеющая никакого отношения.

Зорге не выдержал, усмехнулся, а что ему оставалось делать? Только усмехаться.

– Скорее всего, так оно и есть, – сказал он.

Третью апелляцию приняли. Только министровский чиновник – сытый, щекастый, довольный тем,

что служит своей великой родине, повертел бумагу в руках, пошуршал ею и сказал, ни к кому не обращаясь:

– Апелляция подана с опозданием на сутки.

В следующий миг он не удержался, на лице его расплылась довольная, ничем не сдерживаемая улыбка. Он шлепнул на бумагу штамп, нарисовал пару иероглифов и сделал небрежный жест рукой, отпуская адвоката Асунаму.

***

Утром 7 ноября Зорге встал рано: сегодня в России праздник, который отмечают и старые, и малые, точнее будут отмечать: ведь отсчет времени идет с Японии, с этих мест, потом перекинется на Владивосток, с Владивостока еще дальше, дальше и дальше, пока не дойдет до Москвы. Страна, ставшая его родиной, размеры имеет такие, что ни один ум не может охватить их, и все это – его родина, а если быть точнее – полуродина... Хотя почему отец у него немец? Но родился-то Рихард в России!

Улыбка тронула сухие твердые губы Зорге.

Завтрак был обычным – состоял из смеси баланды с воздухом и добавлением крохотного кусочка лепешки, которым даже голубя не накормишь.

Утро над Токио занималось сумеречное, холодное, в воздухе поблескивали тусклые сверкушки, какие всегда появляются в ноябре перед непогодой. Позавтракав, Зорге помял пальцами себе спину, помассировал поясницу – есть там нервные окончания, позволяющие держать тело ровно, затем тщательно растер затылок, чтобы снять тупой звон, возникший в голове, на затылке существует несколько точек, которые этот звон снимают. Закончив

«медицинские процедуры», Зорге уселся за крохотный столик, на который пришлось выклянчивать разрешение, и разложил бумаги.

День не должен пропасть, несмотря на противное двоение в глазах, далекий чугунный гуд, не желающий исчезать из головы, и изнуряющую слабость – то ли от недоедания это, то ли еще от чего-то. Похоже, в нем сходит на нет нечто такое, что позволяет человеку держаться на ногах, быть в сборе, сцеп какой-то, связка...

Он посидел несколько минут неподвижно, потом окунул перо в старую чернильницу-непроливайку (карандаши ему Юсикава разрешил заменить на чернила), проверил на бумаге, как перо пишет. Писало плохо – мешали застрявшие бумажные остья. Зорге ухватил их щепотью, навел порядок, очистил острие – ручка ведь у журналиста все равно, что серп у сборщика ячменя, рабочий инструмент всегда должен находиться в порядке.

Вдруг что-то насторожило Зорге, он отодвинул от себя бумагу и поднял голову – в воздухе словно бы раздался резкий хлопок, какой бывает, когда человек нажимает на курок пистолета.

На душе вдруг сделалось неспокойно – такое, собственно, у него случалось и раньше. Стало ясно – в тюрьме Сугамо что-то происходило... Но что именно? Внутри родилась нервная дрожь, Зорге очень быстро подавил ее – на это силы еще оставались.

В следующее мгновение он понял, в чем дело и что произойдет дальше. Любовно, почти трепетно огладал рукопись пальцами, расправил верхнюю страницу, прижал ее кулаком посильнее, так, что в рукописи осталась вмятина. Жаль, что ему не удастся закончить эту работу.

Зорге аккуратно стопкой, листок к листку, собрал приготовленные

к работе наброски, подправил края, сверху поставил чернильницу-непроливашку. Придвинул стопку – это были всего лишь черновики, рабочие заготовки к рукописи, покачал с сожалением головой. У этой рукописи в связи со сложившимися обстоятельствами обязательно должен быть соавтор, продолжатель, но кто станет им?

После странного хлопка в тюрьме сделалось тихо. Раньше никогда в этот час в Сугамо не было так тихо – обязательно раздавался топот на этажах, что-то падало, потом с криками водружалось на место, доносилась крутая ругань, ее забивали чьи-то отчаянные взвизгивания, кто-то кого-то бил, словом, шла обычная тюремная жизнь, а сейчас все это исчезло куда-то. Было тихо, словно бы тюрьма Сугамо наполовину опустела.

Рихард подумал о том, что сегодня праздник – седьмое ноября, день революции, свершившейся в России. По-разному относятся люди к этому празднику, Зорге знал тех, кто проклинал его, как и тех, кто превозносил «красный день календаря» до небес.

Сам он относился к празднику седьмого ноября без особого восторга, хотя если бы ему предложили поставить этому дню знак минус или плюс, он поставил бы плюс. Есть жесткое выражение: «революция пожирает своих детей», есть, но не все революции этим бывают заняты: либо зубы в драке выбили и есть нечем, или где-то в мозжечке что-то сработало, одна химия столкнулась с другой, и начало вырабатываться тепло, не позволяющее вообще есть кого-либо.

Зорге был сторонником революций второго типа.

В Москве сейчас, наверное, трещит морозец, Катя находится на заводе, горожане достают из зачачек последние запасы спиртного – праздник же! – со стен домов свешиваются красные флаги.

В дальнем коридоре длинного тюремного здания появилось несколько человек, шагали эти люди неторопливо, с достоинством, лица их были железными, важными, к ним была прочно припечатана маска некой торжественной возвышенности, что ли, чего-то такого, что было непонятно простым людям.

Начальник тюрьмы Итидзима, штатный священник, чью служебную комнату иногда использовали как помещение для свиданий – она одна во всей тюрьме Сугамо подходила для этого, поскольку единственная, пожалуй, несла на себе отпечаток уюта, чего-то человеческого. Рядом со священником шагали сотрудники Министрства юстиции, Токийского суда, полиции «кемпетай», еще несколько человек. Но хозяином в этой недоброй процессии был начальник тюрьмы. В некотором отдалении от процессии, почти склонившись, следовали еще трое – офицеры из тюремной obsługi.

Около камеры номер двадцать процессия остановилась. Начальник тюрьмы оглядел всех – никто не отстал? – потом от сурово повзвизгивавшей охалки ключей отделил один, с длинным тощим туловом, к которому была прикручена бирка с номером. Аккуратно, словно бы боясь сломать казенное имущество, вставил ключ в замочную скважину, с глухим костяным хрустом повернул.

Узник камеры номер двадцать встретил непрошенных гостей стоя. Судя по лицу его, по жестким желвакам, вспухшим на щеках, узнику все было понятно – и кто к нему пришел, и с какой целью, он знал даже, какие слова сейчас будут произнесены.

Чтобы лучше видеть гостей, Зорге надел очки – те самые, пижонские, в роскошной малиновой оправе, не обратить внимание на которые было нельзя.

– Ну и что означает этот ранний визит, господа? – насмешливым тоном поинтересовался Зорге.

Начальник тюрьмы был обязан соблюдать протокол, он поджал нижнюю губу и спросил:

– Ваше имя, фамилия, заключенный?

– Рихард Зорге.

Начальник тюрьмы покашлял в кулак, словно бы хотел проверить ответ по бумажке, которая у него имелась, но доставать бумажку не стал, вновь поджал нижнюю губу:

– Ваш возраст?

– Сорок девять лет.

– Вы женаты?

– Женат.

На этот раз начальник тюрьмы достал из кармана бумажку, что-то отметил в ней, неудовлетворенно пожевал ртом.

– У вас есть дети?

– Нет.

Начальник тюрьмы сделал новую отметку в бумажке. Похоже, сверял одну бухгалтерию с другой. В следующий миг выпрямился торжественно, горделиво, словно бы вел заседание парламента Японии, и произнес громко:

– Токийским судом вы приговорены к смертной казни через повешение.

– Я знаю, – спокойно отозвался на это Зорге.

– Верховный суд империи апелляцию отклонил.

– И это знаю, – голос Зорге как был ровным, так и продолжал оставаться ровным, ничто в нем не дрогнуло.

– Приговор должен быть приведен в исполнение 7 ноября 1944 года, то есть сегодня, – начальник тюрьмы пожевал губами и добавил тоном, лишенным всякого выражения: – Сейчас.

Как всякий тертый калач, начальник тюрьмы видел на свете многое – наверное, на четыре биографии обычного человека хватит,

но никогда еще не видел, чтобы узник так спокойно, отрешенно реагировал на сообщение, которое другого вогнало бы в столбняк. Зорге глянул внимательно в глаза начальнику тюрьмы, засек там сожалеющие далекие огоньки – совершенно крохотные, не больше металлических блесков, сорвавшихся с напильника, поинтересовался тихим голосом:

– Я хочу переодеться. Можно? Дайте мне несколько минут.

– Конечно, конечно, – потерял свой размеренный ритм начальник тюрьмы, заторопился: – Пяти минут вам хватит, герр Зорге?

– Мне хватит трех минут.

Ровно через три минуты Зорге предстал перед «смертной» комиссией совсем в другом облици: это был высокий, очень подтянутый, сильный человек, в котором ничего не оставалось от узника. Члены комиссии переглянулись – не ожидали увидеть такое разительное преображение.

Костюм и обувь находились у Рихарда в камере – одежда была выдана ему специально для посещения заседаний суда. А там бывал разный народ, на одно из заседаний пригласили даже двух иностранных журналистов, поэтому не в интересах японцев было выставлять Рихарда в тюремном тряпье. После суда, когда Рихард и Ходзуми Одзаки подавали апелляции, костюм оставался у Зорге в камере – на всякий случай.

Рукопись свою, стопку черновых набросков Зорге накрыл чистым листом бумаги, огладила ладонью: жаль, остается незаконченной работа, которой он отдал много сил. Но уже ничего не поделаешь. Поздно говорить о ней. Соавтор, конечно, вряд ли появится, будет теперь рукопись пылиться в шкафу у начальника тюрьмы, либо у малообразованных следователей типа Оохаси или Аоямы, а потом пропадет вовсе. Что сделать для того, чтобы

рукопись эта сохранилась, не пропала, а угодила к другим людям, образованным, ученым, которые в конце концов довели бы ее до ума, использовали материал, собранный им, Рихард не знал. Он прощально оглядел свою камеру и вышел в коридор:

– Я готов.

О чем Зорге думал в эти минуты, вряд ли кто когда узнает, это умерло вместе с ним, но он был более живым, более нацеленным на жизнь, чем вся комиссия, пришедшая к нему, вместе взятая. Это было видно по лицу Рихарда.

Он шел по коридору первым, ни одного охранника рядом с ним не было – охранники топали башмаками в конце процессии. По лестнице Зорге спустился вниз, за ним – сопровождающие, по дороге к процессии присоединились еще два каких-то чина в мятых форменных костюмах. Зорге не выдержал, усмехнулся – когда рядом собираются целые театральные ряды, то и умирать, наверное, бывает легче. Хотя умирать ему придется все же одному. Все остальные – зрители.

Под подошвами башмаков потрескивали кусочки бетона. Тюремный служка в форменной фуражке, стоявший у входа, поспешно ухватился пальцами за ручку и распалхнул дверь.

В лицо Зорге ударил свет. Много света, в глазах у Зорге миготом потемнело – такой свет может ослепить кого угодно, не только человека, только что покинувшего тюремную камеру. Зорге решительно переступил через порог.

В стене противоположного блока, такого же неухоженного, облупленного, как и блок, в котором сидел Зорге, была приоткрыта дверь – темный мрачный прямоугольник. Зорге, не раздумывая, направился к нему, – собственно, он находился в том состоянии, когда люди не раздумывают,

для этого нет ни возможностей, ни времени, ни душевных сил, сопровождающие, стараясь не отставать друг от друга, направились следом.

Зорге вошел в приоткрытую дверь противоположного блока и лицом к лицу столкнулся со священником – похоже, также штатным. Непонятно только было, что это за священник: то ли синтоистский, то ли буддистский, то ли еще чей-то... О существовании универсальных священников Зорге никогда не слышал, да и грех это великий – заставлять одного человека представлять сразу несколько религий, отпускать грехи и протестантам, и мусульманам, и буддистам, и синтоистам, и вообще людям без веры.

Рихард мог бы обойтись без священника, но решил не ломать традиции, да и лицо у священника было приветливым, сочувствующим.

И одеяние на священнике было неведомо каким, хотя и с японскими иероглифами.

– Кого вы желаете известить о своей смерти, сын мой? – сжав в кулак жидкую бородку, спросил священник. Во взгляде его не было ни любопытства, ни пытливости – только сочувствие, да еще – усталость.

– Никого, – спокойно отозвался Зорге.

– Как вы желаете распорядиться своим имуществом?

Зорге вспомнил о рукописи, оставшейся лежать на столике в камере – неплохо бы ее завещать кому-нибудь, но только вот кому? Он подумал, что без него вряд ли кто доведет рукопись до конца, а раз так... Он не стал говорить о рукописи священнику.

Все остальное, вроде малиновых очков и модных туфель, очень скоро сгниет, поэтому Рихард медленно покачал головой, отказываясь от всего, что у него было:

– У меня нет имущества.

Священник понимающе кивнул и начал говорить о высшем блаженстве, которое приходит к каждому человеку, переступившему грань, отделяющую жизнь от смерти, произносил какие-то затертые слова, которые Зорге много раз слышал, присутствуя на разных панихидах, попытался подумать о чем-нибудь своем, но ничего в голову не приходило.

Была еще тревога, она сидела внутри и казалась сейчас Зорге странной, даже очень странной: ну что перед смертью может быть страшнее смерти, какая может быть тревога на грани между бытием и небытием. Во взгляде священника неожиданно появилось любопытство, которого раньше не было – похоже, он что-то уловил в глазах Зорге, в самих зрачках.

– Позвольте мне задать вам один вопрос? – негромко произнес Зорге.

– Задавайте, – разрешил священник.

– Какова судьба моих товарищей, арестованных вместе со мною?

Священник вопросительно глянул на начальника тюрьмы, тот разрешающе наклонил голову, давая понять: сейчас можно говорить обо всем.

– Кого конкретно вы имеете в виду? – спросил священник.

Рихард понял, что, несмотря на разрешение начальника тюрьмы, вряд ли священник скажет что-либо обо всей группе, да и не знает он ее, поэтому назвал только одно имя:

– Ходзуми Одзаки.

Священник неожиданно вздохнул, потом, вытянув перед собой кисть левой руки, посмотрел на часы, прикрепленные черному лаковому ремешку. Произнес тихо, бесцветным ровным голосом, будто находился на том свете:

– Сорок шесть минут назад, в десять часов пятьдесят одну минуту приговор в отношении господина Одзаки был приведен в исполнение.

В горле Зорге что-то скрипнуло – сил не хватило сдержаться: это было очень похоже на замороженный плач, словно бы внутри у Рихарда что-то сломалось.

Священник молчал, процессия, сопровождавшая начальника тюрьмы, тоже молчала – даже дыхания этих людей не стало слышно, и Зорге молчал. Скрип, сидевший у него внутри, повторился, Зорге стиснула зубы и произнес ровным спокойным голосом:

– Позвольте еще один вопрос?

– Пожалуйста, – священник вежливо наклонил голову.

– Смогли ли немцы оккупировать Советский Союз?

Священник вновь смятенно посмотрел на начальника тюрьмы. У того выпятилась нижняя губа, словно бы он собирался сказать что-то важное, в следующее мгновение он разрешающе наклонил голову, но смятение не исчезло с лица священника: он не знал, как ответить на этот вопрос, какие тряпичные, аморфные слова подобрать, чтобы за них потом не получить нагоняй от начальства.

Процессия тем временем увеличилась, появились люди, чьи лица следовало бы запомнить на всю жизнь, но Зорге уже выплеснул их из своей памяти, навсегда выплеснул, – Оохаси и Аояма.

– В России германских войск уже нет, – в гробовой тишине произнес священник и, качнув головой, словно бы она была непосильна для его худого тела, посмотрел на начальника тюрьмы, потом на Зорге.

От смертника перед приведением приговора в исполнение может последовать любая реакция – любая, кроме одной: безмятежно удовлетворенной улыбки. Зорге улыбнулся широко, лучисто, будто ребенок, которого одарили дорогой игрушкой. Священник опустил голову – человек, стоявший перед ним, был, похоже, сильнее людей, собравшихся в этих бетонных стенах.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904–1905 ГОДОВ ГЛАЗАМИ ДЖЕКА ЛОНДОНА

Из книги «С прадедом на Русско-японской войне»

АЛЕКСАНДР ПАЛЛАДИН

В американском городе Портсмут 120 лет назад, 5 сентября (здесь и далее – по новому стилю) 1905 года, подписали соглашение, поставившее точку в длившейся полтора года Русско-японской войне. В ней, по разным подсчетам, погибло от 49 до 80 тысяч японских и от 31,5 до 52 тысяч русских военнослужащих. В их числе был мой прадед, зауряд-прапорщик 12-го пехотного Великолуцкого полка Афанасий Иларионович Решетников.

Та война стала первой в истории человечества, получившей широкое освещение в мировой прессе. В расположении русской армии перебывало без малого полторы сотни военкоров – 102 отечественных плюс 41 из Великобритании, США, Франции, Германии, Италии и ряда других стран. В Токио же уже к началу марта 1904 года съехалось до полусотни иностранных журналистов,

Джек Лондон

в основном – англичан и американцев. Ныне их имена бывшем поросли, кроме одного – Джека Лондона.

Американские исследователи до сих пор гадают, что побудило его отправиться на ту войну в качестве спецкора газеты «Сан-Франциско экзаминер». Ее издавал Уильям Рэндольф Херст, деливший с Джозефом Пулитцером титул короля «желтой прессы».

«Мог поехать туда от журналов “Харперс” или “Кольерс”, но наилучшее предложение мне сделал Херст», – признался Лондон в одном из писем друзьям.

Незадолго до этого он ушел от жены к Чармиан Киттредж. Та впоследствии в своих мемуарах пояснила: «Джек, заканчивавший роман “Морской волк” и, как всегда, нуждавшийся в деньгах, принял предложение отправиться в Японию от газеты “Экзаминер”. Он торопился закончить

книгу и устроил свои денежные дела так, чтобы супруга (первая жена – А. П.) и дети получали твердое месячное содержание». Забегая

вперед, добавлю: Лондон, человек левых взглядов, своим убеждениям не изменил и ту войну освещал как схватку двух империалистических держав.

7 января 1904 года вместе с группой других журналистов он отплыл из Сан-Франциско в Йокогаму на борту парохода Siberia.

Пять дней спустя посреди Тихого океана Лондон отметил свое 28-летие. Когда Siberia бросил якорь в Йокогаме, его попутчики отправились в столицу Японии, а он задержался в городе, где побывал десятью годами ранее, занимаясь добычей морских котиков. Обойдя все знакомые питейные заведения, он не выпускал из рук «Кодак» (знаменитый писатель был одним из ведущих фотожурналистов того времени).

Через пару дней Джек тоже приехал в Токио. Разместив зарубежных военкоров в лучших гостиницах, местные власти всячески их ублажали: возили на экскурсии,

устраивали банкеты и развлечения с гейшами, организовывали пресс-конференции и интервью с членами кабинета министров. Но в Корею, где вот-вот должна была высадиться японская армия, журналистов под разными предлогами не пускали, да и в целом держали на голодном информационном пайке.

В отличие от коллег, Лондон не стал ждать у моря погоды и 27 января тайком сел на поезд до Кобе, откуда надеялся на каком-нибудь судне добраться до Кореи. В Кобе, однако, «попутку» он не нашел. То же самое повторилось в Нагасаки. Наконец, в Моджи ему удалось достать билет на пароход, чтобы 1 февраля отправиться в Пусан. Перед отплытием Джек решил побродить по городу и пофотографировать, но напоролся на стражей порядка, принявших его за лазутчика.

Из его корреспонденции «Джек Лондон в японской тюрьме»: «Поднялась суматоха. Полицейские тараторили, перебивая друга друга, и бегали туда-сюда. Местные жители, словно мухи, облепили двери и окна, чтобы поглазеть на “русского шпиона”. Сперва это выглядело довольно занятно».

Вскоре, однако, Лондону пришлось вспомнить, как в 19-летнем возрасте он отсидел 30 дней за решеткой по обвинению в бродяжничестве (см. его рассказ «Сцапали!»). Японцы доставили его в полицейский участок, где подвергли многочасовому допросу. Первым делом спросили: «Ваше звание?».

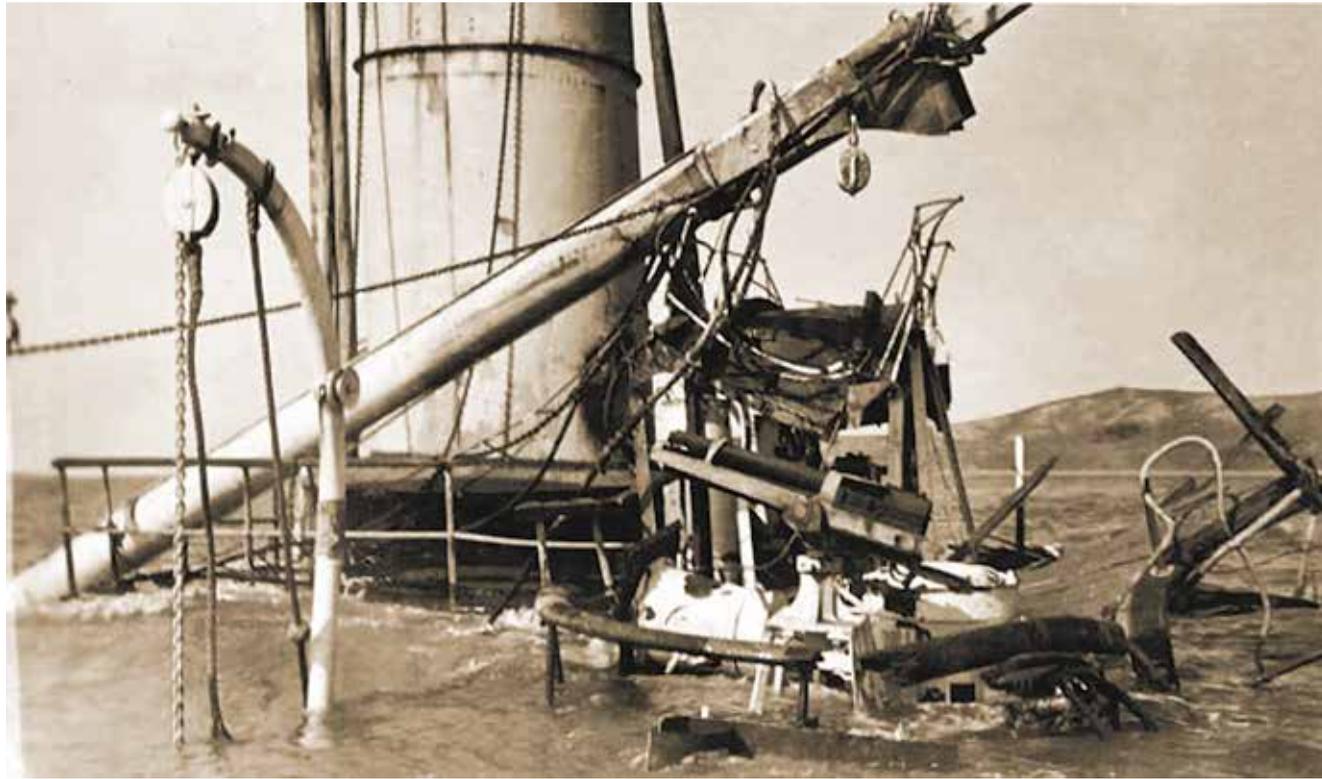
В результате Лондон упустил свой пароход, несколько дней провел под арестом, был оштрафован и лишился «Кодака». Выручил его американский посланник в Токио Ллойд Гриском. Тот обратился к японскому министру иностранных дел барону Комуре:

– Нельзя ли вернуть мистеру Лондону конфискованный у него фотоаппарат?

– К сожалению, это невозможно: все изъятое у арестованного в момент задержания по нашим законам считается орудием преступления и поступает в доход государства.

– А если я назову преступление, которое выпадает из общего правила, Вы вернете фотокамеру?

– Хорошо, я так и сделаю.
– Как насчет изнасилования?
Комура расхохотался и велел отдать Джеку Лондону его «Кодак».

«Кореец»

8 февраля, за сутки до морского сражения у Чемульпо¹, туда из расположенного рядом с Моджи города Симоносеки должен был отплыть пароход «Кэйго мару», но японские военные забрали его для собственных нужд. Лондон тогда взял билет третьего класса на судно, шедшее не в Чемульпо, а в Пусан (находится в противоположной части Кореи).

В Пусане другой пароход, которым американский журналист надеялся добраться до Чемульпо, тоже забрали японские власти. Пришлось продолжать путь вдоль побережья Кореи на перекладных: до Мокпхо – на еще одном пароходе, где и его конфисковали японцы, а потом – на арендованных Лондон парусных лодках с корейскими рыбаками. То, что ему довелось пережить, под стать приключениям

(и злоключениям) героев его «Северных рассказов».

«Видела бы ты меня сейчас, – писал он Чармиан. – Я – капитан джонки с экипажем из трех корейцев, не говорящих ни по-английски, ни по-японски. С нами пять оставшихся пассажиров – японцев, не говорящих ни по-английски, ни по-корейски (только один знает пару дюжины английских слов). С этими полиглотами мне придется преодолеть не одну сотню миль вдоль корейского побережья».

В ночь на 9 февраля, пока Лондон в зимнюю стужу на утлом, открытом всем ветрам суденышке пробирался по Желтому морю к Чемульпо, японский флот внезапно атаковал Порт-Артур. Несколько часов спустя в самом Чемульпо «Варяг» и «Кореец» вступили в бой с японской эскадрой. Лондон же,

не имея об этом ни малейшего представления, был лишь в начале пути к своей цели. Из его писем Чармиан: «11 февраля. Я на другой джонке. Над Желтым морем ревет ветер, хлещет дождь. День и ночь плыли в Кунсан. Один человек у румпеля, по одному у каждого паруса, четыре перепуганных японца и пятый, настолько страдающий морской болезнью, что не в силах даже бояться. До Кунсана добрались к ночи, потеряв мачту и сломав руль. Прибыли под проливным дождем, секшим как нож. Зато потом поглядела бы ты, как комфортно я устроился на ночь. Пять японских девушек помогли мне раздеться, искупаться и лечь в постель. При этом я принимал посетителей – и мужчин, и женщин. Наутро – то же самое. Мэр Кунсана, начальник полиции и другие

местные шишки навещали меня, пока я брился, умывался, одевался и ел. Проводить меня пришла вся городская знать, без конца выкрикивая: «Сайонара» («Прощайте! – А. П.).

Новая джонка, управляемая пятью японцами, из которых ни один не знает ни единого английского слова, плывет по воле ветра вдоль корейского побережья. Земля покрыта снегом вплоть до уреза воды. Печек, чтобы согреться, нет, только грелки для древесного угля, а в них несколько угольков.

13 февраля. Никак не думал, что такая убогая лодка, как сампан, выдержит то, что выпало на ее долю. Буря и снег, холодырага такая, что замерзает даже морская вода. Джонки совсем старые – все время что-нибудь рвется. Как только на них ходят по морю?

15 февраля. Всю ночь ужасно штормило. От дикой головной боли я чуть не ослеп. Воскресенье мы провели в рыбацкой деревушке. Ночью мои пять матросов, я и около 20 мужчин, женщин и детей спали вповалку в одной комнатухе с полом величиной с двухспальную кровать. В полночь я показал одному старику свои вставные зубы, и он разбудил весь дом. Потом, должно быть, ему стали сниться кошмары: в три утра он подполз ко мне, разбудил и попросил показать еще разок».

Когда в конце концов 16 февраля Джек Лондон добрался до Чемульпо, познакомившийся с ним на борту Siberia фотокор журнала «Кольерс» Роберт Данн едва его узнал. «Он превратился в развалину, – напишет Данн в своем репортаже «Джек Лондон страха не ведает», напечатанном 26 июня

1904 года. – Он обморозил уши, пальцы и ноги. Но он сказал, что это все его не волнует, раз он попал-таки на фронт. Он герой под стать любому персонажу его романов и повестей. Ему неизвестно чувство страха. Ради дела он готов рискнуть жизнью».

В Чемульпо Лондон наконец-то узнал, что война, на которую его командировали, началась неделей раньше и что в первый же ее день на внешнем рейде этого корейского города после скоротечного боя с японской эскадрой русские моряки, не желая сдаться, затопили «Варяг» и «Кореец», а также принадлежавшее КВЖД² торговое судно «Сунгари». Опоздав к началу войны, Лондон счел тем не менее нужным осмотреть место морского сражения, память о котором жива до сих пор в сердцах русских людей. «Меня приветствовали мачты и трубы затонувших в гавани кораблей», – сделал он запись в своем дневнике, сфотографировав останки «Варяга», «Корейца» и «Сунгари».

Через несколько дней, стремясь догнать двинувшуюся из Кореи в Маньчжурию японскую Первую армию, Лондон оказался в Сеуле. В корейской столице, впрочем, он пробыл недолго и 4 марта очутился в Пхеньяне. Из его письма Чармиан: «Преодолею 180 миль верхом. У меня одна из лучших лошадей в Корее, принадлежавшая русскому посланнику в Сеуле до его отъезда».

Речь шла об Александре Ивановиче Павлове и его кобыле по кличке Belle (Красотка). Из-за нее через несколько месяцев Лондон угодит в новую заваруху, после чего будет вынужден вернуться в США.

Прежний же хозяин Красотки 12 февраля 1904 года в связи с Русско-японской войной вместе с другими российскими дипломатами покинул Сеул.

Неделей раньше в интервью военному корреспонденту лондонской газеты «Дейли мейл» А. И. Павлов сделал странное заявление (то ли, как у дипломатов водится, блефовал, то ли в самом деле разделял точку зрения большинства российских чиновников того времени): «Войны не будет. А если она и случится, то кончится тем, что японцы потеряют свой флот и получат таким образом повод просить мира». Из Сеула Павлова перевели в Шанхай, где он в кратчайший срок, с нуля создал секретную службу, которой поручили «организовать и объединить» всю разведывательную и контрразведывательную работу на Дальнем Востоке. С этой задачей он справился настолько успешно, что кое-кто из современных исследователей Русско-японской войны называет его предтечей Рихарда Зорге.

Лондон же 4 марта отправил в «Сан-Франциско экзаминар» примечательный репортаж: «Не знаю, есть ли еще в мире столь же дисциплинированные солдаты, как японцы. Наши, американцы, давно бы перевернули Сеул вверх дном, но японцы к разгулу не склонны. Они убийственно серьезны. Вот как о них отзывался генерал Аллен³: «Японская пехота не уступает никому. Она отлично себя проявит». Они маршируют без видимых усилий в сорокадвухфунтовом⁴ снаряжении: не сутулятся, не волочат ноги, никто не отстает. Так шагает вся японская армия, так шагает каждый отряд. Японцы – нация воинов, и их пехота выше всяких похвал».

¹ В нем русские крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» дали бой японской эскадре, состоявшей из 6 крейсеров и 8 миноносцев.

² Китайско-Восточная железная дорога, магистраль, проходившая по территории Маньчжурии и соединявшая Читу с Владивостоком и Порт-Артуром.

³ Генерал-майор армии США Генри Аллен был прикомандирован к японской армии в качестве наблюдателя.

⁴ Чуть больше 19 килограммов.

Лондон обратил также внимание на оснащённость японской армии: флот – по английскому образцу, сухопутные силы – по немецкому. «Японцы, – констатировал военкор “Сан-Франциско экзаминар”, – сумели использовать все достижения Запада».

Таким образом, в оценке японской армии Джек Лондон проявил куда большую трезвость и проницательность, чем многие русские специалисты разного ранга, включая военного министра, а затем – главнокомандующего Маньчжурской армией генерала А. Н. Куропаткина.

5 марта – корреспонденция Лондона из Пхеньяна: «Первое сухопутное сражение! Первая стычка японцев и русских на суше, первые прозвучавшие выстрелы – это Пхеньян, утро 28 февраля».

Передовой отряд русских казаков, переправившийся через Ялу⁵ в районе Вижу, прошел 200 миль на юг по корейской территории, чтобы выяснить, насколько далеко

японцы продвинулись на север. Три американца, вывозившие женщин с приисков американской концессии в 50 милях к востоку от Анджу, встретились с этим отрядом на главной Пекинской дороге. Они ехали вместе с ними целый день и утверждают, что казаки – brave солдаты. Один из американцев дал казаку табак и бумагу. Тот, сидя в седле, только принялся делать самокрутку, как прозвучала команда: «В галоп!». Табак и рисовая бумажка тут же полетели в дорожную пыль».

Завидуя Лондону, его застрывшие в Токио коллеги стали требовать от японского МИДа отправки в Корею. В конце концов они своего добились, а тем временем японские власти решили приструнить Джека. 9 марта 1904 года он записал в своем дневнике: «Нас задержали японские солдаты, не желающие пропустить нас на север...»

“Японское консульство – мистеру Джеку Лондону.

Сэр! Имею честь известить вас, что вы должны оставаться здесь,

пока войска генерал-майора Сасаки не пройдут на север.

С. Чиндзо, японский консул”. Это – один из полученных мною приказов. Он был написан вчера в Пхеньяне, но я уже нахожусь к северу от него, опередив генерала Сасаки. Послушайся я первого приказа, торчал бы сейчас в Токио, где торчат 50 других военкоров. Я – единственный журналист, пробравшийся так далеко».

И все же 20 дней спустя Лондону пришлось-таки вернуться в Сеул: «Ни одного корреспондента на фронт не пускают. Японцы не позволяют нам увидеть войну».

Возмущение таким положением вещей продолжало в нем нарастать: «Буду телеграфировать Херсту, чтобы прислал на мое место кого-то другого».

Наконец, в середине апреля Лондон вместе с японской армией двинулся в Маньчжурию и 1 мая 1904 года стал очевидцем первого в той войне крупного сражения на суше. В своих публикациях он именует его битвой на реке Ялу, а в нашу историю оно вошло под названием Тюренченского боя.

Вместе с другими иностранными журналистами и военными специалистами, прикомандированными к японской 1-й армии, Лондон увидел, как японцы, имевшие трехкратное превосходство в живой силе (60 тысяч против 20 тысяч) и еще большее – в артиллерии, нанесли нашим предкам поражение, воюя не только числом, но и умением. В своем репортаже с места события он упомянул искусную маскировку японцев: «О японских позициях нам было известно даже меньше, чем русским, которые залегли на противоположном берегу». В том бою, добавил Лондон, «были захвачены в плен 400 русских, 28 орудий и несколько обозов».

В его фотоархиве много снимков трофеев, добытых японцами в том бою, и немало фотографий попавших в плен наших солдат.

Из того же репортажа Джека Лондона: «Я ехал мимо мертвых и раненых японцев на дороге и испытывал ужас при виде военных бедствий».

К этому моменту я уже несколько месяцев жил среди азиатских солдат. Лица вокруг меня были азиатскими, кожа – желтой и смуглой. Мой разум привык принимать как должное, что здесь у военнослужащих глаза, скулы и цвет кожи отличаются от глаз, скул и цвета кожи людей моей расы.

И вот я въехал в город. В окна большого китайского дома с любопытством заглядывало множество японских солдат. Придержав лошадь, я тоже с интересом заглянул в окно. То, что я увидел, меня потрясло. На меня смотрел белый голубоглазый человек. Он был грязен и оборван. Он побывал в тяжелом бою. Его глаза были светлее моих, а кожа – такой же белой.

С ним были другие белые – много белых мужчин. У меня перехватило горло. Я чуть не задохнулся. Это были люди моего племени.

Я внезапно остро осознал себя чужаком среди смуглых людей, которые вместе со мной глазели в окно. Я почувствовал странное единение с людьми в окне. Я почувствовал, что мое место – там, с ними, в плену, а не здесь, на свободе, с чужаками.

В глубокой тоске я повернулся и поехал вдоль Ялу в город Аньдун. На дороге я увидел пекинскую повозку, которую тащили китайские мулы. Рядом с повозкой шли японские солдаты. Был серый вечер, и все вещи на повозке были серы – серые одеяла, серые куртки, серые шинели. В груди серой ветоши я разглядел светлую голову, только волосы и лоб (лицо было закрыто). Из-под шинели высовывалась голая нога, судя по всему,

крупного человека – белая нога. Она двигалась вверх-вниз вместе с подпрыгивающей двухколесной повозкой, отбивая непрерывный, монотонный такт, пока повозка не скрылась из виду.

Позже я увидел японского солдата на русской лошади. Он нацепил на свой мундир русскую медаль и был обут в русские офицерские сапоги. Я тут же вспомнил ногу белого человека на той повозке.

В штабе в Аньдуне японец в штатском обратился ко мне по-английски. Он говорил о победе и весь сиял. Я ничем не выдал ему своих сокровенных мыслей, а он сказал при прощании:

– Ваши люди не думали, что мы сможем победить белых. Теперь мы победили белых.

Он сам сказал «белые», и пока он говорил, я снова видел перед собой белую ногу, отбивавшую такт на подпрыгивавшей повозке».

Три недели спустя Джек Лондон послал Чармиан очередное письмо из Маньчжурии:

«Штаб японской 1-й армии. Фенванчен (Маньчжурия), 22 мая.

Душа не лежит что-либо писать – так мне опостытело пребывание здесь. Война? Вздор! Опишу-ка лучше свою повседневную жизнь.

Я живу среди великолепных сосен на великолепном склоне холма. Рядом храм. Чудесная летняя погода. Рано утром я просыпаюсь под пение птиц. Кукуют кукушки. В 6-30 бреюсь. Тем временем мой корейский слуга готовит завтрак, а мой переводчик чистит мне сапоги и ждет указаний.

В 7 завтракаю, затем пытаюсь сочинить хоть что-нибудь для “Экзаминар”. Иногда делаю снимки, которые не могу отослать: цензор не пропускает непроявленные фото, а у меня нет ничего для проявки.

Мне разрешили ездить верхом в штаб (японской 1-й армии – А. П.) в Фенванчене (меньше чем в миле отсюда). Могу также выезжать за город в радиусе чуть больше мили. Ни на одной войне с корреспондентами не обращались так, как сейчас. Комедия, да и только!

Днем мы плаваем в прекрасном озере, где нам с головой. А вечером у костра проклиная Бога, судьбу,

⁵ Река на границе Кореи с Китаем. Нынешнее название – Ялуцзян.

разные народы и разные вещи, которые я не стану упоминать из-за цензора. И день окончен. Мерзость, сущая мерзость!».

14 мая 1904 года Лондон составил проект совместного заявления иностранных корреспондентов, аккредитованных при японской армии в Маньчжурии и возмущенных жесточайшей цензурой со стороны японцев. Из-за нее, говорилось в документе, журналистские репортажи поступали в редакции с огромным опозданием и в настолько выхолощенном виде, что теряли всякий смысл.

В таких обстоятельствах Лондон поставил перед Херстом вопрос о переводе в расположение русской армии. Соответствующие хлопоты, однако, не успели даже начаться, как произошел инцидент с Красоткой, заставивший спецкора «Сан-Франциско экзаминар» досрочно вернуться в США.

Вот что по этому поводу говорится в статье автора ряда книг по военной истории Джона Манчини «Джек Лондон – военкор»: «Из-за своего задиристого характера Лондон угодил в международный скандал. Он ударил японца, которого поймал на краже фуража для своей лошади. За это его в третий раз за четыре месяца арестовали японцы. В этот раз, однако, ему грозил военный трибунал, чреватый смертным приговором».

В мемуарах Чармиан эта история выглядит немного иначе и содержит нотки иронии, с какой Лондон частенько описывал свои приключения: «Пребывание Джека в Японии закончилось эпизодом, который хоть и был незначителен сам по себе, но чуть не привел к печальным последствиям. Его слуга-японец поссорился с другим японцем, воровавшим у них продукты. Джек вмешался и, выйдя из себя, ударил воришку. “Господи, – рассказывал потом Джек, – я даже не ударил его, а остановил кулаком. Он наткнулся

на мой кулак и с воем упал наземь, а потом две недели скулил, весь забинтованный».

Смех смехом, но об этой истории доложили командовавшему японской 1-й армией генералу Куроки Тамэмото. Дело приняло настолько серьезный оборот, что потребовалось вмешательство президента США Теодора Рузвельта.

О том, в какой переплет попал военкор «Сан-Франциско экзаминар», главе Белого дома стало известно из телеграммы из Токио, присланной Ричардом Хардингом Дэвисом. С самым известным американским репортером того поколения будущий президент Соединенных Штатов подружился в 1898 году на Кубе во время Американо-испанской войны. Рузвельт там оказался, сформировав 1-й полк добровольческой кавалерии (в историю США вошел под названием Rough Riders – «Отважные всадники»). Дэвис же, будучи командирован на Кубу в качестве спецкора херстовской газеты «Нью-Йорк геральд», в своих репортажах всячески превозносил военные подвиги Рузвельта, чем способствовал его избранию на высший государственный пост.

Шесть лет спустя Дэвис отправился на Русско-японскую войну и на борту парохода Siberia познакомился с Лондоном. По прибытии в Японию он, как и полсотни других иностранных военкоров, на несколько месяцев застрял в Токио, в душе завидуя Джеку, который, рискуя жизнью, пробрался-таки в Корею, а оттуда – в Маньчжурию, чтобы делать то, ради чего всех их послали за тридевять земель. Тем не менее, узнав, в какую коллегия угодил передрагу, Дэвис без раздумий бросился его выручать.

Рузвельт, будучи поклонником Лондона-писателя (зачитывался его «Северными рассказами»), обратился к японским властям с просьбой освободить

соотечественника. Что те и сделали, потребовав, чтобы намозоливший им глаза спецкор «Сан-Франциско экзаминар» как можно быстрее убрался восвояси.

Вернувшись в Йокогаму, Лондон сел на пароход и отплыл на родину. Таким образом, на Русско-японской войне он не провел и полгода, причем толком ее даже не видел (в чем, однако, его вины нет). Тем не менее, как утверждает Манчини, за упомянутый срок он опубликовал больше репортажей, чем любой другой западный военкор.

На счету Лондона по крайней мере две дюжины таких публикаций, уточнил американский ученый-востоковед Даниэль Метро. В своей статье «Джек Лондон передает из Токио и Маньчжурии» он отметил: «Освещать ту войну отправилось много других знаменитых журналистов, но только Лондон смог обеспечить первоклассные репортажи с передовой. Дэвис и остальные репортеры остались слоняться по Токио, ибо им не хватило отваги Лондона, чтобы пробраться из Японии в Корею».

По замечанию Д. Метро, Джек Лондон оказался еще и недюжинным прорицателем, раньше многих других распознавшим огромный потенциал Японии и Китая и предсказавшим их быстрый рост на мировой арене в XX столетии – вплоть до прогноза о том, что к середине 1970-х годов Китай превратится в сверхдержаву.

При этом, подчеркнул американский ученый, Лондон «определил свое время в интеллектуальном и нравственном смысле. Его корреспонденции о Русско-японской войне носят сбалансированный, объективный характер, демонстрируя озабоченность благополучием как японских, так и русских солдат, а также корейских крестьян и рядовых китайцев, с которыми он встречался».

Джек Лондон под конец своей жизни

20 декабря 1904 года, через полгода после возвращения на родину, Джек Лондон опубликовал примечательное эссе в газете «Бостон пост»: «До сих пор считалось обязательным соблюдать формальности – объявлять войну. После этого можно убивать, и все было в порядке. Японцы преподали нам урок. Они не объявили войну России. Они послали флот в Чемульпо, уничтожили много русских, а войну объявили потом. Такой прием возведен ими в международный принцип. Он гласит: убей вначале побольше живой силы, а потом заяви, что будешь уничтожать еще больше».

Статья Лондона заканчивалась предсказанием: настанет день, когда Япония покусится и на мировое господство Запада. Что и произошло 37 лет спустя, когда точно так же, без объявления войны, Япония напала на Соединенные Штаты, которым пришлось почти четыре года вести с ней тяжелые кровопролитные бои на Тихом океане.

В разгар той войны в Голливуде по сценарию Чармиан сняли художественный фильм «Джек Лондон» в жанре байопика. Его подавали как «невыдуманные приключения крутого героя Америки». Есть в фильме и рассказ о приключениях Лондона

на Русско-японской войне. На этом сделали особый акцент, оформив соответствующим образом рекламный плакат. Поскольку Япония стала смертельным врагом США, Джека Лондона изобразили в качестве заключенного, да и надпись звучала в духе времени: «Первый американский пленник япошек».

По мнению Джона Манчини, ранняя смерть Джека Лондона была связана с той войной: «Он умер в возрасте 40 лет из-за многочисленных проблем со здоровьем, ставших прямым результатом жизни на пределе возможностей, какой он жил и в 1904 году во время своих походов в Корею».

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Церковные праздники конца лета

АВГУСТИН СОКОЛОВСКИ,
доктор богословия, священник

«У вас, православных христиан, каждый день праздник», – порой говорят верующим далекие от Церкви люди. Так они обычно реагируют, когда слышат от людей церковных поздравление «с Праздником». Часто, особенно в недалеком советском прошлом, когда атеизм официально пропагандировался, верующих это смущало. Пожалуй, им казалось, что фраза «у вас в Церкви каждый день праздник» – это не что иное, как упрек в лени и праздности. Но на самом деле в этих словах есть правда. Они сказаны теми, кто смотрит на христиан со стороны. А со стороны видней. И в этом случае по поводу праздников лучше и не скажешь.

Сколько же на самом деле праздников в Церкви? Главный праздник всех христиан на земле – это Пасха. В Православии Пасха торжественно называется Светлым Христовым Воскресением.

В западном христианстве торжественно празднуется Рождество Христово. Поэтому православные христиане порой думают, что для католиков и протестантов Рождество важнее Пасхи. Некоторые полемисты даже выделяют этот момент и критикуют, упрекают католиков со словами: «Они больше отмечают Рождество, чем Пасху, потому что для Католической Церкви гораздо важнее мир земной, а не мир небесный. А вот Православие – это возвышенная

и небесная вера». На самом деле впечатление, что Рождество для западных христиан важнее, чем Пасха, не верно. И это тот редкий случай, когда взгляд со стороны обманчив. Пасха – это «Праздник всех Праздников и Торжество всех Торжеств», причем для всех христиан. Так восклицал о Пасхе Отец Церкви святой Иоанн из Дамаска (675–749). Он был великим богослужебным поэтом, гимнографом. Поэты редко ошибаются...

В ранней Церкви было несколько принципов исчисления пасхальной даты. Христиане в разных частях мира тогда праздновали Пасху по-разному. В 325 году на Вселенском Соборе в Никее был сформулирован единый принцип празднования Пасхи, который действует и по сей день. В 2025 году исполняется ровно 1700 лет со дня проведения Никейского Собора.

Пасха – это главный христианский праздник. В этом утверждении все христиане мира совпадают. Даты остальных праздников христианского мира (в Православии, Католичестве и Протестантстве) очень часто различаются. Здесь же – мы будем говорить о Православии. После Пасхи в Православии имеется двенадцать самых больших праздников – на языке Церкви они именуются дванадцатыми.

Великий богослов и мыслитель V века известный под именем Дионисий Ареопагит много рассуждал

о церковной жизни и о духовной реальности в категориях небесных иерархий. Пожалуй, если попытаться перевести разговор о главных двенадцати праздниках Православия на язык его текстов, можно было бы назвать их «двенадцатиэтажными торжествами». По крайней мере, так легче запомнить этот принцип и само это название.

«Сотвори, чтобы со входом нашим совершился вход святых Ангелов, с нами служащих и славословящих Твою благодать», – говорится в одной из молитв православной литургии. Богослужение в православном понимании – это радость ангелов. В этом убеждены православные христиане.

Двенадцать – это библейское символическое число. Это число двенадцати колен Израиля, число помощников пророка Моисея, это, наконец, Собрание Апостолов. В этом смысле понятие «двенадцать главных православных праздников» вполне легко запомнить.

Из двенадцати праздников семь посвящены Господу Иисусу и три – Богородице. Это так называемые «господские» праздники и праздники «богородичные». Два праздника из двенадцати, Благовещение и Сретение, посвящены Марии и Иисусу в равной степени.

После двенадцати главных праздников следует четыре праздника, которые в Православии также именуются великими. Два из них

посвящены Иоанну Крестителю, один – Апостолам Петру и Павлу, и еще один – Обрезанию Иисуса, согласно обычаям израильского народа в Библии.

В Русской Церкви, Православных Церквях, связанных с ней общностью происхождения и традиций, к этим четырем праздникам добавляется пятый. Это Праздник Покрова Божией Матери.

Не забудем и о том, что каждый воскресный день в Православной Церкви – это тоже большой праздник. Его по традиции принято называть «Малой Пасхой». Такое название, возможно, связано с тем, что в древности, до Собора в Никее, некоторые христианские Церкви праздновали Пасху не единожды в год, но каждую неделю. Воскресенье – это первый день недели. Таким образом древние христиане праздновали Пасху каждую неделю, потому что были убеждены, что Иисус вернется слишком скоро и они просто не успеют дождаться следующего года, чтобы отпраздновать Пасху Великую снова.

Древние христиане могли причащаться каждый день, но евхаристическую литургию совершали раз в неделю. Таким образом, всякий раз Евхаристия – это была Малая Пасха и Праздник Воскресения Господа. Как тут не вспомнить писателя Вальтера Беньямина (1892–1940), сказавшего: «Никогда не закрывай дверь полностью, ибо через нее может войти Мессия». Пожалуй, мало кто помнит, что этот значимый еврейский философ переводил на немецкий великого православного отца

Апостолы Петр и Павел. Икона из Софийского собора Великого Новгорода. XI век

Икона праздника Происхождения (Изнесения) честных древ Животворящего Креста Господня

и мистика Симеона Нового Бого- слова (949–1022)!

Раз уж мы упомянули иудейскую мысль и традицию, скажем и о том, что в Православной Церкви каждая суббота – это тоже праздник. Вопреки общепринятому мнению, будто бы в христианстве воскресный день полностью вытеснил или заменил субботу, суббота вовсе не утратила своего значения. Богослужение субботнего дня в Православии отличается от повседневного, а некоторые субботы в течение года специально посвящены сугубой молитве об усопших. Это так называемые вселенские родительские субботы поминовения, аналогичные тому дню, 2 ноября, когда в Католической Церкви в праздник Всех Душ поминаются усопшие. «День Поминовения» – так назвал свой грустный, исполненный трогательной безысходности роман наш современник, нидерландский писатель Сейс Нотебоом (род. 1933).

Как жаль, что богословие стало просто академической наукой. Из-за этого его важнейшей и самой интересной части – размышлению в сожалении – пришлось «переселиться» в литературное творчество. Грандиозным примером тому – русская художественная литература! Но вернемся к литургике...

Пасха, двенадцать самых главных праздников, четыре или пять великих праздников, каждое воскресенье и каждая суббота – все это праздничные дни в Православии. Есть ли еще другие праздники? Да, есть, и их много. Как бы парадоксально это ни звучало.

Ведь каждый день в течение года совершается празднование в честь того или иного святого. Почти каждый день таких святых, память которых празднуется, довольно много. Ежедневно имеется и празднование в честь той или иной иконы Богородицы, или иконы Спасителя. Наконец,

каждый день, когда совершается Евхаристия, для Православия это праздник. Поэтому в будние дни Великого Поста, в отличие от Католичества, в Православной Церкви евхаристическая литургия не совершается. Ведь Великий Пост – это не торжество, но время покаяния.

Добавим к этому и исторические воспоминания в благодарность об освящении наиболее великих церквей исторического христианства или в славословие Богу за избавление от тех или иных бедствий и несчастий. Например, праздников благодарения за избавление Константинополя от вражеских нашествий и стихийных бедствий очень много в русском православии.

Таково, к примеру, историческое происхождение Праздника Покрова, который сохранился именно в русской, а не греческой традиции, в которой вроде бы появился изначально.

Некоторые святые должны особенно торжественно вспоминаться согласно литургическому уставу. То же самое относится и к историческим воспоминаниям благодарности. Некоторые по непонятным причинам оказались забыты. Другие же, наоборот, вопреки календарной незначительности, празднуются торжественно.

Сочетание великого и малого, предписываемого и забытого, правил и спонтанности, народного благочестия и догматики придает православному календарю потрясающую харизматическую спонтанность. Действительно, создается впечатление, что у православных каждый день – праздник.

Каковы же главные праздники августа? Таких августовских торжеств четыре. Это Происхождение Святого Креста, Преображение, Успение и Нерукотворный Образ Спасителя. Один из них – Успение – это Праздник Богородицы. Остальные три относятся к Иисусу Христу.

Происхождение Честных Древ Животворящего Креста Господня

Изнесение Святого Креста – это один из «константинопольских праздников» Русской Церкви. Так мы называем литургические воспоминания, которые обязаны своим происхождением историческим событиям в городе Константинополе. Древняя Русь приняла крещение от Константинопольской Церкви. В 1439 году на одном из значимых Соборов Церковь Константинополя восстановила свое единство с Римской Церковью. Это событие вошло в историю под именем Ферраро-Флорентийской Унии между православными и католиками.

По воле Московского великого князя Василия Второго (1625–1652) Русская Церковь не признала этого и отделилась. Но до этого момента она была «всего лишь» огромной митрополией Константинополя. Потому константинопольские церковные праздники были зафиксированы в русском богослужебном календаре. Историки до сих пор спорят о том, праздновались ли все они в самом Константинополе. Но Русская Церковь была послушной дочерью своей Церкви-Матери, а потому их праздновала. Большинство из них осталось и поныне. Каждый из этих праздников представляет собой драгоценную жемчужину исторических сведений и духовной жизни из глубокой древности. Примечательно, что именно Русская Церковь празднует события и «торжествует смыслом», о которых забыли сами некогда учредившие их православные греки. На церковном языке этот праздник Креста также именуется Происхождением Честных Древ.

Праздник Изнесения не входит в число двенадцатых или великих праздников. Но у него есть

Андрей Иванов. «Преображение Господне». 1807

предпразднество, которое, впрочем, длится всего один день. Выражаясь языком писателя Андрея Платонова, у этого праздника есть маленький брат. Это 19 марта, когда Церковь вспоминает, как в 326 году в Иерусалиме императрица Елена обрела Святой Крест, на котором был некогда распят Сам Иисус Господь. С того времени части того исторического Креста были разнесены по всему миру. Одна из них хранилась в Константинополе.

Вторая половина лета была в византийской столице временем эпидемий. Для защиты от всего вредоносного Святой Крест проходил по улицам города. Для верующих было очевидно, что это не они несут Крест в священной процессии, но Крест идет впереди и ведет за собой других. Православное богослужение часто обращается к Кресту Христову, как к личности. Причиной тому не только особенная поэтическая форма литургических обращений,

но и та очевидная истина, что в глубинном догматическом понимании Святой Крест – это одно из имен Господа Иисуса.

Русская Церковь придерживается юлианского календаря в богослужении. Поэтому первый день августа, когда в Константинополе совершалось Изнесение Святого Креста, приходится в ней на 14 день месяца. В этот день также начинается Успенский Пост. Наконец, в прошлом именно этот день считался исторической датой начала Крещения Руси. В наши дни Крещение Руси символически празднуется в день памяти равноапостольного князя Владимира 28 июля.

В подлинное напоминание об этом прежнем значении Праздника в церквях в этот день положено совершать освящение воды. Также совершается благословение нового урожая меда. Поэтому в народном благочестии Праздник Святого Креста носит удивительное название Медовый Спас.

Преображение Господне

Если праздник Изнесения Честных Древ обязан своим происхождением истории города Константинополя, то Преображение Господне имеет своим основанием новозаветную библейскую историю. Это событие из земной жизни Иисуса Христа, а потому как праздник Церкви относится к числу двенадцатых величайших православных праздников.

Подобно тому, как у Происхождения есть «праздник-брат» в марте, когда Церковь вспоминает обретение Креста императрицей Еленой в Иерусалиме, Преображение напрямую соотносится с Воздвижением Креста Господня. Это исключительный случай, потому что событие из земной жизни Господа Иисуса, Преображение, и два исторических эпизода из истории христианства, а именно торжественное водружение исторического Креста Господа при Константине Великом, а затем возвращение Креста в Иерусалим

из персидского плена при Ираклии в IV и VII веке соответственно располагаются в единой смысловой литургической связке. Напомним, этим двум событиям посвящен единый Праздник Воздвижения.

Преображение празднуется 19 августа. Согласно Евангелию, Господь Иисус взшел на Гору с апостолами Петром, Иаковом и Иоанном, и преобразился пред ними. Ему беседовали пророки Моисей и Илия. Глас Бога и Отца засвидетельствовал, что на Иисусе почивает Благоволение. Последующее раскрытие искупительной тайны показало, что Благоволение Бога к людям – это также Сам Иисус. Событие Преображения описано в Евангелии от Матфея, Марка и Луки (Мф. 17:1–6; Мк. 9:1–8; Лк. 9:28–36), а также в Соборном Послании Петра (2 Пет. 1:17–18).

В земной жизни Христа были явления славы. Это и хождение по водам, исцеления и чудеса и, конечно, воскрешение мертвых. Однако Сам Он при этом был как бы не совсем замечен. «Я кроток и смирен сердцем», – говорит Иисус в Евангелии о Себе (Мф. 11:29). Посланный Отцом, Иисус делом являл великое творческое искусство Бога, при котором Он создал этот мир таким образом, что сам мир существует настолько самостоятельно, что как бы и не нуждается в Нем, Своем Творце! «Мой негордый Бог!» – восклицал в своих мистических размышлениях Симеон Новый Богослов.

Священное Писание и Вера Церкви свидетельствуют о том, что Сын Божий, ставший человеком во Иисусе Христе, полностью, окончательно и бесповоротно являет Бога Отца. Дух Святой таким же точно образом и в такой же окончательной и бесповоротной полноте являет Сына Божия. В этом одно из главных догматических значений Сошествия Духа Святого на Апостолов. Таково христианское понимание божественного бытия

в тайне Святой Троицы. «Бог любит Троицу», – говорит пословица. При кажущейся безобидной звонкости содержание ее не только нелепо, но и грешно. Ведь Троица – это не об арифметике и не про число. «Крестите все народы во имя Отца и Сына и Святого Духа» – такова последняя заповедь Воскресшего Господа (Мф. 28:19). Вера в Святую Троицу содержится в Писании, формулируется, за твердость исповедания этой истины пролили свою кровь мириады мучеников.

Исключительность Преображения заключается в явлении славы Бога, которая была направлена на Его Сына. По свидетельству Евангелия, Иисусу «явился Илия с Моисеем, они беседовали с Ним» (Мк. 7:4). «От великолепной славы принесся Ему такой глас: сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение», – пишет Петр в своем Послании (2 Пет. 1:17). Свидетелями этого стали Апостолы. Повидимому, пережитое во время Преображения было вскоре забыто ими в превратностях приближавшегося ко Иисусу предательства и распятия, но после Воскресения было осознано со всей полнотой, более того, оно было пережито по-новому. Богословие Церкви называет это пасхальным прочтением жизни Господа.

Действительно, заключительные слова повествования в Евангелии свидетельствуют о том, что Преображение непосредственно связано с Крестом Христовым. Тогда Господь явил Свою славу, после чего возвестил Апостолам о предстоящем Ему Страдании. «И когда сходили они с горы, Иисус запретил им, говоря: никому не сказывайте о сем видении, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых. Ибо Сын Человеческий пострадает» (ср. Мф. 17:9. 12). Поэтому именно на сороковой день после Преображения празднуется Воздвижение Креста.

Если на Праздник Изнесения Святого Креста освящается новый

мед, то на Преображение благославляются яблоки. В зависимости от климата и географического расположения прихода в наше время к яблокам добавляются виноград, арбузы и иные фрукты. По мере продовольственной глобализации, диапазон благословения фруктов расширяется и это удивительный пример православной миссионерской инкультурации.

В церковной среде на тему «преображенных яблок» существует немало народных толкований, поговорок и даже просто шуток. Все это свидетельствует о том, насколько важную роль церковные традиции, даже такие простые, как библейское посвящение Богу нового урожая, играют в формировании культур и целых цивилизаций.

Хотя Преображение приходится на время Успенского Поста, отказ от вкушения яблок до наступления праздника к постным правилам о пище не имеет никакого отношения. Все первое и важное посвящается Единому Богу, и традиция преображенных яблок, пожалуй, самым безобидным и ненавязчивым образом напоминает об этом.

В народном благочестии праздник Преображения именуется Яблочным Спасом. Пожалуй, преподавание Закона Божия подрастающему поколению нужно хотя бы для того, чтобы не перепутать, что же было раньше, яблочные технологии или все же праздники. Об этом, правда, пользуясь другими примерами, писал наш великий современник Умберто Эко (1932–2016).

В завершение этого небольшого размышления вспомним, что в богослужбном календаре, как в Православии, так и в западном христианстве, август – это последний месяц года. Время Церкви начинается с осени. Благодаря праздникам дни августа преобразуются, становясь ключами к осенней грусти, ностальгии по времени, литургии и новозаветной святости.